

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

ТипЛ

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4

Выпуск 2, № 4, 2016

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань

доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна

канд. филол. наук (США)

Буркин Алексей Алексеевич

д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Гусева Светлана Ивановна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Ермакова Людмила Витальевна

канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Лаврилье Александра

д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович

д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет)

Пирогова Марина Андреевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Поржучек Анджей

д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Селютина Ираида Яковлевна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич

д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна

канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид

доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюарт)

Чой Мун-Джеонг

доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна

д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна

д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна

канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ www.amursu.ru/lingua

Адрес редакционной коллегии:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

ThAL

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4

Volume 2, Issue 4, 2016

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region,
Russian Federation, Zip Code 675027

General Editor*Svetlana V. Androsova*

Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors*Svetlana V. Derkach*

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board*Nina G. Arkhipova*

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan

PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett

PhD (the US)

Alexis A. Burykin

Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva

Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Ludmila V. Ermakova

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier

PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova

PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov

Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation)

Marina A. Pirogova

Associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek

PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland).

Iraida Ya. Selyutina

Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin

Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya

Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien

PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi

PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva

Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina

PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko

Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya

PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Publisher Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: www.amursu.ru/lingua
e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 811
UDC 811

Кравец Татьяна Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Tatyana V. Kravets,
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: t_kravetc@mail.ru

**ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В ЗНАЧЕНИИ НЕМЕЦКИХ
ПАРЕМИЙ С ЛЕКСЕМОЙ *DER GOTT*
EVALUATIVE COMPONENT IN THE MEANING OF THE GERMAN
SET EXPRESSIONS WITH THE LEXEME *DER GOTT***

Аннотация

В центре данной статьи рассматриваются коннотации лексемы *der Gott* в немецких паремиях. Так как паремии носят оценочный характер, то они являются благодатным полем для поиска коннотативных значений. Оценочные суждения в пословицах отражают культурные традиции и базовые ценности немецкой нации. В немецких пословицах компонент *der Gott*, как правило, выступает в позиции субъекта и взаимодействует с различными предикатами. Рассматриваются группы пословиц с сочетаниями субъекта *der Gott* и предикатов, содержащими оценку, то есть, представление о том, что некоторое положение вещей является добром или злом. Делается вывод о том, что анализируемые пословицы могут выражать как положительные, так и отрицательные смыслы мотивируемых и не мотивируемых событий. Среди них преобладают положительные коннотации. Положительные и отрицательные коннотации лексемы *der Gott* объективируют определённые лексические номинации понятия, обозначаемого лексемой *der Gott*, и позволяют установить место понятия «БОГ» в языковой картине мира носителей немецкого языка. Наличие различных коннотаций у лексемы *der Gott* в немецких пословицах доказывает, что понятие «БОГ», объективируемое в немецком языке знаком *der Gott*, имеет огромное значение в немецкой культуре. Следовательно, паремическая картина мира позволяет определить место понятия «БОГ» в языковой картине мира носителей немецкого языка.

Abstract

The paper deals with connotations of the lexeme *der Gott* in German proverbs. As proverbs have an evaluative character, they are a rich field for searching connotative meanings. Evaluative judgments in such set expressions as proverbs reflect cultural traditions and basic values of the German nation. In German proverbs a component *der Gott* has a stable position as a subject and interacts with various predicates. The groups of proverbs with combinations of the subject *der Gott* with predicates containing evaluation, that is, the views about what things are good or evil.

The results of the current study enable to conclude that the proverbs can express both positive and negative connotations of motivated and unmotivated events. Among them positive ones

prevail. Various connotations of the lexeme *der Gott* in German proverbs prove that the concept of «GOD» objectified in the German language with the token *der Gott* is considerably significant in the German culture. Thus, a paremic picture of the world enables to determine the place of the concept «GOD» in the linguistic world picture of German native speakers.

Ключевые слова: коннотации, немецкие пословицы, лексема *der Gott*, оценка, языковая картина мира, положительные и отрицательные смыслы, мотивированные и не мотивированные события.

Keywords: connotations, German proverbs, the lexeme *der Gott*, evaluation, the linguistic world picture, positive and negative connotations, motivated and unmotivated event.

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_5_13

1. Введение

Национальный язык является главной составная частью национальной культуры, в которой аккумулируется социокультурный опыт того или иного этноса, региональной или социальной группы. В связи с этим можно предположить, что определённая часть словарного состава языка маркирована коннотацией в её культурно-национальном аспекте. Культурно-национальная коннотация возникает при соотнесении языковых единиц с категориями культуры и является связующим звеном между ними. Элементы национальной культуры коннотируются в результате коллективного социокультурного опыта и отражаются в паремиях, неотъемлемым качеством которых является их оценочный характер, реализуемый с помощью определённого образа, который является «предметно-чувственным отражением в сознании человека номинируемого объекта, возникающим у коммуникантов» [Левин, 1984, с. 51].

Под коннотацией понимается дополнительное содержание слова, его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов [Ахманова, 2007, с. 303–304].

В разное время подходы к коннотации и способам её выражения в языке осуществлялись через средства вторичной номинации (см. работы Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, В. Н. Телия, А. А. Уфимцевой и др.) [Арутюнова, 1998; Апресян, 1995; Телия, 1977; Телия, 1981; Уфимцева, 1980; Кубрякова, 2012], с психолингвистических (см. труды Д. А. Леонтьева, А. А. Залевской и др.) [Леонтьев, 1999; Залевская, 2005], когнитивно-лингвистических (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Вежбицкая и др.) [Lakoff, Johnson, 1980; Вежбицкая, 1996] и лингвокультурологических позиций (В. И. Карасик, С. Г. Тер-Минасова, В. А. Маслова и др.) [Карасик, 2002; Тер-Минасова, 2004; Маслова, 2001]. Несмотря на достаточно полную разработанность темы коннотаций в современной лингвистической литературе, представляется, что она требует дальнейшего изучения и про-

верки на большом фактическом материале. Результаты такого исследования необходимы в современной лексикографической практике.

Паремическая картина мира отражает представления народа – носителя данного языка – о ценностных характеристиках мира, даёт образец поведения человека в тех или иных ситуациях. Иными словами, неотъемлемым качеством паремий является их оценочный характер, который отражён в различных коннотациях того или иного слова. В центре данной статьи рассматриваются коннотации лексемы *der Gott* в немецких паремиях.

Охватывая и отражая базовые ценности в области философии, культуры, религии, сферы морали и нравственности и даже сферы естественных наук, созданные всем человечеством в ходе развития цивилизации, понятие «БОГ» занимает особое место в языковой картине мира носителей немецкой культуры [Степанов, Проскурин, 1993, с. 47]. В немецком языке понятие «БОГ» репрезентируется:

– лексемами (*Gott, Herr, Herrgott, himmlischer Vater, Himmel, Allvater, Schöpfer, Erhalter, Schicksal*) [Duden, 1997, S. 319];

– свободными словосочетаниями (*Ach, du großer Gott*) [Sprichwörter...];

– фразеологическими единицами (*Gott sei Dank; Grüß Gott*) [Sprichwörter...];

– паремиями (*Der Mensch denkt, der Gott lenkt*) [Sprichwörter...] и текстовыми единицами, выходящими за рамки нашего материала исследования.

Понятие «БОГ», объективируемое в немецком языке лексемой *der Gott*, обладает высокой культурной значимостью и является своего рода ключом к пониманию культуры немецкого народа. Поэтому выяснение отрицательной и положительной семантики устойчивых выражений с лексемой *der Gott* представляет для нас определённый интерес.

В немецких паремиях компонент *der Gott* выступает в устойчивых выражениях в позиции субъекта и сочетается с различными предикатами. Рассмотрим группы паремий с сочетаниями субъекта *der Gott* и предикатов, в сигнификативном значении которых содержится оценка, то есть представление о том, что некоторое положение вещей является добром или злом.

2. Анализ немецких пословиц с компонентом *der Gott*

Значительную группу, выражающую представление о том, что хорошие дела человека вызывают положительные явления, составляют сочетания слова *der Gott* с предикатами *helfen* (помогать), *geben* (давать), *schenken* (дарить), например, *Dem Arbeiter hilft Gott* (Бог помогает труженику) [Балк, 2013]. Самым частотным из них является выражение *Hilf dir selbst, so wird dir geholfen* (На Бога надейся, а сам не плошай) [Zwilling, 1984, S. 87]. Это выражение имеет близкое значение в других паремиях типа *Hilf dir selbst, so hilft dir Gott!* (Помоги себе сам, и тебе поможет Бог); *Mit Gottes Hilfe* (Бог в помощь) [Drosdowski, 1992, S. 270]. Мотивированное положительное событие выражено в пословице *Dem Fleißigen hilft Gott* (Бог помогает трудолюбивым) [Балк, 2013]. Немотивированное положи-

тельное действие (у Бога нет мотива помогать глупым людям, которые этого недостойны) представлено в паремии *Dem Dummen hilft der liebe Gott* (Бог помогает глупым) [Zwilling, 1984, S. 54].

В поговорках *Helf dir Gott!; Gott helf!; Helf' Gott* (Помоги тебе Бог!) [Drosdowski, 1992, S. 269], *Das möge Gott uns schenken!* (Пусть Бог одарит нас этим); *So wahr mir Gott helfe!* (Да поможет мне Господь!) [Drosdowski, 1992, S. 777] вербализируется пожелание немотивированных позитивных событий, которые могут произойти с человеком.

Предикаты *geben* (давать), *schenken* (дарить), так же, как и *helfen* (помогать), указывают на осуществление какого-либо позитивного, приятного события без усилия человека: *Wem Gott gibt ein Amt, dem gibt er auch Verstand* (Кому Бог дает должность, тому он дает разум) [Schemann, 1993, S. 280]; *eine (gute) Gabe Gottes* (дар божий) [Schemann, 1993, S. 229].

Представление о мотивированности положительного явления или события хорошими делами/качествами человека выражено в паремиях, содержащих сочетание субъекта *der Gott* с предикатами *schützen* (защищать), *bewahren* (беречь), *behüten* (хранить, оберегать), *verhüten* (предотвращать), означает, что с человеком не случится ничего плохого: *Gott behüte!* (Сохрани Бог!) [Drosdowski Günther, 1992, S. 269]; *Gott bewahre!* (Храни Бог) [Drosdowski, 1992, S. 269]; *Das möge der liebe Gott verhüten* (Да убережет тебя Господь) [Schemann, 1993, S. 280]; *Betrunkene und Kinder schützt der liebe Gott* (Пьяного да малого Бог бережет) [Rausch].

В следующей группе паремий в положительной форме представлена мысль о Боге как о деятеле, создателе: *Tu das Deine, Gott tut das Seine* (Делай своё, а Бог будет делать своё) [Rausch]. В значения предикатов *machen, tun* (делать), *bauen* (строить), *schaffen* (создавать) входит компонент результативного действия: *Gott hat die Zeit geschaffen, von Eile hat er nichts gesagt* (Бог создал время, но о спешке он ничего не сказал) [Drosdowski, 1992, S. 270]; *Ihn schuf Gott* (Его создал Бог) [Drosdowski, 1992, S. 270]; *Der Kalendermacher macht den Kalender, aber unser Herrgott das Wetter* (Изготовитель календарей делает календарь, а наш Господь делает погоду) [Röhrich, 2004].

В пословице *Wo Gott eine Kirche baut, baut der Teufel eine Kapelle daneben* (Где Бог строит церковь, там дьявол строит рядом часовню) [Rausch] выражено представление о том, что некоторое положение вещей, и негативное, и позитивное, не мотивировано действиями человека.

Представления о зле выражено негативными предикатами *bestrafen, strafen* (наказывать), *blenden* (ослеплять) в таких пословицах как: *Kleine Sünden bestraft Gott sofort* (За малые грехи Бог сразу наказывает); *Eine Strafe Gottes sein* (Быть наказанием божьим) [Röhrich, 2004, S. 210]; *Gott soll mich strafen, wenn...* (Бог должен меня наказывать, если...) [Drosdowski, 1992, S. 270]; *Der muß viel können, der Gott will blenden* (Кто должен много уметь, того Бог хочет ослепить); *Gott bestraft den Hochmütigen* (Бог наказывает высокомерных) [Sprichwörter...]. В данных паремиях чётко прослеживается мысль о том, что плохие дела вызывают негативные события или характеризуются отрицательно.

Однако не всегда плохие поступки имеют негативные последствия. В паремиях *Gott grüßt manchen, der ihm nicht dankt* (Бог приветствует многих, кто его не благодарит); *Danken kostet nichts und gefällt Gott und Menschen wohl* (Благодарность ничего не стоит и нравится Богу и человеку) [Rausch] объективирована мысль о том, что не происходит негативного события с теми, кто делает ошибки и виноват. Более того, несмотря на ошибки и заблуждения, совершенные человеком, с ним происходит что-то хорошее. Так, например, в пословице *Gott gibt nicht einem alles* (Бог не дает всё одному) [Rausch], несмотря на отрицание, представлено мотивированное позитивное обстоятельство – Бог справедлив.

Смысл немотивированности позитивного события выражен в паремиях, в которых сочетание с субъектом *der Gott* обозначает «ненормальное» следствие, то есть неожиданное положение вещей. В качестве ожидаемого «обычного» следствия предполагается неблагоприятное положение дел, так как его причиной является событие, представляющее потенциальную угрозу, опасность или нежелательное явление. Оно преимущественно воспринимается эмоционально. Высокая вероятность положительного события, противопоставленного маловероятному негативному событию, выражена в паремии *Traum ist schrecklich, aber Gott ist gnädig* (Страшен сон, да милостив Бог) [Schemann, 1993, S. 280]. Первая структурная часть в пословице обозначает переживание эмоции страха (*schrecklich*), вторая же часть, напротив, содержит положительную характеристику действий Бога. Данную пословицу можно проинтерпретировать следующим образом: увидевший и переживший во сне что-то отрицательное, нежелательное и неприятное человек уверен, что этого не произойдет в реальной жизни, так как Бог от этого спасёт и избавит. Проснувшись после ужасного сна, человек благодарен Богу, что это всего лишь сон.

Чрезмерное противопоставление добра и зла, негативного и позитивного отражено в паремии *Der Teufel ist die Kehrseite Gottes* (Дьявол – это обратная сторона Бога) через противопоставление бога и черта [Drosdowski, 1992, S. 271].

В процессе анализа немецких паремий обнаружено, что коннотации лексемы *der Gott* (данная лексема является ключевой, поскольку чаще всего встречается в пословицах) в большинстве своем связаны с положительной оценкой. Бог ассоциируется у немцев с образом спасителя и помощника, который всегда протянет руку в трудную минуту: *Traum ist schrecklich, aber Gott ist gnädig* (Ужасен сон, да милостив бог); *das möge der liebe Gott verhüten* (*path., jovial*) (пусть боженька сохранит) [Beyer, 1984, S. 112]; *behüt' dich Gott!* (храни тебя господь!) [Drosdowski, 1992, S. 170]; *Gott bewahre!* (Боже, сохрани!) [Sprichwörter...]. В ряде пословиц с лексемой *der Gott* отражено представление о боге как о существе всемогущем, которому все подвластно: *Vor Gericht und auf hoher See bist du in Gottes Hand!* (Все под богом ходим, все во власти бога) [Sprichwörter...]; *bei Gott ist kein Ding unmöglich* (бог все может, для бога нет ничего невозможного) [Duden, 1997, S. 271]; *Der Mensch denkt, der Gott lenkt* (Человек предполагает, а бог располагает) [Sprichwörter...]; *Alles steht in Gottes Hand; Aller*

Sieg kommt von Gott (Всё в руках божьих) [Sprichwörter...]; *um Gottes willen!* (всё, что ни делается – на всё господня воля) (ugs.) [Duden, 1997, S. 271]; *das walte Gott!* (так хочет бог) [Duden, 1997, S. 668]; *so Gott will* (так хочет бог) [Duden, 1997, S. 270]. В то же время Бог выступает в паремиях как исполнитель желаний, на которого надеются: *Gott erfülle mir meinen Wunsch* (Боже, исполни моё желание) [Sprichwörter...]; *An Gottes Segen ist alles gelegen* (Все под божьим благословением) [Sprichwörter...]. Бог – всезнающий: *weiß Gott* (бог знает) [Duden, 1997, S. 270]; *Sich wissen ist viel wissen, Gott wissen ist alles wissen; Sich kennen ist viel kennen, Gott kennen ist alles kennen* (Понимать себя – много понимать, понимать бога – всё понимать) [Sprichwörter...] и является образцом для подражания: *wie ein junger Gott spielen oder leben wie Gott in Frankreich; leben wie Gott/ wie der liebe Herrgott in Frankreich* (жить или играть, как бог) [Röhrich, 2004, S. 568].

В пословицах *Gott gibt nicht einem alles* (Бог не дает всё одному) [Sprichwörter...]; *Arm oder reich – vor Gott sind alle gleich* (Перед богом все равны) [Sprichwörter...]; *vor Gottes Richterstuhl treten* (предстать перед судом божьим) [Schemann, 1993, S. 281–282] имплицирована сема «бог – справедливый судья».

3. Выводы

Таким образом, паремическая, или «провербиальная» картина мира раскрывает представления народа – носителя немецкого языка – о ценностных характеристиках бога. В немецких паремиях с лексемой *der Gott* в роли субъекта выявлены как положительные, так и отрицательные её коннотации. В процессе анализа немецких паремий обнаружено, что коннотации лексемы *der Gott* в большинстве своём связаны с положительной оценкой, которая отражает принятое в данном языковом коллективе и закреплённое в культуре данного общества представление о боге, выступающем в образе всезнающего существа, на помощь которого можно рассчитывать, надеяться, что он исполнит твои желания. При этом можно быть уверенным в его справедливости и могуществе и подражать ему во всём.

В меньшей степени в пословицах представлены мотивированные негативные смыслы, ещё реже – чрезмерное проявление отрицательного качества. Среди положительных смыслов в пословицах преобладают мотивированное позитивное явление, высокая вероятность позитивного события, немотивированное позитивное событие.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова [Текст] / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. М. : Языки русской культуры, 1995. – Т. 2. – 766 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – Изд. 4-е, стер. – М. : КомКнига, 2007. – 576 с.
4. Балк, Е. Работа по-немецки: не волк или приправа жизни? Diros – Портал для всей семьи [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа:

- http://www.diros.de/arbeiten_in_deutschland/nemezkie-poslovizy.html (дата обращения: 21.01.2016 г.).
5. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М., 1996. – 416 с.
  6. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды [Текст] / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
  7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166–205.
  8. Кубрякова, Е. С. Теория номинации и словообразование. Монография [Текст] / Е. С. Кубрякова. – Изд. 4-е. – М. : Изд-во ЛИБРОКОМ, 2012. – 88 с.
  9. Левин, Ю. И. Провербиальное пространство [Текст] / Ю. И. Левин // Паремнологические исследования : сб. статей – М. : Наука, 1984. – С. 108–126.
  10. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности [Текст] / Д. А. Леонтьев. – 2-е изд., испр. – М. : Смысл, 2003. – 487 с.
  11. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
  12. Степанов, Ю. С. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия [Текст] / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин – М. : Наука, 1993. – 158 с.
  13. Телия, В. Н. Вторичная номинация и её виды [Текст] / В. Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – С. 120–129.
  14. Телия, В. Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке [Текст] / В. Н. Телия. – М. : 1981. – 269 с.
  15. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
  16. Уфимцева, А. А. Семантика слова [Текст] / А. А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. – М. : Наука, 1980. – С. 5–80.
  17. Beyer, H. Sprichwörter-Lexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Ausdrücke zur deutschen Sammlungen vom 16. Jahrhundert [Text] / H. Beyer, A. Beyer. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1984. – 712 S.
  18. Drosdowski Günther /Scholze-Stubenrecht, Werner: Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Sprache [Text] / Günther Drosdowski. – Duden Band 11. Mannheim: Dudenverlag, 1992. – 864 S.
  19. Duden. Band 8. Die sinn- und sachverwandten Wörter. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag., 1997 – 858 S.
  20. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago-London : The University of Chicago Press, 1980. – 256 p.
  21. Rausch, A. Sprichwörter. Internetseite von Alexander Rausch [Electronic resource]. – Retrieved November 23, 2015 from <<http://www.sascha-rausch.de/sw.php>>.
  22. Röhrich, L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten [Text] / L. Röhrich. – Freiburg/ Basel/ Wien : Verlag Herder, 2004. (Band 1: A - Hampelmann, Band 2: Hanau – Saite, Band 3: Salamander – Zylinder). – 1760 S. Directmedia (Digitale Bibliothek 42) CD-ROM, Windows + Macintosh.

23. Schemann, H. Deutsche Idiomatik. Die deutschen Redewendungen im Kontext [Text] / H. Schemann. – Stuttgart/ Dresden : Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1993. – 503 S.
24. Sprichwörter. Redewendungen. Phasen und Zungenbrecher auf sprichwoerter.net [Electronic resource]. – Retrieved December 27, 2015 from <<http://www.sprichwoerter.net/>>.
25. Zwilling, M. J. Sprichwörter. Sprichwörtliche Redensarten. Russisch-Deutsches Wörterbuch [Text] / M. J. Zwilling. – Moskau, 1984. – 214 S.

References

1. Apresjan, Ju. D. (1995). Konnotacii kak chast' pragmatiki slova [Connotations as a part of speech pragmatics]. *Izbrannye trudy* [Selected Papers]. Moscow : Languages of Russian culture.
2. Arutjunova, N. D. (1998). *Jazyk i mir cheloveka* [Language and a man's world]. Moscow : Languages of Russian culture.
3. Ahmanova, O. S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : KomKniga.
4. Balk, E. (2013). Rabota po-nemecki: ne volk ili priprava zhizni? [Jobs in German: not a wolf, or a seasoning of life]. *Diros – Portal dlja vsej sem'i* [Diros - Portal for the whole family]. Retrieved Janury 21, 2016 from <http://www.diros.de/arbeiten_in_deutschland/nemezkie-poslovizy.html>
5. Vezhbickaja, A. (1996). *Jazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow.
6. Zalevskaja, A. A. (2005). *Psiholingvisticheskie issledovanija. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy* [Psycholinguistic research. Word. Text. Selected Papers]. Moscow : Gnozis.
7. Karasik, V. I. (2002). *Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Linguistic circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd : Peremena.
8. Kubrjakova, E. S. (2012). *Teorija nominacii i slovoobrazovanie* [The theory of the nomination and word formation]. Moscow.
9. Levin, Ju. I. (1984). Proverbial'noe prostranstvo [The space of proverbs]. *Proc. Conference «Paremiologicheskie issledovanija»* [Paremiological study]. Moscow.
10. Leont'ev, D. A. (2003). *Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality]. Moscow.
11. Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologija* [Linguistic cultural studies]. Moscow : Akademija.
12. Stepanov, Ju. S., Proskurin, S. G. (1993). *Konstanty mirovoj kul'tury. Alfavitny i alfavitnye teksty v periody dvoeverija* [The constants of the world culture. Alphabets and alphabetic texts in times of dual faith]. Moscow : Science.
13. Telija, V. N. (1977). Vtorichnaja nominacija i ee vidy [Secondary nomination and its types]. *Proc. Conference «Jazykovaja nominacija. Vidy naimenovanij»* [Language nomination. Types of names] (pp. 120–129). Moscow : Science.
14. Telija, V. N. (1981). *Tipy jazykovyh znachenij: Svjazannoe znachenie slova v jazyke* [Types of linguistic meanings: Associated meaning of the word in the language]. Moscow.

15. Ter-Minasova, S. G. (2000). *Jazyk i mezhkul'turnaja komunikacija* [Language and Intercultural Communication]. Moscow : Slovo.
16. Ufimceva, A. A. (1980). *Semantika slova* [The semantics of the word]. *Aspekty semanticheskikh issledovanij* [Aspects of semantic research]. Moscow : Science.
17. Beyer, H., Beyer, A. (eds.). (1984). *Sprichwörter-Lexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Ausdrücke zur deutschen Sammlungen vom 16. Jahrhundert*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut.
18. Drosdowski, G. / Scholze-Stubenrecht Werner. (ed.). (1992). *Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Mannheim.
19. Duden. (ed.). (1997). *Band 8. Die sinn- und sachverwandten Wörter*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.
20. Lakoff, G., Johnson, M. (ed.). (1980). *Metaphors we live by*. Chicago-London : The University of Chicago Press.
21. Röhrich, L. (ed.). (2004). *Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. Freiburg/ Basel/ Wien : Verlag Herder.
22. Rausch, A. *Sprichwörter*. Internetseite von Alexander Rausch. Retrieved 23.11.2015 from <<http://www.sascha-rausch.de/sw.php>>.
23. Schemann, H. (ed.). (1993). *Deutsche Idiomatik. Die deutschen Redewendungen im Kontext*. Stuttgart/Dresden.
24. Sprichwörter. Redewendungen. *Phasen und Zungenbrecher auf sprichwoerter.net*. Retrieved December 27, 2015 from <<http://www.sprichwoerter.net/>>.
25. Zwilling, M. J. (ed.) (1984). *Sprichwörter. Sprichwörtliche Redensarten*. Russisch-Deutsches Wörterbuch. Moskau.

УДК 81'23, 81'36

UDC 81'23, 81'36

Кравченко Евгения Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская федерация
Evgeniia V. Kravchenko
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: kravchenko0992@mail.ru

**МОДАЛЬНАЯ ЧАСТИЦА 吧 BA: ЭВОЛЮЦИЯ, ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ**
**THE MODAL PARTICLE 吧 BA: EVOLUTION, FUNCTIONING
PATTERNS AND BASIC MEANING**

Аннотация

Большое количество модальных частиц – отличительная особенность китайского языка. Исследователи грамматики уделяют пристальное внимание изучению и описанию основных функций и значений модальных частиц, что говорит о важности этого класса слов для общей грамматической структуры современного китайского языка. Их употребление играет важную роль при выражении интонации предложения, они вносят в предложение дополнительные смысловые оттенки и способны даже изменить смысл всего предложения. Данная статья посвящена описанию истории развития, особенностей функционирования и основных значений модальной частицы 吧 *ba*, которая отличается широкой сферой применения и разнообразием функций и смысловых оттеночных значений. Это представляет огромный интерес и является достаточно актуальным как для изучающих китайский язык, так и для исследователей грамматики современного китайского языка.

Abstract

Many modal particles are a distinctive feature of the Chinese language. Grammar researchers pay considerable attention to the study and description of the main functions and meanings of modal particles, that present an important class of words in general grammatical structure of modern Chinese. Their use plays an significant role in terms of sentence intonation, they introduce additional shades of meaning, and can even change the meaning of the whole sentence. This article describes the history of development, features, functioning patterns, and the basic meanings of the modal particle 吧 *ba* that is characterized by a broad sphere of use and diversity of functions and connotations. These issues are of great interest and relevance for Chinese-as-L2 learners, as well as for researchers of modern Chinese grammar.

Ключевые слова: модальные частицы, интонация, повеление, вопрос, просьба, предположение, тема, рема.

Keywords: modal particle, intonation, commandment question, request, suggestion, theme, rheme.

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_14_22

1. Введение

Модальные частицы представляют собой самый многочисленный класс частиц современного китайского языка. Учёные выделяют многообразие экспрессивных и оттеночных дополнительных значений, которые они способны внести в предложение, занимая ту или иную позицию. Частица 吧 *ba* является одной из шести (了, 啊, 吗, 呢, 吧, 的) наиболее часто употребительных модальных частиц китайского языка. Эти шесть частиц были выделены как наиболее употребительные в современном разговорном и письменном языке посредством исследования, описанного в Вестнике Санкт-Петербургского университета «Востоковедение. Африканистика» в статье «Частицы как способ выражения модальности в китайском языке» [Симатова, 2014, с. 32–33]. Настоящее исследование состояло из трёх этапов: 1) изучение отечественной литературы о модальных частицах; 2) изучение китайской литературы; 3) проведение анкетирования на базе Хэйлунцзянского университета г. Харбин. Студенты китайского вуза подтвердили сведения о том, что эти шесть частиц являются самыми употребительными модальными частицами. Исследователь грамматики китайского языка Бай Сяохун объединил их под термином «典型» (классические), которым мы и воспользовались в своём исследовании.

2. Происхождение и развитие частицы 吧 *ba*

Лань Ин, лингвист, специалист в области служебных слов древнекитайского языка, утверждает, что модальная частица 吧 *ba* начала развиваться с времён юаньской драмы (начало 13 века). Учёный указывает, что своё начало частица берёт от глагола 罢 *bà* (останавливаться, прекращаться, заканчиваться; переставать (罢了 工 прекратить работу; забастовать 雨 罢, 叶生光 *дождь перестал – блеском сверкает листва...*)) который грамматикализировался в аспектную частицу 罢 *ba*. Данная частица употреблялась после глагола, прилагательного и выражений, образованных ими, указывая на завершение действия или наступление состояния (他说罢就走了 сказав [всё это] (оборвав свою речь), он ушёл). Впоследствии из аспектной частицы 罢 *ba* грамматикализировалась в конечную модальную частицу [Лань Ин, 2004, с. 88]. В период правления династии Цин (1644–1911 г.г.) в 18 веке частица 罢 *ba* начала на письме заменяться иероглифом 吧 *ba*. В 19 веке ещё не наблюдается широкого распространения иероглифа 吧 *ba*, однако в начале 20 века данный иероглиф уже начинает активно распространяться [Ли Лин`ин, 2008, с. 16]. В современном китайском языке данная частица записывается иероглифом 吧 *ba* и приобрела дополнительные значения. Также, на материале современного китайского языка появляется всё больше исследований употребления данной частицы внутри предложения. Вышеописанная история развития частицы раскрывает путь эволюции её смысла, и является теоретической опорой для изучения грамматического значения.

Исследователи современного китайского языка тщательно изучают основные способы функционирования модальной частицы 吧 *ba*. Ввиду многообразия модальных частиц, исследователи разработали несколько классификаций, в основе которых лежат различные критерии. Рассмотрим данные классификации и место частицы 吧 *ba* в них.

3. Классификация китайских модальных частиц

Во-первых, модальные частицы делятся на классические 典型语气词 и обычные – 般语气词. Как было отмечено выше частица 吧 *ba* относится к группе классических частиц, которые отличаются широкой сферой употребления, разными способами употребления и сложностью выражаемой интонации [Бай Сяохун, 2007, с. 247].

Во-вторых, выделяется четыре группы модальных частиц в зависимости от передаваемой интонации: повествовательные, восклицательные, вопросительные и побудительные. Некоторые группы частиц делятся на подгруппы в соответствии с передаваемым оттенком значения. Кроме того, некоторые частицы могут употребляться в разных типах предложений, придавая различные смысловые оттенки. В соответствии с данной классификацией, частица *ba* 吧 входит в группу вопросительных и побудительных частиц [Бай Сяохун, 2007, с. 250–252].

В-третьих, в соответствии с занимаемым в предложении положением, частицы делятся на два вида: 1) частицы, которые могут стоять только в конце предложения; 2) частицы, которые могут находиться в середине предложения. Таких частиц немного, они все одновременно относятся к этим двум видам, то есть могут стоять и в конце предложения. Частица 吧 *ba* относится ко второму типу.

В-четвёртых, частицы бывают односложными, двусложными и трехсложными. 吧 *ba* относится к односложным частицам, так как состоит из одного слога.

В группе односложных частиц можно выделить базовые частицы и производные. Производные частицы могут образовываться на основе базовых частиц, но при этом изменяют их чтение под влиянием различных внешних условий. Ещё одним способом образования производных частиц является сложение чтения двух последовательно расположенных в предложении частиц. На основе частицы 吧 *ba* образована частица 呗 *bei* (при слиянии чтения частиц 罢 *ba* и 哎 *ai*) и частица 波 *bo* – слияние чтения частиц 吧 *ba* и 欧 *ou* [Чжан Бинь, 2000, с. 266–267].

Кроме вышеизложенных классификаций, принятых большинством учёных, также можно выделить отдельные случаи. Классификация модальных частиц Чжу Дэси имеет свои особенности. Исследователь разделяет модальные частицы на три группы. К первой группе он относит модальные частицы, выражающие время и состояние. Ко второй группе модальных частиц относятся частицы, которые выражают отношение и эмоции говорящего. Третья группа представлена модальными частицами, которые выражают восклицание и вопрос, к этой группе относится ин-

тересующая нас частица 吧 *ba*. Однако исследователь выделяет две разные частицы 吧 *ba*: 吧 1 и 吧 2, утверждая, что 吧 1 используется при образовании вопроса, а 吧 2 для выражения побуждения к действию [Чжу Дэси, 1999, с. 209, 212]. Другие же исследователи говорят о том, что это всего лишь функции одной частицы. Опираясь на мнение авторитетного исследователя грамматики китайского языка С. Е. Яхонтова [Яхонтов, 1971, с. 71, 77] о том, что при разграничении слов по частям речи необходимо учитывать весь набор возможных функций слова в предложении, мы также считаем, что существует только одна частица 吧 *ba*, которой свойственны различные функции в предложении, одни из них будут основными, другие – дополнительными.

Ван Ли утверждает, что модальные частицы ставятся всегда в конце предложения и выражают модальность всего предложения, то есть свойственную всему предложению в целом эмоциональную окраску. Он разделяет модальные частицы на двенадцать основных разрядов, из которых частица 吧 *ba* относится к разряду предположительности и повелительности [Ван Ляои, 1954, с. 89–105].

4. Особенности функционирования частицы 吧 *ba* и её основные значения

В данной статье мы рассмотрим основные особенности функционирования частицы 吧 *ba* в соответствии с позицией, которую она занимает в предложении. Данная частица может находиться в конце повелительного, повествовательного и вопросительного предложения, а также внутри предложения.

Частица 吧 *ba* в конце предложения может придавать ему различные дополнительные значения.

В повелительных предложениях частица 吧 может выражать просьбу и приказ. Однако частица смягчает форму приказа, больше напоминает совет, просьбу, предложение. Например: 帮帮我的忙吧. *Помоги мне* [Люй Шусян, 1996, с. 52]. 你还是文档一点吧. *Ты всё же будь немного поуверенней* [Чжан Бинь, 2000, с. 268].

При употреблении частицы 吧 *ba* в вопросительных предложениях с общим вопросом говорящий предполагает, каким будет ответ, спрашивает, для того, чтобы убедиться. Например: 他还在河南吧? *Он же всё ещё в провинции Хэнань?* [Хоу Сюэчао, 1998, с. 13]. 今天是星期三吧? *Сегодня же среда?* [Ли Лин`ин, 2008, с. 20].

Поскольку говорящий заведомо осведомлён об ответе, в вопросительных предложениях данного типа часто встречаются наречия: 大概 скорее всего, 一定 обязательно, 也许 вероятно и другие. Например: 他大概已经走了吧? *Он, скорее всего, уже ушёл?* [Люй Шусян, 1996, с. 52].

С данными наречиями частица 吧 *ba* также используется в повествовательных предложениях, в которых говорящий выражает предположение, догадку. Например: 他也许明天来吧. *Он, возможно, завтра придёт* [Бай Сяохун, 2007, с. 254].

Кроме вопросительных предложений с общим вопросом, частица **吧** *ba* может использоваться в предложениях со специальным, риторическим вопросом и вопросом, образованным путём соположения утвердительной и отрицательной формы сказуемого. В таких предложениях частица передает значение, что спрашивающий желает получить скорейшего ответа на вопрос или же требует четкой позиции собеседника относительно обсуждаемого вопроса. Например: *你说咱们该怎么办吧? Скажи, как мы должны поступить? 大家发表发表意见, 看这个方案行不行吧? Все высказывайте мнение, подходит ли этот проект?* [Ли Лин'ин, 2008, с. 21]. Некоторые исследователи (Люй Шусян, Бай Сяохун) утверждают, что такие предложения всего лишь строятся в вопросительной форме, однако, на самом деле, они являются побудительными предложениями, в которых или используются в начале предложения слова *你说* ты скажи, или опускаются. Поэтому при приведении примеров, данные учёные в конце предложения не ставят знак вопроса. **你说到底同意不同意吧**. *Ты скажи, ты в конце концов согласен или нет* [Бай Сяохун, 2007, с. 270]. **这样做行不行吧**. *Так сделать, пойдет или нет* [Люй Шусян, 1996, с. 52].

В середине предложения частица **吧** *ba*:

а) стоит после слова, которое приводят в пример, часто употребляется в конструкциях **就拿 ... 来说吧, 比如 ... 吧, 就说 ... 吧**. Например: **就拿我们大队书记来说吧 ...** *Взять, например, секретаря нашей команды.....* [Люй Шусян, 1996, с. 53]. **就说小张吧, 他就是从小开始练的**. *Что касается Сяо Чжана, он уже в детстве начал тренироваться* [Чжан Бинь, 2000, с. 268].

б) в конструкции «глагол + **就** + глагол + **吧**» обозначает «ничего не поделаешь», «ничего страшного», говорящий не возражает, что произошла или произойдет данная ситуация. Например: **吃了就吃了吧, 下次再买嘛! Съел, да съел, в следующий раз еще купим!** [Хоу Сюэчао, 1998, с. 15]. **不去就不去吧, 反正以后还有机会的**. *Не пойду, значит не пойду, всё равно потом ещё будет возможность* [Люй Шусян, 1996, с. 53]. **他不愿意就不愿意吧, 何必勉强他呢? Не хочет, значит не хочет, к чему его заставлять** [Бай Сяохун, 2007, с. 270].

в) в условных предложениях, предоставляет выбор между двумя ситуациями. Например: **家里练吧, 活动不开, 出去练吧, 风沙又太大了**. *Если дома потренироваться, никаких активных действий, пойти куда-нибудь, ветер слишком сильный* [Хоу Сюэчао, 1998, с. 14]. **去吧, 没有那么多钱, 不去吧, 朋友们会不高兴, 真让我为难**. *Пойти – денег не так много, не пойти – друзья могут расстроиться, я на самом деле озадачен* [Ли Лин'ин, 2008, с. 21].

г) обозначает уступку, компромисс. Например: **即使你心中有气吧, 与不敢随意发作**. *Даже если ты злишься, все равно не осмеливаешься вольно выражать свой гнев* [Чжан Бинь, 2000, с. 268]. **就算你的意见全对吧, 你也要给他个思考的时间哪**. *Допустим, ты полностью прав, но всё же нужно дать ему время на размышление* [Хоу Сюэчао, 1998, с. 14].

д) стоит после наречий **其实** на самом деле, **大概** скорее всего, **вероятно**, **最多** максимум, **最少** минимум, **大约** примерно и так далее для при-

влечения внимания говорящего к далее описываемой ситуации. Например: **其实吧**, 他不来更好。 *На самом деле, будет лучше, если он не придёт* [Ли Лин`ин, 2008, с. 21].

е) обозначает согласие, подтверждение, употребляется после слов 好 *хорошо*, 行 *ладно*, 可以 *можно*. Например: **好吧**, 就这么办 *Хорошо, так и сделаем!* [Люй Шусян, 1996, с. 53]. **行吧**, 就明天下午去吧! *Ладно, завтра после обеда поедem!* [Хоу Сюэчао, 1998, с. 14]. В таких предложениях частица часто несёт оттеночное значение: *ничего не поделаешь, придётся согласиться* [Ли Лин`ин, 2008, с. 20].

Кроме вышеприведённых функций частицы 吧 *ba* внутри предложения, исследователь грамматики китайского языка Фан Мэй указывает на то, что основная задача частицы внутри предложения заключается в выделении темы и ремы предложения. Перед частицей будет тема предложения, то есть то, о чём идет речь, а после частицы рема, то есть информация об этом. Исходя из этого, главная информация будет располагаться после частицы. Основной функцией частицы здесь будет ослабление интонации второстепенной информации. Например: **我吧**, 就是特爱钻研。 *Что касается меня, я очень люблю тщательно заниматься исследованиями* (главная информация – *очень люблю тщательно заниматься исследованиями*). 他这把年纪**吧**, 办收养手续也是难了点儿。 *Ему в этом возрасте сложнее оформлять документы на усыновление* (важным является то, что оформлять документы на усыновление становится сложнее). Кроме этого, Фан Мэй выделяет ещё один способ разграничения информации, который заключается в транспозиции, то есть обратном порядке слов в предложении. В данном случае основная информация предложения будет находиться перед частицей. Поскольку суть транспозиции заключается в вынесении главной информации вперёд. Например: **快出去吧你!** *Быстрее выходи!* Такие предложения являются ненормативными и используются носителями в разговорной речи. Таким образом, автор выделяет 2 соответствующих способа разграничения основной и второстепенной информации: 1) транспозиция – вынесение главной информации вперёд; 2) использование частицы внутри предложения для ослабления интонации второстепенной информации, в данном случае главная информация находится после частицы. Явления транспозиции чаще используется в диалогах и ненормативных предложениях, то есть с обратным, непривычным порядком слов. А использование частиц внутри предложения употребляется чаще в монологах, при повествовании, в нормативных предложениях. Фан Мэй считает, что в процессе развития в данном направлении частица потеряла свой модальный смысл, перестала вносить в предложение модальные оттенки, оставляя лишь за собой функцию членения предложения [Фан Мэй, 1994, с. 131, 132, 137]. С чем не соглашаются такие исследователи, как Сюй Цзиннин, утверждая, что если бы данная частица, употребляясь внутри предложения, тем самым выполняя функцию членения предложения (выделение темы и ремы), полностью бы утратила своё модальное значение, то тогда она могла бы легко заменяться другой частицей, для которой также свойственна данная позиция и функция, например, частицей 啊 *a*. Но

так как данная замена не всегда возможна, и если возможна, то меняется смысл предложения, то говорить о полной утрате своего модального значения и выполнении только функции членения предложения мы не можем. Частица 吧 *ba* всё же сохраняет своё модальное значение смягчения приказа, носит характер сомнения нерешительности, колебания. В свою очередь частица 啊 *a* используется, когда цель говорящего состоит в передачи личного мнения, передачи информации и обращении на неё должного внимания со стороны слушателя. Например: 我建议啊, 从现在起咱们谁也不要使用这个电话了。 *Я предлагаю, чтобы с этих пор никто из нас больше не использовал этот телефон.* 我那儿有条被子吧, 面儿稍微旧了点儿。 *У меня там, кажется, есть одеяло, немного старое снаружи.* В данных предложениях очень сложно произвести замену, сохраняя смысл, что говорит о сохранении модальных оттенков частиц [Сюй Цзиннин, 2003, с. 146].

В современном китайском языке в одном предложении могут употребляться несколько модальных частиц. Дин Хэншунь утверждает, что последовательное употребление модальных частиц 的 *de* и 吧 *ba* (的吧) в повелительных предложениях обозначает просьбу, приказ, суждение, предположение. Например: 去你的吧。 *Да иди ты.* 恐怕你还是很替我们担心的吧。 *Боюсь, ты все же будешь за нас беспокоиться.* В вопросительных предложениях – догадку, предположение. Например: 是他让你去的吧? *Это ведь именно она тебя попросила?* [Дин Хэншунь, 1985, с. 36].

Последовательное употребление частиц 了 *le* 吧 *ba* в конце вопросительного предложения выражает предположение или догадки относительно новой ситуации. Например: 妈, 你看见人家的信了吧? *Мам, ты вероятно уже видела моё письмо?* Также последовательное употребление 了 *le* 吧 *ba* в повелительных предложениях обозначает запрет, предостережение. Например: 请你再也不要提起我从前战长沙的事了吧! *Пожалуйста, больше никогда не упоминай про то, что я раньше воевал в г. Чанша.* Вместе с этим учёный указывает на то, что данные частицы не объединяются в одно целое, не становятся одной частицей, кроме этого 的吧, 了吧 вне предложения не имеют совсем никакого смысла [Дин Хэншунь, 1985, с. 38, 39, 40].

В современном китайском языке закрепились следующие устойчивые выражения с частицей 吧 *ba*: 算了吧 *ну и пусть, ну и ладно, так и быть*, 得了吧 *да ладно*, 等着瞧吧 *поживём – увидим*, 这样吧 *значит так*, 等着吧 *подожди-ка* [Бай Сяохун, 2007, с. 254, 271].

5. Выводы

Проанализировав историю развития, особенности функционирования и значения частицы 吧 *ba*, можно сделать вывод о том, что данная частица занимает особое место в системе модальных частиц китайского языка. История частицы 吧 *ba* насчитывает несколько веков; в процессе своего развития указанная частица подвергалась различным трансформациям и меняла свои значения. В современном китайском языке она выполняет различные функции в предложении и при выполнении каждой функции приносит свои

дополнительные оттеночные значения в предложении, что обязательно необходимо учитывать при переводе с китайского языка.

Список литературы

1. Бай Сяохун. Ханьюй суйцы ши'у цзян (Пятнадцать лекций по служебным словам китайского языка) [Текст] / Бай Сяохун. – Пекин: Бэйцзин юйянь дасюэ чубаньшэ, 2007. – 315 с. 白晓红。汉语虚词 15讲。– 北京：北京语言大学出版社，2007。– 315页。
2. Ван Ляои. Основы китайской грамматики [Текст] / Ван Ляои / пер. с кит. Г. Н. Райской, под ред. А. А. Драгунова и Чжоу Сунъюаня. – М.: Изд-во иностр. Лит., 1954. – 263 с.
3. Дин Хэншунь. Юйцицы дэ ляньюн (Последовательное употребление модальных частиц) [Текст] / Дин Хэншунь // Юйянь цзяосюэ юй яньцзю. – 1985. – С. 34–40. 丁恒顺。语气词的连用 // 语言教学与研究。– 1985。– 34–40 页。
4. Лань Ин. Цун юаньцацзюй кань сяньдай ханьюй дэ цзюйвэй юйцицы (Исследование конечных модальных частиц современного китайского языка с времён юаньской драмы) [Текст] / Лань Ин // Сычуань гуанбо дяньши дасюэ сюэбао. – 2004. – № 2. – С. 86–91. 蓝鹰。从元杂剧看现代汉语的句尾语气词 // 四川广播电视大学学报。– 2004。– № 2。86–91 页。
5. Ли Лин'ин. Дуйвай ханьюй цзяоцай чжун юйцицы «ба» дэ яньцзю юй цзяосюэ (Изучение и способы преподавания модальной частицы «ба» в учебных материалах по китайскому языку как иностранному) [Текст] / Ли Лин'ин: магистерская работа; университет провинции Гуанси. – 2008. – 55 с. 李凌颖。对外汉语教材中语气词 «吧» 的研究与教学：硕士学位论文；广西大学。– 2008。– 55 页。
6. Люй Шусян. Сяньдай ханьюй бабай цы (Восемьсот слов современного китайского языка) [Текст] / Люй Шусян. – Пекин: Шань'у иньшугуань, 1996. – 668 с. 吕叔湘。现代汉语八百词。– 北京：商务印书馆，1996。– 668 页。
7. Симатова, С. А. Частицы как способ выражения модальности в современном китайском языке [Текст] / А. С. Симатова // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. – 2014. – Вып. 4. – С. 23–37.
8. Сюй Цзиннин. Юйцичжуцы «ба» дэ цинтай цзеши (Интерпретация модальности частицы «ба») [Текст] / Сюй Цзиннин // Бэйцзин дасюэ сюэбао. – 2003. – Вып. 40. – № 3. – С. 143–148. 徐晶凝。语气助词 «吧» 的情态解释。– 2003。– 40 卷。– 3 期。– 143–148 页。
9. Фан Мэй. Бэйцзинхуа цзюйчжун юйцицы дэ гуннэн яньцзю (Исследования функционирования частиц внутри предложения в пекинском диалекте) [Текст] / Фан Мэй // Чжунго юйвэнь. – 1994. – № 2. – С. 129–138. 方梅。北京话句中语气词的功能研究 // 中国语文。– 1994。– № 2。– 129–138 页。
10. Чжан Бинь. Сяньдай ханьюй суйцы (Служебные слова современного китайского языка) [Текст] / Чжан Бинь, Чжан Ишэн. – Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 2000. – 315 с. 张斌，张谊生。现代汉语虚词。– 上海：华东师范大学出版社，2000。– 315页。
11. Чжу Дэси. Юйфа цзян'и (Лекции по грамматике) [Текст] / Чжу Дэси. – Пекин: Шан'у иньшугуань, 1999. – 231 с. 朱德熙。语法讲义。– 北京：商务印书馆，1999。– 231 页。

12. Хоу Сюэчао. Сяньдай ханьюй сюйцы цыдянь (Словарь служебных слов современного китайского языка) [Текст] / Хоу Сюэчао. – Пекин : Бэйцзин да-сюэ чубаньшэ, 1998. – 800 с. 候学超. 现代汉语虚词词典. – 北京 : 北京大学出版社, 1998. – 800页.
13. Яхонтов, С. Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании // Вопросы теории частей речи. – Л. : Наука, 1971. – С. 70–79.

References

1. 白晓红. 汉语虚词 15讲. – 北京 : 北京语言大学出版社, 2007. – 315页.
[Bai Xiaohong. (2007). Fifteen lectures on Chinese function words. Beijing]
2. Wang Li. (1954). Essentials of Chinese Grammar. Moscow : Foreign Literature Press.
3. 丁恒顺. 语气词的连用 // 语言教学与研究. – 1985. – 34 – 40 页. [Ding Hengshun. (1985). Consistent use of modal particles. Language Teaching and Research (pp. 34–40)].
4. 蓝鹰. 从元杂剧看现代汉语的句尾语气词 // 四川广播电视大学学报. – 2004. – № 2. 86 – 91 页. [Lan Ying. (2008). A study on interjections of Modern Chinese from the Perspective of Zaju in the Yuan Dynasty. Sichuan Radio & TV University, 2, 86–91].
5. 李凌颖. 对外汉语教材中语气词 «吧» 的研究与教学 : 硕士学位论文 ; 广西大学. – 2008. – 55 页. [Li Ling'ying. (2008). On the study and teaching of model particle «ba» in the books of TCFL. Master Thesis; Guanxi University].
6. 吕叔湘. 现代汉语八百词. – 北京 : 商务印书馆, 1996. – 668 页. [Lü Shuxiang. (1996). Eight hundred words of the modern Chinese language. Beijing].
7. Simatova, S. A. (2014). Particles as a way of expressing modality in modern Chinese. Vestnik of Saint-Petersburg State University. Series 13. Asian and African Studies, 4, 23–37.
8. 徐晶凝. 语气助词 «吧» 的情态解释. – 2003. – 40 卷. – 3 期. – 143 – 148 页. [Xu Jingning. (2003). Modality Interpretation for the Tone Particle «ba». Journal of Peking University, 40 (4), 143–148].
9. 方梅. 北京话句中语气词的功能研究 // 中国语文. – 1994. – № 2. – 129 – 138 页. [Fan Mei. (1994). Particle Studies functioning within a sentence in the Beijing dialect. Chinese philology, 2, 129–138].
10. 张斌, 张谊生. 现代汉语虚词. – 上海 : 华东师范大学出版社, 2000. – 315页. [Zhang Bin, Zhang Yisheng. (2000). Function Words of the modern Chinese language. Shanghai.]
11. 朱德熙. 语法讲义. – 北京 : 商务印书馆, 1999. – 231 页. [Zhu Dexi. (1999). Grammar Lectures. Beijing].
12. 候学超. 现代汉语虚词词典. – 北京 : 北京大学出版社, 1998. – 800页.
[Hou Xuechao. (1998). Modern Chinese Dictionary of Function Words. Beijing].
13. Yahontov, S. E. (1971). The notion of parts of speech in General and Chinese linguistics. Questions of the theory of parts of speech (pp. 70–79). Leningrad : Science.

УДК 811.581.11
UDC 811.581.11

Лобачёва Марина Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Marina V. Lobacheva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: lomarinaa@mail.ru

Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: androsova_s@mail.ru

**К ПРОБЛЕМЕ СТАТУСА И МОДИФИКАЦИЙ ВНУТРЕННЕЙ
СТРУКТУРЫ СЛОГА В СЛОГОВЫХ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)
ON THE STATUS AND MODIFICATIONS OF THE INTERNAL
SYLLABLE STRUCTURE IN SYLLABIC LANGUAGES
(BASED ON MANDARIN CHINESE)**

Аннотация

В статье рассматривается двоякая трактовка слога в слоговых языках, в частности, в китайском. Слог можно описывать с помощью классических фонологических понятий неслоговых языков «фонема», «аллофон», дифференциальный признак. Также, принята трактовка слога через понятия «силлабема» / «слоготмема», «слогофонема», «звукофонема», где слог приравнивается к фонеме в неслоговых языках. Приводятся экспериментальные данные о варьировании гласных и согласных элементов слога.

Abstract

The current paper touches upon two points of view on syllable nature in syllabic languages that are widely observed in literature. According to the first one, the syllable can be described as a grouping of smaller elements using the terms "phoneme," "allophone", "vowel", "consonant" that apply to non-syllabic languages. The second one is to regard the syllable as a minimal paradigmatic unit, similar to the phoneme in the non-syllabic languages. The obtained results enable to assume that such syllable constituents variation in Chinese spontaneous speech that might be a reflection of a common tendency in the Chinese speech flow.

Ключевые слова: слог, внутренняя структура, инициаль, финаль, модификации составляющих слога.

Keywords: syllable, initial modification, a final vowel quality reduction, monophthonging, elision.

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_23_40

1. Слог и его элементы в языках слогового строя

Изучению слога и его основополагающей роли в фонетике и фонологии в таких языках, как китайский, вьетнамский, тайский, корейский и ряде других языков, посвящено немалое количество научных трудов как отечественных, так и зарубежных лингвистов. В них прослеживаются две основные точки зрения на сущность и статус слога. Согласно первой точки зрения, слог вполне поддается классическому общefonетическому описанию через понятия «фонема», «аллофон», «вокализм», «консанантизм» и тому подобное (см. работы В. М. Солнцева, М. К. Яхонтова, А. Н. Алексахина [Солнцев, 1970, с. 12 ; Яхонтов, 1990, с. 227 ; Алексахин, 2010, с. 27, 29, 57, 63]), имеются даже указания на количество фонем [Алексахин, 2010, с. 10, 14, 27–31]. Вторая точка зрения состоит в том, что слог является парадигматической единицей и имеет характеристики, подобные фонеме в неслоговых языках. Данная точка зрения является в настоящее время преобладающей и практически общепринятой (см., напр., работы А. М. Карапетьянца, Н. А. Спешнева, В. Б. Касевича [Карапетьянц, 1992 ; Спешнев, 2003 ; Касевич, 2006]).

Такие разноплановые и противоречивые перспективы рассмотрения фонологии слоговых языков отражают стремление учёных-синологов заглянуть в самую глубь природы такого внешне простого модуля как слог и, с одной стороны, отразить принципиальное отличие указанных языков от русского, английского, немецкого и подобных языков, а с другой – найти точки соприкосновения между этими типологически разными языками.

Результатом длительных научных изысканий, проводимых в этом русле, стало условное разделение фонетики и фонологии на слоговую и неслоговую. В описании восточной фонологии появились термины «слогофонема» или «силлабема» (тонированный слог и его соотносённость с морфемой и односложным словом). Понятие силлабемы легло в основу теоретического представления отечественного восточного языкознания о статусе слога и его внутренней структуре в слоговых языках.

Рассмотрим первую из указанных выше точек зрения на статус слога в слоговых языках. С. Е. Яхонтов, описывая китайско-тибетские языки, утверждает, что именно «звук в составе слога располагаются в строго определённом порядке (обычно – шумный согласный, сонант, промежуточный гласный, основной гласный, согласный; все элементы кроме основного гласного могут отсутствовать)», хотя по словам автора «основной фонетической единицей является слог» [Яхонтов, 1990, с. 227].

Представление о возможности выделения звукофоном в китайском языке было подробно разработано А. Н. Алексахиним [Алексахин, 2010, с. 12, 14], который подошёл к проблеме выделения сегментных единиц ки-

тайского слога через звукобуквенный состав языка. В частности, он пишет, что «слова китайского языка в звукобуквенном стандарте обнаруживают членимость на звукофонемы, как в других языках». Причём понятие фонемы трактуется им «языковое правило для произнесения звуков речи иностранного языка».

К примеру, автором выделена серия а-образных фонем, состоящая из четырёх сильных и одной слабой фонемы, обозначающихся в китайском алфавите как ā, á, ǎ, à, а (гласная /a/ произнесённая четырьмя тонами (сильные фонемы) и, противопоставленный им, гласный с нулевым тоном (слабая фонема)). По схожему принципу им выделены i-образные и u-образные серии гласных фонем. Общее количество фонем в китайском языке представлено учёным в виде следующей формулы $35 \dots 1 < : 0 : < 1 \dots 5$ (6), где левой оппозицией представлено общее количество согласных фонем, правой – гласных, а произведение и неравенство нуля и единицы показывает «диалектику фонологической и фонетической системы языка как единства сущности и явления» [Алексахин, 2010, с. 10].

Апеллируя понятиями фонемы, вокализма и консонатизма, А. Н. Алексахин [Алексахин, 2010, с. 31–33], однако, использует понятие «словослога», рассматривая его внутреннюю структуру с помощью формулы 0123, «фиксирующей фонологические позиции, в которых реализуются согласные и гласные фонемы китайского языка путунхуа. 0 – позиция реализации согласных фонем, 1 – позиция левого нечёта, в которой реализуются три слабых узких гласных, 2 – позиция чёта, в которой реализуются сильные связочно-дифференцированные, или тонированные гласные, 3 – позиция правого нечёта, в которой реализуются пять слабых гласных». Таким образом, звукопозиционную структуру китайского языка автор представляет в виде цифровых матриц (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Цифровые матрицы слогов китайского языка путунхуа по А. Н. Алексахину (сокращённый вариант)

Цифровая матрица	Пример	Перевод
2	yī	один
23	ài	любить
02	lǎ	острый
012	tiě	железо
023	gěi	давать
0123	guǎi	поворачивать

Исходя из фонемного подхода к трактовке статуса слога и его компонентов в слоговых языках, логичны и предположения автора о позиционных аллофонах [Алексахин, 2010, с. 36], ассимиляции сильных и слабых гласных, редукции [Алексахин, 2010, с. 52–53, 140, 150].

А. Я. Соколовский пишет о совершенно особом статусе фонем в изолирующих языках, определяя их как «промежуточные единицы, своего рода фоноблоки, посредством которых строят силлабемы, экспонирующие при наличии тона, языковые знаки» [Соколовский, 1995, с. 97]. Представляется, что его точка зрения служит неким связующим звеном, переводящим теоретическое рассмотрение слога в слоговых языках к теории «слогофонемы».

Вторая точка зрения на статус слога в слоговых языках связана с рассмотрением понятия «силлабема» или «слогофонема».

Одним из основоположников теории о силлабеме считается известный отечественный востоковед-лингвист Е. Д. Поливанов. Согласно его точки зрения [Иванов, Поливанов, 2003, с. 147–149], элементарной единицей китайского мышления считается слогопредставление (или слог), который состоит из трёх одновременных по своему осуществлению и принципиально различных в качественном осуществлении представлений:

1) силлабическое представление («силлабема» – от лат. слова «слог») – представление слога в виде комплекс из согласных и гласных звуков, который содержит в себе только одну относительно более звучную вершину по сравнению со смежными менее звучными элементами; сочетание составляющих этого комплекса предопределено специфическими для китайского языка нормами в отношении числа, порядка и взаимной сочетаемости отдельных элементов;

2) мелодическое представление («тон») – представление определённого изменения или отсутствия изменения музыкального слогуударения, носителем которого служит только данный слог;

3) силовая ударяемость слогов относительно друг друга (экспираторно-акцентуационное представление) – относительная сила голосового тона на одном из слогов слова (ударном) в противоположность прочим (неударным).

По мнению А. И. Иванова и Е. Д. Поливанова, из трёх рассмотренных представлений именно силлабическое является главной характеристикой китайского слога из-за факультативного характера двух остальных (с точки зрения авторов концепции, слог может находиться в ударном и в неударном положении, а тон ясно реализуется только в односложных словах) [Иванов, Поливанов, 2003, с. 147–149].

Описывая внутренний состав силлабемы, А. И. Иванов и Е. Д. Поливанов [Иванов, Поливанов, 2003, с. 150–151] определяют максимальный состав слога в виде четырёх элементов: согласный, неслогообразующий узкий гласный, слогообразующий гласный или сонант, неслогообразующий сонант, то есть конечный элемент дифтонга; любой из указанных структурных элементов, за исключением третьего, может отсутствовать, приводя к реализации неполной модели слога.

Являясь сторонником теории о слогофонеме, Н. А. Спешнев [Спешнев, 2003, с. 11] описывает её как минимальную фонетическую единицу, «которая может иметь то или иное значение, то есть функционировать в качестве слога или морфемы», при этом отдельный звук (фонема) такой

единицей в китайском языке быть не может. Н. А. Спешнев представляет внутреннюю структуру слога китайского языка следующим образом [Спешнев, 2003, с. 12].

Р и с у н о к 1. Структура китайского слога по Н.А. Спешневу

Данную схему можно считать традиционной для слоговых языков (см. напр., работы В. Б. Касевича, А. Я. Соколовского, М. О. Пивоваровой, [Касевич, 2006, с. 124; Соколовский, 1995, с. 97; Пивоварова, 2014, с. 205]). Как видно из представленной схемы, согласно теории Н. А. Спешнева, китайский слог может быть расчленён на инициаль (начальный согласный) и финаль (остальная часть слога), в которой далее выделяются медиаль и субфиналь. Субфиналь в свою очередь можно разделить на централь и терминаль. Н. А. Спешнев уточняет и фонологический статус каждого компонента слога в этой системе [Спешнев, 2003, с. 39–80]. Взгляды Н. А. Спешнева в этом плане схожи с теорией А. И. Иванова и Е. Д. Поливанова [Иванов, Поливанов, 2003, с. 5]. Некоторое отличие можно проследить в трактовке отсутствия одного из элементов 4-составного слога, которое Н. А. Спешнев обозначает знаком $\emptyset$ и интерпретирует как «функциональный ноль звука», понимая под ним «позицию звука, где он в силу реальной звуковой системы данного языка присутствовать не может» [Speshnev, Kasevich, 1970, с. 13]. А. И. Иванов и Е. Д. Поливанов не обращались к понятию «нулевая морфема», но также оперировали понятиями полных и неполных моделей слога. Авторы разработали классификацию силлабем по отсутствующему элементу [Иванов, Поливанов, 2003, с. 152–156].

Под несколько другим углом рассматривает проблему единиц в китайском языке А. М. Карапетянц. В своей работе «Типология основных единиц китайского языка» [Карапетянц, 1992, с. 9], автор основной единицей китайского языка называет словознак, который с фонетической точки зрения квалифицируется как словослог, а с графической – слогознак: в звуковой манифестации он соответствует слогу, а в графической – иероглифу. А. М. Карапетянц поддерживает идею об аналогичности значимости (приблизительном равенстве) слога в слоговых языках фонеме в

неслоговых, подчёркивая неодинаковую простоту слога и фонемы [Карапетьянц, 1992, с. 5]. Однако компонентам слога автор отводит роль не линейных составляющих, а дифференциальных признаков [Карапетьянц, 1992, с. 4]. Не вполне ясно при этом, придерживается ли автор соотношения понятий «фонема – дифференциальный признак», предложенного Н. С. Трубецким (фонема как совокупность дифференциальных признаков [Маслов, 1998, с. 43]) или озвученного В. Б. Касевичем взгляда о том, что фонема не состоит из дифференциальных признаков, а характеризуется ими [Касевич, 2006, с. 96]). Сложно сказать, какое понимание в большей степени свойственно китайскому слогу.

Особый интерес вызывает метод описания А. М. Карапетьянцем слогов не как заданных внутренней структурой, а как консонантно-вокалических единств, опирающихся на традиционную китайскую фонологию и данные фонетической реконструкции; при этом, слогофонемность объясняется автором с точки зрения общетипологического фонетического континуума, объединяющего простой звук, сложный звук и слог, а также с отсутствием чёткой границы между гласными и согласными [Карапетьянц, 1992, с. 5].

Исходя из рассмотренной точки зрения, всю совокупность слогов китайской фонологической системы А. М. Карапетьянц [Карапетьянц, 1992, с. 5] описывает как двухкомпонентную модель «консонант (вокализирующийся согласный) – вокал (консанантизирующийся гласный)». Так же как А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов и Н. А. Спешнев, А. М. Карапетьянц разделяет модели слога на полные и неполные (неполный слог имеет нулевые периферии) и отдельно выделяет вырожденный слог -er, потерявший свою слоговость [Карапетьянц, 1992, с. 5].

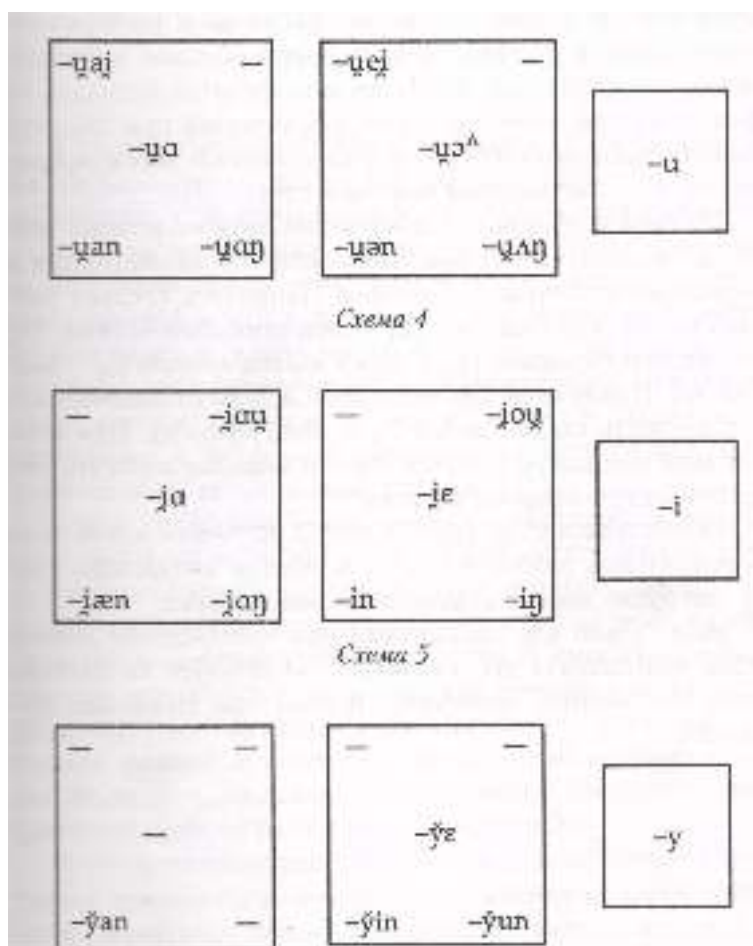
Слог рассматривается автором как бинарная модель, соответствующая общefonетическому описанию СГ, где, применительно к китайскому слогу, С – это восходящий согласный с полугласным продолжением, а Г – нисходящий дифтонг / гласный с полугласным (сонорным) окончанием [Карапетьянц, 1992, с. 4–6, 14].

Произнесение китайского слога представляется единым процессом, аналогичным процессу образования звука речи: это сочетание фаз расширения (перехода «инициаль – медиаль – централь», иначе «согласный – полугласный – согласный») и сужения (переход «центральный-терминальный», иначе «гласный – полугласный / сонант») [Карапетьянц, 1992, с. 12].

Вопрос о базисных единицах фонологии китайского языка и их структуре имеет несколько иное прочтение в работах А. А. Драгунова и Е. Н. Драгуновой. Их концепцию также принято называть слогофонемной. Авторы разделяют мнение о том, что «в китайском языке минимальной фонетической величиной, могущей иметь то или иное значение, то есть функционировать в качестве слова или части слова (морфемы), является не отдельный звук речи (фонема), а тонированный слог силлабема» [Спешнев, 2003, с. 58]. Однако, учёные абсолютно не отрицают и наличие фонем в китайском языке. «Фонологически китайские слоги, или, точнее, слогоморфемы, не представляют собой неделимого целого, а будучи сопоставлены друг с другом, распадаются на две части, на две фонемы – согласную,

в том числе и нулевую, и гласную, фонетическая реализация которой может быть весьма различной». Эти две фонемы авторы также называют инициалью и финалью, однако говорят об их строгой смысловозначительной функции и определённом положении в структуре сллабемы.

В отечественной синологии широко распространена теория Драгуновых о внутренней структуре слога. Все китайские финали возможно представить в виде двух параллелей пяти членов серии «а» и «э» и одной одночленной серией «нуль», примыкающей к серии «э». В каждой макросистеме находится ядро серии (гласный звук), который примыкает к инициалам непосредственно или с помощью медиалей /i, u, y/. В макросистеме «нуль» слогаобразующую функцию несут промежуточные элементы (медиали) [-i], [-u], [-y]; вследствие отсутствия слогового гласного они выступают как финали [Спешнев, 2003, с. 14].

Р и с у н о к 2. Структура китайского слога
(А. А. Драгунов, Е. Н. Драгунова)

В пользу теории о слогофонеме говорит и наличие в отечественной лингвистике представления о дистантных и контактных ограничениях на сочетаемость компонентов слога в зависимости от их фонологических характеристик. К таким правилам, в частности, относятся:

- 1) запрещение одинаковой реализации медиали и терминали;
- 2) запрещение сочетаемости апикальной инициали и терминалей /o/, /i/, /n/ с медиалью /u/ и апикальной центральнойю;
- 3) запрещение сочетаемости смычной инициали и терминалей /o/, /g/ с медиалью /i/ и центральнойю /a/;
- 4) запрещение сочетаемости и терминалей /o/, /g/ с медиалью /y/ и центральнойю /a/;
- 5) запрещение сочетаемости сонантной инициали и терминалей /n/, /g/ с медиалью /y/ и центральнойю /e/;
- 6) запрещение сочетаемости сонантной инициали и медиали /y/ с центральнойю /a/ [Карапетьянц, 1992, с. 9].

Эти правила легли в основу определения порождающей модели слога А. М. Карапетьянца, которая предусматривает деление слога на минимальные единицы, каждая из которых представляет собой характеристику слога, аналогичную дифференциальным признакам фонем. Такие единицы автор называет «микрофонами»; так, четырёхместный слог (слог полного типа) включает в свой состав до четырёх микрофонов [Карапетьянц, 1992, с. 10].

Ещё одним сторонником слогофонемной теории китайского слога является В. М. Солнцев, который полагает, что фиксированность позиций разных классов звуков в китайском слоге, его строго определённые количественные и структурные ограничения приводят к тому, что «определённое значение базируется на неизменяемой звуковой оболочке. Такой оболочкой всегда является слог. Отдельный звук может быть носителем смысла только как частный случай слога» [Солнцев, 1970, с. 12].

Слогофонемная теория слога в китайском языке подтверждается его типологическими особенностями, в частности, тем фактом, что слоговое деление морфологично [Чжан Чинго, 2006, с. 14]. Иными словами, морфема равна слогу, а морфемные границы внутри слога отсутствуют. Именно это делает слог единицей, совпадающей с фонемой с точки зрения конститутивных возможностей [Чжан Чинго, 2006, с. 470].

М. В. Гордина предлагает следующую трактовку статуса слога в языках слогового строя. С её точки зрения, при рассмотрении слоговых языков от традиционного определения фонемы во флективных языках следовало бы отказаться и «обозначить отдельные звуки в них, например, только по их роли в слоге: инициаль (начальные согласные), медиаль, или предтоналъ (промежуточные неслоговые гласные), тоналъ (слоγοобразующие гласные), финаль (конечные согласные)» [Гордина, 1959, с. 109].

Ведущий отечественный востоковед В. Б. Касевич рассматривает фонологическую специфику слоговых языков в целом как взаимосвязанную двухуровневую систему, представленную «слогом, с одной стороны, его компонентами, инициалами и финалями – с другой» [Касевич, 2006, с. 114]. Особенно подчёркивается конститутивная функция инициалей и финалей по отношению к структуре слога в целом, на ряду с тем, что автор присваивает им самостоятельный фонологический статус. Тем не менее,

важно отметить, что «полнотой функциональной автономности наделён лишь слог как конститутивный минимум экспонента морфемы» [Касевич, 2006, с. 117].

В. Б. Касевич и Н. А. Спешнев рассматривают слог в моносиллабических языках (коими являются многие восточные языки) как «схему позиций, каждой из которых приписан свой строго определённый набор элементов. Максимальное количество таких позиций в китайском, бирманском и подобных им языках – это четыре» (в этой же работе авторами предлагается схема китайского слога, приведённая нами выше) [Касевич, 1907, с. 364].

Описывая функциональные свойства слогов и инициалей-финалей, В. Б. Касевич отмечает, что «слоги и инициали-финали порознь выполняют функции, в комплексе свойственные фонеме неслоговых языков» [Касевич, 2006, с. 131]. Аналогичная точка прослеживается в работах А. Д. Карапетьянца, который характеризует слог следующими признаками [Карапетьянц, 1992, с. 11]:

- 1) вычленимость в тексте;
- 2) целостность восприятия;
- 3) выполнение смысловозначительной функции (способность выступать экспонентом морфем);
- 4) ограниченность набора;
- 5) нахождение выше уровнем менее определённых и менее устойчивых единиц;
- 6) нелинейность, но возможность описания в системе дифференциальных признаков.

Несложно заметить явное сходство предложенных В. Б. Касевичем и А. М. Карапетьянцем описаний статуса и характеристик слога в слоговых языках с классическим определением фонемы Ю. С. Маслова – «Фонемой называется кратчайшая (неделимая) звуковая единица данного языка, способная быть в нём единственным внешним различителем экспонентов морфем и слов» [Маслов, 1998, с. 54].

В пользу описываемого факта об особом статусе слога в слоговых языках выступают и положения В. Б. Касевича [Касевич, 2006, с. 124] о составляющих слога, которые играют роль дифференциальных признаков слога, и не только фонетически, но и фонологически принадлежат компоненту слога – финали – в целом.

В. Б. Касевич представляет следующие основания для выделения более мелких единиц во внутренней структуре слога [Касевич, 2006, с. 116–130].

1. Факты чередования отдельных компонентов слога (например, в бирманском языке прослеживается чередование придыхательных и непридыхательных инициалей при образовании каузатива, аффикс с собирательно-уничтожительным значением, в котором начальный согласный (инициаль) дублирует начальный гласный корня; в кантонском диалекте китайского языка существуют морфологизированные чередования конечных согласных финалей и тому подобное).

2. Отдельное функционирование слога и его компонентов (что подтверждается существованием в китайском языке системы разрезаний (фанце), которая используется для передачи чтения новых иероглифов через два «старых», знакомых: первый из знакомых указывал только на инициаль незнакомого, а второй – только на его финаль (и тон))¹.

3. Результаты эксперимента с задержкой обратной слуховой связи на материале вьетнамского и русского языков показывают, что «шов» при распаде слога полностью соответствует границе между инициалью и финалью (концепция бинарной структуры слога «инициали – финаль» позволяет удовлетворительно объяснить факты такого восприятия).

4. Материалы фонологических изменений слога в диахронии демонстрируют, что дифференциальные признаки не только фонетически, но и фонологически принадлежат компоненту слога – финали – в целом (финаль трансформируется как целостная единица, а не в силу изолированных преобразование своих частей).

5. Линейная выделяемость медиали в слоговой структуре доказывается её неучастием в рифме при стихосложении, которое, например, в бирманском языке основано на чередовании слогов по типу [liŋ1] – [rɕiŋ1], а также возможностью замены на нейтральный гласный, например [nɕa3no1] – [nəno1].

6. Выделяемость субфинали (центрль – терминаль) доказывается фактом описания финалей в разных слоговых языках обращением к понятиям централи и терминали как дифференциальным признакам, например фонологическая оппозиция вьетнамских финалей [ǎn:] – [a:n] объясняется в случае с [ǎn:] фонологической краткостью централи, а при их равной длительности – перераспределением долготы между центрально и терминально.

В. Б. Касевичем детально разработана идея о сложных иерархических отношениях между звуковыми единицами слоговых языков внутри слога, то есть «слоговые языки выстраивают сложную иерархию единиц разной степени автономности, ни одна из которых не является чисто фонетической». Учёный условно называет компоненты, образующие в слоговых языках самостоятельные уровни, «слоготмемами» или «силаботмемами», самыми важными из которых является инициаль и финаль [Касевич, 2006, с. 133]. В более ранней статье в соавторстве с А. Н. Спешневым В. Б. Касевич пишет о том, что «инициалам и финалям принадлежит функциональный статус некоторой «слабой» природы; остальные единицы слога маркируются как квазифункциональные или гиперфонологические составляющие» [Касевич, 1976, с. 365].

---

¹ Об этом же свидетельствуют данные М. В. Гординой и А. Я. Соколовского, которые указывают на наличие большого числа полуповторов слов в китайском, вьетнамском и других изолирующих языках, в результате чего слог линейно делится на фонологические единицы первого второго и третьего уровней [Гордина, 1966, с. 161 ; Гордина, 1966, с. 76–77 ; Соколовский, 1995, с. 95].

Подобная схема членения слоговых элементов существует и во вьетнамском языке [Пивоварова, 2014, с. 205–206], где слог первоначально делится на согласную инициаль и ядро либо рифму, состоящую из предтонали (медиали – неслогообразующего полугласного), тонали (централи – ядра слога, слогообразующего гласного, который может в одиночку нести на себе движения тона) и финали (терминали – конечного неслогового полугласного или согласного). Важно заметить, что фонемный статус во вьетнамском языке присвоен только инициали, так как она может быть представлена только согласными и не допускает дальнейшего членения, тогда как «звуки входящие в остальную часть слога не являются семантизированными единицами, соответствующими одной фонеме» [Пивоварова, 2014, с. 205–206].

Своеобразное сближение теорий о «звукофонеме» и «слогофонеме» предлагает А. Я. Соколовский [Соколовский, 1995, с. 91–92, 96], который характеризует слог (силлабему) китайского языка свойствами, присущими слогу в неизолирующих языках:

- 1) дистинктивная единица, более крупная, чем фонема;
- 2) субстрат (сфера реализации) таких просодических явлений как ударение и тон;
- 3) рамочная, дистрибутивная единица, в пределах которой реализуются синтагматические свойства фонем;
- 4) минимальная произносительная единица, являющаяся необходимой оперативной единицей, с точки зрения её воспроизводимости и восприятия.

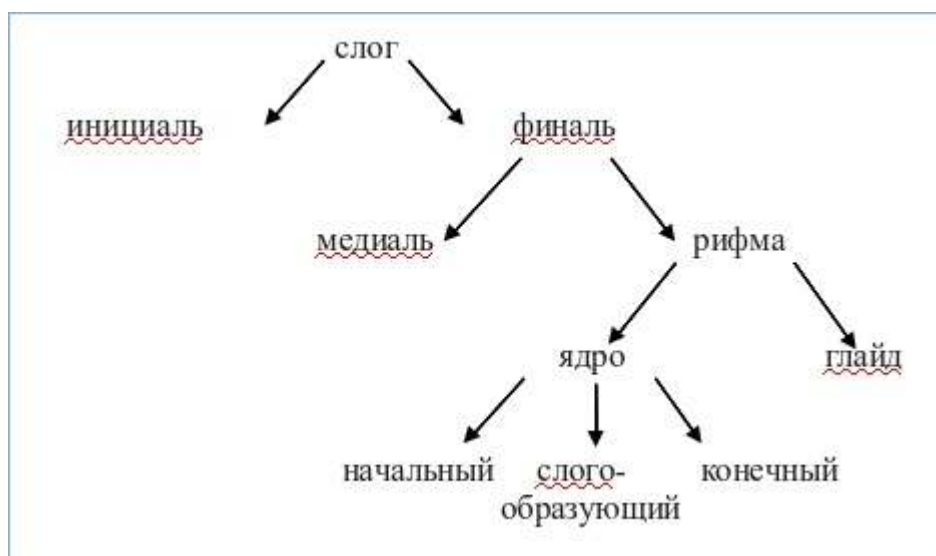
А. Я. Соколовский отмечает, что фонема в слоговых языках обладает нетрадиционными «ингерентными признаками «инициальность» – способность быть лишь в начальной позиции слога, «медиальность» – способность является в промежуточной неслогообразующей позиции, «центральность» – выступать в роли слогообразующего ядра слога, «терминальности» – находится только в конце слога. Таким образом, фонемы в слоговых языках делятся на позиционные классы, в зависимости от места в силлабеме (инициали, медиали, централи, терминали – краткое наименование классов конкретных звуков, входящих в силлабему полного состава). С точки зрения А. Я. Соколовского, «при фонологическом описании языков изолирующего типа с помощью общелингвистического понятия фонемы целесообразно давать инвентарь нетрадиционных единиц (инициалей, медиалей, субфиналей, централей и терминалей)» [Соколовский, 1995, с. 97].

В этой связи выводы китайского исследователя Пан Вуйун представляют особый интерес. По данным учёного, «уже после средних веков в большей части северных диалектов китайского языка наметились тенденции к выделению в слоге инициали и финали, которая далее разделялась на централь и терминаль (слогообразующий гласный)» [Пан Вуйун, 2006, с. 40]. Важно заметить, что при дословном переводе китайской терминологии инициаль – это «начало слога», финаль – «конец слога», медиаль «опора слога», терминаль (слогообразующий гласный) – «главный гласный слога».

Пан Вуйун выделяет два подхода к трактовке составляющих китайского слога – европейскую (западную) и китайскую. С точки зрения ки-

тайских исследователей-фонетистов, слог в китайском языке имеет следующую структуру: начальный согласный + слогообразующий гласный (начало рифмы (центральный) и конец рифмы (терминальный)) + конечный элемент (финаль). В западной лингвистической традиции принята следующая схема описания состава китайского слога: «начало слога (onset) и рифма, состоящая из ядра и коды, которая может быть только согласным звуком» [Пан Вуйун, 2006, с. 39].

Говоря об особенностях пекинского диалекта, Пан Вуйун утверждает, что в нём «медiallyю может считаться первый гласный дифтонга, второй (последующий) гласный дифтонга будет относиться к финали слога. Важная особенность медиалей пекинского диалекта состоит в том, что все они (вне зависимости от того, находятся ли они в составе дифтонга или монофтонга) вовлечены в построение рифмы (централи) слога» [Пан Вуйун, 2006, с. 41]. Таким образом, общепринятая схема внутренней структуры китайского слога выглядит следующим образом [Пан Вуйун, 2006, с. 43]:

Р и с у н о к 3. Структура китайского слога
(Пан Вуйун)

2. Экспериментальные данные о варьировании элементов китайского слога

Итак, если принять то, что фонема в фонемных языках и слог в слоговых являются фонологически сопоставимыми, то логично предположить наличие общего (разумеется, наряду с отличным) в схемах варьирования указанных единиц. Количественному и качественному варьированию фонем посвящена масса работ отечественных и зарубежных лингвистов на материале разных языков. Вариативность китайского слога в основном рассматривалась с точки зрения изменения (подстройки) тонов, в то время как модификации качества составляющих слога в основном оставались за

кадром. Упоминались лишь некоторые случаи модификации элементов слога (см. работу Н. А. Спешнева [Спешнев, 2003, с. 62, 70, 75]).

Совершенно очевидно, что вариативность китайского слога в спонтанной речи подстройкой тонов ограничиваться не может, в связи с чем нами была выдвинута гипотеза о том, что и сегментные составляющие слога – согласные и гласные – в слабой фразовой позиции при отсутствии просодического маркирования и при быстром темпе произнесения будут подвергаться модификациям. В нашем более раннем исследовании гипотеза подтвердилась; были продемонстрированы следующие модификации.

1. Модификации гласных. Сравнение спектрограмм слогов в подготовленной и спонтанной речи позволило выявить ряд типичных модификаций монофтонгов и дифтонгов.

М о н о ф т о н г и. Замена [e] на [a] на примере слога /de/ в словосочетании /wode/, где второй слог реализовался и был воспринят носителями китайского языка как /da/ в 70% случаев. Следует особо подчеркнуть, что транскрипционный знак [e], предусмотренный в пининь, не отражает качество гласного. Если использовать знаки МФА для акустической транскрипции, отражающей реальное качество данного гласного, то, по словам Н. А. Спешнева, перед нами дифтонгоид заднего ряда среднего подъема [ɤ^ʰ] [Спешнев, 2003, с. 51]. В связи с этим, модификация выглядит вполне ожидаемой.

Д и ф т о н г и. Монофтонгизация (потеря глайда или ядра) при условии большого акустического расстояния между ядром и глайдом дифтонгов. Монофтонгизация дифтонга [ai] в результате потери ядра имела место в 23% случаев от общего количества реализаций данного дифтонга (напр., в слове *anrai* «планировать»). По акустическим характеристикам модифицированные реализации соответствовали монофтонгу [a]. Слог с монофтонгизированной реализацией в 50% случаев воспринимался как /ra/. Аналогичная модификация имела место при реализации дифтонга [ui], например, взятого из контекста *zuihao* «очень хорошо». Монофтонгизация была зафиксирована 60% аудиторов (слог был воспринят как *zi* содержащий монофтонг [i]).

Отсутствие глайда была выявлена у дифтонга [ou] (слог был сегментирован из контекста *da gai you si* «возможно, четыре»), который был идентифицирован аудиторами-носителями китайского языка как [o] в 60% случаев. Потеря глайда в том же дифтонге в слове *dou* «все, всё» была зафиксирована всеми аудиторами (слог был воспринят как /do/). Та же тенденция выпадения глайда была выявлена у дифтонга [ao], например, в слове *hao* «хорошо», которое 43% аудиторов восприняли как содержащее монофтонг [a]. Аналогичным изменениям подвергся и дифтонг [ei], распознанный 36% участников эксперимента как [e] (был взят из контекста *meiyou* «не имеется»). [Лобачева, 2014, с. 84]. Указанные проценты неканонического опознания являются неслучайными (>11%) [20, с. 389–390].

2. Модификации согласных. Замена аффрикаты [dzj] на смычно-взрывной [dj] в слоге /dzjia/ зафиксировано 50% аудиторами. Озвончение

глухих шипящих и аффрикат при потере смычной фазы последней (/ʃ/ → /z/, /tʃ/ → /z/) в /jiushishuo/ «так сказать», /feichang/ «очень» были отмечены 40% в 83% аудиторов соответственно [Андросова, Лобачева, 2014, с. 32]. Процессы озвончения были выявлены в слоге /ʃi/, распознанном в 100% случаев как /zi/ в слова /shi/ «быть, являться» [22, с. 124, 125].

Модификации подверглась инициаль [h] в слове в [hao] «хорошо», которое было распознано 60% аудиторов как содержащее смычно-взрывной придыхательный согласный. Однако определить с активным органом аудиторы не смогли: в их вариантах ответов фигурировали все три придыхательных – [ph], [th] и [kh] – как в словах рао «бежать», тао «персик», као «экзамен».

Были выявлены примеры реализации непридыхательных как придыхательных. Так, непридыхательная инициаль [g] в /geng/ была воспринята как [kh] (60% аудиторов указали слово *keng* «яма») [Лобачева, 2012, с. 125].

3. Выпадение начального согласного. Выпадению подверглись и шумные инициали, в частности мягкая аффриката [dzʰ] в контексте /gen dzʰia de ren/ (её наличие также не было опознано аудиторами-китайцами). Выпадение звонкого фрикативного согласного имело место в слоге /zen/ «человек», который 90% аудиторов распознали как /en/ [Лобачева, 2012, с. 125].

4. Выпадение конечных переднеязычного и заднеязычного носовых сонантов. В слоге /nan/ «мужчина» было выявлено выпадение конечного переднеязычного носового сонанта [n] (слог был опознан 50% носителей китайского языка как /na/, остальные восприняли канонический состав слога). В слоге /sʰiaŋ/ «желать, хотеть» наличие /ŋ/ не было распознано половиной аудиторов, а слог был восстановлен ими как /sʰia/. Большая часть аудиторов (70%) констатировала выпадение того же заднеязычного носового в слоге /deŋ/ «ждать», распознав слог как /de/. Аналогичное явление зафиксировано в слоге /ʃeŋ/ (напр., в слове /das'ue ʃeŋ/ «студент»), который был воспринят аудиторами как /ʃe/ в 50% случаев; в слоге /nuŋ/ (слово «работать») были выявлены аналогичные модификации (воспринят 90% аудиторов как /nu/) [Лобачева, 2014, с. 125].

5. Выпадение гласного имело место в слоге /ʃi/, взятого из вводной фразы /dzʰiuʃiʃuo/. При этом сразу за ним последовало стяжение двух озвонченных палатоальвеолярных согласных, что является «большим криминалом» для китайского языка, в котором нет сочетаний согласных. Таким образом, акустическая транскрипция фразы может быть представлена как [dzʰiuʃz:uo] [Лобачева, 2012, с. 32–36].

3. Заключение

Проведённое исследование продемонстрировало определённую схожесть варьирования китайского слога с варьированием фонемы в языках фонемного строя. Сегментные составляющие слога – согласные и гласные, являющиеся фонологическими единицами первого, второго и третьего уров-

ней линейной членимости слога, – меняли свои качественные характеристики в результате таких общefonетических процессов, как озвончение, качественная редукция монофтонгов, монофтонгизация дифтонгов, ослабление фрикативного шума и так далее, которым подвержены и фонемы. Кроме того, некоторые элементы слога, как и фонемы, выпадали. Таким образом, слоги, как и фонемы, могли быть реализованы как в сильных, так и слабых формах слов. В результате при восприятии таких модифицированных слогов в ограниченном контексте, когда подаётся только модифицированный слог, канонический слог носителями китайского языка часто не восстанавливается – носители языка слышат другие слоги с другими значениями. Разумеется, в более широком контексте носители языка восполняют эти потери, однако часто встречающиеся слабые формы китайских слогов (слов) могут стать серьёзным препятствием для адекватного восприятия звучащей китайской речи носителями других языков, изучающих китайский, в частности, для российских студентов. В связи с этим, модифицированные китайские слоги требуют тщательного изучения, а причины, характер и частотность модификаций нуждаются в систематизации.

Список литературы

1. Алексахин, А. Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква – фонема – звук речи – слог – слово [Текст] / А. Н. Алексахин. – М. : Восточная книга, 2010. – 184 с.
2. Андросова, С. В. Модификации сегментных единиц спонтанной китайской речи: акустический и перцептивный аспекты [Текст] / С. В. Андросова, М. В. Лобачёва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 11 (41). – С. 31–36.
3. Гордина, М. В. К вопросу о фонеме во вьетнамском языке [Текст] / М. В. Гордина // Вопросы языкознания. – 1959. – № 6. – С. 101–109
4. Гордина, М. В. О различных функциональных звуковых единицах языка [Текст] / М. В. Гордина // Исследования по фонологии. – М., 1966. – С. 172–183.
5. Гордина, М. В. Линейные фонологические единицы слоговых и неслоговых языков [Текст] / М. В. Гордина // Теория языка. Методы её исследования и преподавания. – М., 1981. – С. 75–79.
6. Драгунов, А. А. Структура слога в национальном китайском языке [Текст] / А. А. Драгунов, Е. Н. Драгунова // Советское востоковедение. – 1955. – № 1. – С. 58–61.
7. Иванов, А. И. Грамматика современного китайского языка [Текст] / А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
8. Карапетьянц, А. М. Типология основных единиц китайского языка [Текст] : автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук 10.02.19 / Карапетьянц Артемий Михайлович ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1992. – 24 с.
9. Касевич, В. Б. Труды по языкознанию [Текст] / В. Б. Касевич. – СПб. : СПбГУ, 2006. – 664 с.
10. Лобачева, М. В. Особенности реализации китайских согласных в спонтанной речи [Текст] / М. В. Лобачёва // Молодёжь XXI века: шаг в будущее: материа-

- лы XXIII-й региональной научно-практической конференции. – 2012. – Том 2. – С. 124–125.
11. Лобачева, М. В. Общие тенденции модификации дифтонгов в спонтанной речи (на материале китайского языка) [Текст] / М. В. Лобачёва // Сборник материалов научно-практической конференции «Иностранные языки в процессе модернизации современного образовательного пространства». – Благовещенск, 2013. – С. 83–87.
  12. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание: учеб. пособие [Текст] / Ю. С. Маслов. – М. : Высш. шк., 1998. – 272 с.
  13. Пивоварова, М. О. К вопросу об особенностях вьетнамского слога [Текст] / М. О. Пивоварова // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – Вып. 1. – 2014. – С. 203–209.
  14. Соколовский, А. Я. О различных типах фонологических единиц изолирующих языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии [Текст] / А. Я. Соколовский // Известия Восточного института. – 1995. – № 2. – С. 90–99.
  15. Солнцев, В. М. Типологические свойства изолирующих языков (на материале китайского и вьетнамского языков) [Текст] / В. М. Солнцев // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы морфологии, фонетики и фонологии. – 1970. – С. 11–19.
  16. Спешнев, Н. А. Введение в китайский язык. Фонетика и разговорный язык : учеб. пособие [Текст] / Н. А. Спешнев. – СПб. : КАРО, 2003. – 256 с.
  17. Чжан, Чинго. О взаимосвязи между типологической структурой слова и особенностями восприятия речи на неродном языке [Текст] / Чжан Чинго // Сборник статей университета иностранных языков и литературы Даныцзян (Тамкан). – 2006. – № 7. – С. 13–25.
  18. Ярцева, В. Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
  19. Яхонтов, С. Е. Китайско-тибетские языки [Текст] / С. Е. Яхонтов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : 1990. – С. 226–227.
  20. Kasevich, V. B. Zero in Phonological Description: Chinese and Burmese [Text] / V. B. Kasevich, N. A. Speshnev // Word. – 1970. – Vol. 26. – N 3. – P. 262–372.
  21. Repp, B. H. Acoustic Properties and Perception of Stop Consonant Release Transients [Text] / B. H. Repp, H-B. Lin // JASA. – 1989. – Vol. 85 – N 1. – P. 379–396.
  22. Пан ВуУюн. Описание тонов китайского языка [Электронный ресурс] / Пан Ву Уюн // Электронный академический журнал Китая. – 2006. № 5. – С. 39–43. 潘悟云 汉语的音节描写 // China Academic Journal Electronic Publishing House. 2006 年 3 月 . 第 5 卷第 2 期 (总第 21 期) 39–43页.

References

1. Aleksakhin, A. N. (2010). *Alfavit kitayskogo yazika putonghua. Bukva – phonema – zvuk rechi – slog – slovo* [Alphabet of Mandarin Chinese (putonghua). Letter – phoneme – speech sound – syllable – word]. Moscow : Vostochnaya kniga.
2. Androsova, S. V., Lobacheva, M. V. (2014). *Modifikacii segmentnykh edinic spontannoj kitajskoj rechi: akusticheskij i perceptivnyj aspekty* [Modifications of

- segmental units in spontaneous Chinese speech: Acoustic and perceptive aspects]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 11-2 (41), 31–36).
3. Gordina, M. V. (1959). K voprosu o foneme vo v'etnamskom [On the status of phoneme in Vietnamese]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 6, 101–109. Moscow.
  4. Gordina, M. V. (1966). O razlichnyh funkcional'nyh zvukovyh edinicah yazyka [On different functional sound units of language]. *Issledovaniya po fonologii* [Phonological Studies] (pp. 172–183). Moscow.
  5. Gordina, M. V. (1981). Linejnye fonologicheskie ediny slogovyh i neslogovyh yazykov [Linear phonological units of syllabic and non-syllabic languages]. *Teoriya yazyka. Metody ego issledovaniya i prepodavaniya* [Language theory. Research methods and teaching] (pp. 75–79). Moscow.
  6. Dragunov, A. A., Dragunova, E. N. (1955). Struktura sloga v nacional'nom kitajskom yazyke [Syllable structure in the National Chinese language]. *Sovetskoe vostokovedenie* [USSR oriental science] (pp. 58–61).
  7. Ivanov, A. I., Polivano, E. D. (2003). *Grammatika sovremennogo kitajskogo yazyka* [Grammar of Modern Chinese]. Moscow : Editorial URSS.
  8. Karapet'yanc, A. M. (1992). *Tipologiya osnovnyh edinic kitajskogo yazyka* [Typology of basic units in Chinese]. Author's abstract of Dr. Philol. sci. diss. Lomonosov Moscow State University.
  9. Kasevich, V. B. (2006). *Trudy po yazykoznaniyu* [Language Studies]. St. Petersburg University Press.
  10. Lobacheva, M. V. (2012). Osobennosti realizacii kitajskih soglasnyh v spontannoj rechi [Chinese consonant features in spontaneous speech]. *Molodezh' XXI veka: shag v budushchee: materialy XXIII-j regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Youth of the 21st century: A step forward. Proc. of the 23rd regional scientific conference] (pp. 58–61).
  11. Lobacheva, M. V. (2013). Obshchie tendencii modifikacii diftongov v spontannoj rechi (na materiale kitajskogo yazyka) [General tendencies of diphthong modifications in spontaneous speech (based on Chinese)]. *Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii «Inostrannye yazyki v processe modernizacii sovremennogo obrazovatel'nogo prostranstva»* [Proc. of the scientific conference «Foreign languages in modern educational process»] (pp. 83–87). Blagoveshchensk.
  12. Maslov, Yu. S. (1998). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to language studies]. Moscow : Vysshaya shkola.
  13. Pivovarova, M. O. (2014). K voprosu ob osobennostyah v'etnamskogo sloga [On the Vietnamese syllable peculiarities]. *Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 1, 58–61.
  14. Sokolovskij, A. Ya. (1995). O razlichnyh tipah fonologicheskikh edinic izoliruyushchih yazykov Dal'nego Vostoka i Yugo-Vostochnoj Azii [On different types of phonological units in isolating languages of the Far East and South East Asia]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Journal of Oriental Studies Institute], 2, 90–99.

15. Solncev, V. M. (1970). Tipologicheskie svojstva izoliruyushchih yazykov (na materiale kitajskogo i v'etnamskogo yazykov) [Typological features of isolating languages (Chinese and Vietnamese languages)]. *Yazyki Yugo-Vostochnoj Azii. Problemy morfologii, fonetiki i fonologii* [Languages of Southeast Asia. Morphological, phonetical and phonological issues] (pp. 11–19).
16. Speshnev, N. A. (2003) *Vvedenie v kitajskij yazyk. Fonetika i razgovornyj yazyk* [Introduction to the Chinese. Phonetics and Spoken Language]. KARO. St.Petersburg.
17. Chzhan, Chingo. (2006) O vzaimosvyazi mezhdu tipologicheskoy strukturoj slova i osobennostyami vospriyatiya rechi na nerodnom yazyke [To the relationship between the structure of speech and typological peculiarities of speech perception in a foreign language]. *Sbornik statej universiteta inostrannyh yazykov i literatury Dan'czyan (Tamkan)* [The journal of Dan'czyan (Tamkan) University of foreign languages and literature] (pp. 13–25).
18. Yartseva, V. N. (1998). *Yazykoznanie. Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar'* [Language studies. Big linguistic encyclopedia]. Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya [Big Russian encyclopedia].
19. Yahontov, S. E. (1990) Kitajsko-tibetskie yazyki [Sino-Tibetan languages]. *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (pp. 226–227).
20. Kasevich, V. B., Speshnev, N. A. (1970). Zero in phonological description: Chinese and Burmese. *Word*, 26 (3), 262–372.
21. Repp, B. H., Lin, H-B. (1989). Acoustic Properties and Perception of Stop Consonant Release Transients. *JASA*, 85 (1), 379–396.
22. 潘悟云 汉语的音节描写 // China Academic Journal Electronic Publishing House. 2006 年 3 月 . 第 5 卷第 2 期 (总第 21 期) 39–43页。 [Pan WuYun. (2006). Description on Chinese tones. *China Academic Journal Electronic Publishing House*, 5, 39–43].

УДК 81'342.9
UDC 81'342.9

Пиотровская Лариса Александровна
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Larisa A. Piotrovskaya
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: larisa11799@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЭМОТИВНОЙ ФУНКЦИИ ИНТОНАЦИИ
BASIC PRINCIPLES FOR STUDYING
OF INTONATION EMOTIVE FUNCTION

Аннотация

В статье предлагаются ответы на основные вопросы, от решения которых зависит корректность исследования эмотивной функции интонации: 1) проблема классификации эмоций; 2) универсальный / идиоэтнический характер интонационного выражения эмоций; 3) структура интонационного контура, значимая для адекватного описания эмотивных типов интонации; 4) место эмотивных интонационных контуров в интонационной системе языка; 5) многообразие эмотивных интонационных контуров; 6) методика организации экспериментального исследования эмотивной интонации.

Abstract

The current paper focuses on responses to major questions that determine the correctness of researching the emotive function of intonation: 1) the problem of classifying emotions; 2) universal / idioethnic nature of expressing emotions by means of intonation; 3) intonation pattern structure significant for adequate description of intonation emotive types; 4) the place of emotive intonation patterns in language intonation system; 5) variety of emotive intonation patterns; 6) methods of planning experiments for studying emotive intonation.

Ключевые слова: интонация, эмотивная функция, классификация эмоций, интонационный контур.

Keywords: intonation, emotive function, classification of emotions, intonation pattern.

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_41_49

Эмотивная функция интонации привлекала внимание интонологов давно. В этой связи нельзя не назвать В. А. Богородицкого, в трудах которого не только обращается внимание на необходимость самого тщательного изучения того, как «живая речь пользуется для передачи оттенков настроения говорящего <...> соответствующим изменением тембра и тона голоса, усилением или ослаблением его, а также замедлением или ускоре-

нием темпа речи, и, наконец, удлинением ударяемого гласного в подчёркиваемом слове» [Богородицкий, 1935, с. 216], но и содержится первый опыт сравнительно-сопоставительного изучения интонации, в том числе эмотивной, на материале русского, украинского, польского, сербохорватского, литовского, английского, французского и итальянского языков [Богородицкий, 1939, с. 133–139].

Несмотря на то, что ещё А. М. Пешковский считал «исконной» функцией интонации «выражение эмоциональной стороны речи» [Пешковский, 1959, с. 177], далеко не все исследователи выделяют эмотивную функцию интонации. Однако «спорным является, по-видимому, не сам факт наличия у интонации функции выражения эмоций, а лингвистичность её» [Светозарова, 1982, с. 23]. Для решения данной проблемы необходим дифференцированный подход, основанный на том, что интонационные контуры, выражающие одни эмоции, «ближе к условным языковым знакам», тогда как в других «очевидна непосредственная физиологическая обусловленность» [Светозарова, 1982, с. 23; см. также: Николаева, 1977, с. 45].

Таким образом, **первый вопрос** связан с проблемой классификации самих эмоций. Н. Д. Светозарова, развивая предложенное ею разграничение «общей эмоциональной окраски», «общего эмоционального состояния» и «эмоциональных значений» [Светозарова, 1982, с. 23], называет следующие критерии: 1) степень универсальности – специфичности, 2) степень осознанности – контролируемости, 3) роль и место в коммуникации, 4) характер просодических средств [Светозарова, 2000, с. 64]. С лингвистической точки зрения особого внимания заслуживает ещё один критерий: «Для выражения конкретных эмоций наряду с просодическими средствами в языке существуют также лексические и грамматические средства <...>. Так, эмоция сожаления может быть обозначена через междометие *увы*, уверенность – словами *конечно, непременно*, вызов – оборотом *а как же!* При описании же таких общих эмоциональных состояний, как волнение, страх или печаль, писатели вынуждены обращаться к комментариям, ремаркам» [Светозарова, 2000, с. 65].

Таким образом, **эмотивные интонационные контуры, имеющие статус условных языковых знаков, выражают лишь те эмоции, которые коррелируют с социально закреплённым эмотивным компонентом значения эмотивных слов и эмотивных синтаксических моделей**. Следовательно, фонетист, обращающийся к изучению эмотивной функции интонации, должен опираться на результаты лексикологических и синтаксических исследований. Работы, посвящённые дифференцированному лингвистическому анализу эмотивного макрокомпонента лексического значения, стали появляться лишь с конца 1980-х годов; первым систематическим исследованием в этом направлении является монография В. И. Шаховского [Шаховский, 1987].

Сложность определения эмотивного компонента значения синтаксических моделей обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, объек-

том такого анализа должны быть только эмотивные синтаксические конструкции (понятие эмотивной синтаксической конструкции было определено нами ранее [Пиотровская, 1993]); во-вторых, выделение типового эмотивного компонента значения синтаксических моделей требует семантического анализа всего многообразия эмотивных высказываний, построенных по одной синтаксической модели. Так, типовое значение эмотивной синтаксической конструкции «*a* + *ещё* (+ прилагательное) + существительное в форме именительного падежа (+ называется)» (например: *А ещё инженер!*) – ‘выражение неодобрения в сочетании с разочарованием’; типовое значение эмотивных высказываний с производным междометием *подумаешь* (например: *Подумаешь – склероз!*) – ‘выражение безразличия / пренебрежения (презрения)’ в зависимости от одушевлённости / неодушевлённости существительного [Пиотровская, 1994, с. 80–83].

Плодотворным для изучения эмотивной функции интонации считаем также принятое в отечественной психологии разграничение в эмоциональной сфере аффектов, собственно эмоций (предметных чувств) и чувств [Леонтьев, 1971; Рубинштейн, 1999, с. 574–583], поскольку с эмотивным компонентом значения языковых единиц, на наш взгляд, коррелируют лишь собственно эмоции, например восхищение, отвращение, возмущение. Исключение аффектов обусловлено их природой как «стремительно и бурно протекающего эмоционального процесса взрывного характера» [Рубинштейн, 1999, с. 579]. Чувства (мировоззренческие чувства, например чувство юмора, иронии, чувство возвышенного, трагического) не могут составлять эмотивный компонент значения языковых единиц, поскольку «все они образуют основные проявления эмоциональной сферы, органически включённой в жизнь личности» [Рубинштейн, 1999, с. 579].

Таким образом, только **сочетание психологических и лингвистических классификаций эмоций** может служить достаточно надёжным ориентиром в разграничении двух групп эмоций, одни из которых «передаются одинаковыми для всех языков средствами, другие специфически языковыми, находящимися в компенсаторных отношениях с интонационными показателями» [Николаева, 2000, с. 186].

Второй вопрос касается выделения в структуре фразовой интонации «трёх интонационных слоёв» – «универсального слоя», «слоя словесной просодии» и «специфически интонационного слоя» [Николаева, 2000, с. 185–181]. Как отмечает Т. М. Николаева, обнаружить собственно языковой слой, составляющий фразовую интонацию конкретного языка, можно только косвенными средствами. Попытаемся проиллюстрировать **«косвенный метод» выделения собственно языкового слоя в интонационном выражении эмоций**.

Обобщение многочисленных исследований, в которых описывается интонационное выражение удивления, позволяет сделать вывод о том, что языковой универсалией является восходящий тип мелодического контура и расширение частотного диапазона. Специфичным в различных языках, по

нашим данным, является крутизна мелодической кривой: так, для русского языка характерно плавное, а не резкое повышение тона в предцентровой части, а также неглубокое понижение тона (до уровня не минимальной, а средней индивидуальной высоты) в конце фразы (например: *Завтра?*).

Говоря об интонационном выражении недовольства в различных языках, многие исследователи отмечают увеличение степени выделенности слова, стоящего под фразовым ударением, и «утрированное» произношение согласных звуков, что, на наш взгляд, можно квалифицировать как характеристики универсального интонационного слоя. Собственно языковой слой составляет детальная структура динамического контура, то есть локализованность динамического максимума, степень изрезанности динамической кривой, а также соотношение разных ударений по уровню интенсивности. Например, при выражении ненаправленной отрицательной эмоции недовольства в высказываниях с частицей *что за* (например: *Что это за погода?*) динамический максимум локализуется на частице *что*, тогда как при выражении направленной отрицательной эмоции возмущения – на существительном; при выражении этого же типа эмоции возможна сложная структура динамического контура с двумя пиками интенсивности.

Третий вопрос связан с определением характера *фонетических средств, образующих в комплексе соответствующий интонационный контур*. Р. Якобсон отмечал, что при выражении эмоций (по его терминологии, «неграмматических значений») оказываются задействованы главным образом те просодические средства, которые не обслуживают систему грамматических элементов [Якобсон, 1923, с. 39–40]. Поэтому для корректного описания эмотивных интонационных контуров требуется пристальное внимание к таким его составляющим, как регистр, диапазон, изрезанность мелодического и динамического контуров, изменение длительности отдельных звуков, степень выделенности фразового ударения и другое. Это предполагает *детальное описание всех компонентов интонационного контура – мелодического, динамического, темпорального, а также просодического тембра*. Так, в исследовании Л. И. Судаковой доказывается, что для противопоставления эмоционально нейтрального вопроса-переспроса и вопросительных высказываний, оформляемых с помощью ИК-6, с разными эмотивными компонентами значения – ‘выражение недоумения’ (*Чего я дожидаясь?*) и ‘выражение припоминания’ (*Где поймана?*) – наибольшими смысловоразличительными возможностями обладает темп речи в сочетании с регистром [Судакова 1993]. Игнорирование хотя бы одного из компонентов интонации чревато неадекватным представлением своеобразия эмотивных интонационных контуров.

Четвёртый вопрос – место эмотивных интонационных контуров в интонационной системе языка. В классификации интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой эмотивными, в нашем понимании, являются ИК-5, ИК-6, ИК-7. Что же касается других эмотивных интонационных контуров, то Е. А. Брызгунова рассматривает их в качестве модальных реализаций основных интонационных

конструкций [Брызгунова, 1984 ; Брызгунова, 1980, с. 109–120]. **Определение статуса эмотивных интонационных контуров** как самостоятельных интонационных конструкций или как вариантов основных интонационных конструкций, на наш взгляд, связано с решением сугубо теоретического **вопроса – о классификации предложений по цели высказывания**.

Мы исходим из того, что наряду с повествовательными, вопросительными, побудительными (и оптативными) высказываниями, которые могут быть как эмоционально нейтральными, так и эмоционально окрашенными, существует самостоятельный коммуникативный тип высказываний, называемых нами эмотивными. Это высказывания, главной целью которых является не сообщение, не вопрос и не побуждение к действию, а выражение эмоционального состояния или эмоционального отношения говорящего к предмету речи или какому-либо лицу.

Как показало проведённое нами исследование, эмотивные типы интонации могут быть единственным формальным признаком, разграничивающим эмотивные высказывания и омонимичные им высказывания других коммуникативных типов, например, общий вопрос и эмотивное высказывание (*Завтра?*), специальный вопрос и эмотивное высказывание (*Какой долг?*), обращение и эмотивное высказывание (*Костя!*) и другие. Е. А. Брызгунова сформулировала следующий принцип выделения системы интонационных конструкций: «Смыслоразличительные возможности интонации наиболее ярко проявляются при сравнении высказываний с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом или высказываний с разным синтаксическим строением, но одинаковым звуковым составом словоформ» [Брызгунова, 1980, с. 97]. Применение этого принципа к структурным типам эмотивных высказываний, омонимичных высказываниям других коммуникативных типов, позволяет говорить о том, что соответствующие эмотивные интонационные контуры имеют статус самостоятельных интонационных конструкций.

Пятый вопрос обусловлен чрезвычайно большим количеством эмотивных интонационных контуров. Как показывают наши исследования, основных причин тому четыре.

Во-первых, наряду с автоматизированными интонационными контурами существуют неавтоматизированные, индивидуальные.

Во-вторых, человеку свойственно переживать сложные эмоции, поскольку одна и та же ситуация может в разной мере соответствовать или не соответствовать различным потребностям человека.

В-третьих, и это, пожалуй, особенно важно, подавляющее большинство эмотивных интонационных контуров закреплено за высказываниями определённых структурных типов. Иными словами, синонимия в эмотивной подсистеме интонационной системы языка есть объективное следствие наличия **структурной специализации эмотивных интонационных контуров**.

Приведём всего два примера.

Эмотивные высказывания с местоимённо-вопросительными словами (*Что за история? Чего, дура, затужила?*) при выражении удивления

оформляются интонацией, характеризующейся восходящим тоном, тогда как высказывания с местоимённо-указательными словами (*Вот так история!*) – интонацией, сходной с ИК-5, но отличающейся от неё четким членением мелодического и динамического контуров на две части.

Сравнение интонации высказываний различных структурных типов со значением ‘выражение восхищения’ (*Что за край! Вот так коробочки! Вот черти! Ну и баба!*) свидетельствует о том, что реализация ИК-5 в средне-низком или низком регистре не наблюдается в высказываниях, содержащих в своём составе местоимённо-вопросительные слова.

В-четвёртых, поскольку эмоции, образующие одну зону, различаются по степени интенсивности, а эмотивный компонент значения – по мотивированности различными логизированными компонентами (понятие логизированных компонентов типового значения эмотивных синтаксических моделей раскрыто в нашей работе [Пиотровская, 1994, с. 73–85]), то синонимичные с точки зрения эмотивного компонента значения высказывания могут оформляться различными интонационными контурами.

Например, разные интонационные контуры оформляют следующие синонимичные эмотивные высказывания: *Да какой он герой!; Вот так герой!; Подумаешь, герой!* с общим эмотивным компонентом значения ‘выражение пренебрежения’, поскольку эмотивный компонент значения мотивирован разными логизированными компонентами. В высказываниях типа *Вот так герой!* названный эмотивный компонент значения мотивирован логизированными компонентами значения ‘несоответствие прогнозу говорящего’ и ‘противопоставление ожидаемого и реального’; в высказываниях типа *Подумаешь, герой!* – компонентами значения ‘противопоставление ценностной картины мира разных лиц’ и ‘утверждение’; в высказываниях типа *Да какой ты (он, она) герой!* – компонентами значения ‘противопоставление оценки разных лиц’ и ‘несогласие, отрицание’. Следовательно, мотивационный аспект сходного эмоционального отношения пренебрежения говорящего к какому-либо лицу в приведённых эмотивных высказываниях принципиально различен: описательно его можно представить следующим образом: *Вот так герой!* – «Настоящие герои так не поступают»; *Подумаешь, герой!* – «Некое лицо действительно герой, но говорящий не считает это значимым»; *Да какой ты (он, она) герой!* – «Некое лицо вовсе не герой, хотя кто-то так считает» [Пиотровская, 1994, с. 95 и сл.]. Это различие не может не отражаться в интонационном выражении пренебрежения.

Таким образом, фонетист, занимающийся изучением эмотивной функции интонации, должен осуществлять детальный семантический анализ предложения-высказывания.

Наконец, немаловажное значение имеет **ещё один вопрос** – методика организации экспериментального исследования эмотивной интонации.

Поскольку **эмоции** – это психическое явление, которое **говорящий непосредственно переживает**, то для обеспечения естественного инто-

нирования соответствующих высказываний они должны даваться в достаточно широком контексте, который позволит актуализировать причину возникновения эмоции.

При проведении экспериментов по восприятию необходимо учитывать, с одной стороны, зонный характер выражения эмоций, а с другой – трудности в выборе однословного названия для обозначения конкретной эмоции; поэтому ***аудиторам необходимо предлагать список слов-названий эмоций*** и, кроме того, позволять им пользоваться ***методом «свободных» инструкций***.

Выделенные нами вопросы, возникающие перед любым фонетистом, обращающимся к изучению эмотивной функции интонации, должны решаться в органическом единстве.

Список литературы

1. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики [Текст]: (из университетских чтений) / В. А. Богородицкий. – 5-е изд., перераб. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – 356 с.
2. Богородицкий, В. А. Очерки по языковедению и русскому языку [Текст] / В. А. Богородицкий. – 4-е изд., перераб. – М.: Учпедгиз, 1939. – 223 с.
3. Брызгунова, Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи [Текст] / Е. А. Брызгунова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 117 с.
4. Брызгунова, Е. А. Интонация [Текст] / Е. А. Брызгунова // Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – С. 96–122.
5. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы, эмоции [Текст]: конспект лекций / А. Н. Леонтьев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 41 с.
6. Николаева, Т. М. Фразовая интонация славянских языков [Текст] / Т. М. Николаева. – М.: Наука, 1977. – 278 с.
7. Николаева, Т. М. От звука к тексту [Текст] / Т. М. Николаева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с. – (Язык. Семиотика. Культура.)
8. Пешковский, А. М. Интонация и грамматика [Текст] / А. М. Пешковский // Пешковский, А. М. Избранные тр. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 177–191.
9. Пиотровская, Л. А. Эмотивные высказывания в современном русском языке [Текст]: учеб. пособие к спецкурсу / Л. А. Пиотровская. – СПб.: Образование, 1993. – 71 с.
10. Пиотровская, Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования [Текст] / Л. А. Пиотровская. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. – 146 с.
11. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – СПб.; М.; Харьков; Минск: Петер Ком, 1999. – 720 с. – (Серия «Мастера психологии».)
12. Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка [Текст] / Н. Д. Светозарова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 175 с.
13. Светозарова, Н. Д. Интонация в художественном тексте [Текст] / Н. Д. Светозарова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – 180 с.

14. Судакова, Л. И. Регистровые различия русской интонации и их функции [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Судакова Людмила Ивановна ; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 1993. – 22 с.
15. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст]. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 191 с.
16. Якобсон, Р. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским [Текст]. – [Берлин] ; М. : Гос. изд-во РСФСР, 1923. – 120 с. – (Сборник по теории поэтического языка. Вып. V.)

References

1. Bogorodickiy, V. A. (1935). *Obshhij kurs russkoj grammatiki: (iz universitetskikh chtenij)* [The general course of Russian grammar: (From university lectures)]. 5th ed., corrected. – Moscow ; Leningrad : Socjkgiz.
2. Bogorodickiy, V. A. (1939). *Ocherki po jazykovedeniju i russkomu jazyku* [Essays in language studies and the Russian language]. 4th ed., corrected. Moscow : Uchpedgiz.
3. Bryzgunova, E. A. (1984). *Jemocional'no-stilisticheskie razlichija russkoj zvuchashhej rechi* [Emotional and stylistic differences of Russian oral speech]. Moscow : Moscow State University Press.
4. Bryzgunova, E. A. (1980). Intonacija [Intonation]. In N. Ju. Shvedova (Ed.), *Russkaja grammatika* [Russian Grammar] (Vol. 1, pp. 96–122). Moscow : Science.
5. Leont'ev, A. N. (1971). *Potrebnosti, motivy, jemocii: konspekt lekcij* [Needs, motives, emotions: Lectures]. – Moscow : Moscow University Press.
6. Nikolaeva, T. M. (1977). *Frazovaja intonacija slavjanskih jazykov* [Phrasal intonation of Slavic Languages]. Moscow : Science.
7. Nikolaeva, T. M. (2000). *Ot zvuka k tekstu* [From sound to text]. Moscow : Languages of Russian Culture. (Jazyk. Semiotika. Kul'tura. [Language. Semiotics. Culture].).
8. Peshkovskiy, A. M. (1959). Intonacija i grammatika [Intonation and grammar]. *Izbrannye tr.* [Selected works] (pp. 177–191). Moscow : Uchpedgiz.
9. Piotrovskaya, L. A. (1993). *Jemotivnye vyskazyvanija v sovremennom russkom jazyke: ucheb. posobie k speckursu* [Emotive utterances in modern Russian: A handbook to the course]. – St.-Petersburg : Education.
10. Piotrovskaya, L. A. (1994). *Jemotivnye vyskazyvanija kak objekt lingvisticheskogo issledovanija* [Emotive utterances as the object of linguistic study]. St.-Petersburg : St.-Petersburg University Press.
11. Rubinshteyn, S. L. (1999). *Osnovy obshhej psihologii* [Basics of general psychology]. St.-Petersburg; Moscow; Kharkov; Minsk : Peter Kom, 1999. (Series «Experts of psychology»).
12. Svetozarova, N. D. (1982). *Intonacionnaja sistema russkogo jazyka* [Russian intonation]. Leningrad : Leningrad University Press.
13. Svetozarova, N. D. (2000). *Intonacija v hudozhestvennom tekste* [Intonation in fiction literary genre]. St.-Petersburg : St.-Petersburg University Press.
14. Sudakova, L. I. (1993). *Registrovye razlichija russkoj intonacii i ih funkcii* [Pitch level differences and their functions in Russian Intonation]. Author's abstract of

PhD dissertation in Philological Sciences. Moscow : Pushkin State Russian Language Institute.

15. Shakhovskiy, V. I. (1987). *Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoy sisteme jazyka* [Emotion categorization in lexical-semantic system of the language]. Voronezh : Voronezh University Press.
16. Jakobson, R. (1923). O cheshskom stihe preimushhestvenno v sopostavlenii s russkim [Czech poetry compared to Russian one]. *Collection of works on the theory of poetic language* (Vol. V.). [Berlin] ; Moscow : State Press of Russian Soviet Federal Socialistic Republic.

УДК 81-13
UDC 81-13

Становая Лидия Анатольевна

**Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация**

Lydia A. Stanovaïa

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

e-mail: lida_stan@mail.ru

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ ADDRESSING THE PRINCIPLE OF LINGUISTIC ECONOMY AGAIN

Аннотация

После многолетних и весьма бурных дискуссий 60–70-ых годов прошлого столетия, термин «языковая экономия» прочно обосновался в отечественной лингвистике. Однако знакомство с современными публикациями отечественных лингвистов свидетельствует о «досадной» полисемии термина, который употребляется в разных значениях: 1) обычном, обусловленном значением слова «экономия» в русском языке как экономность, бережливость; 2) специальном, определённом теорией А. Мартине, где экономия рассматривается как принцип организации и эволюции языковой системы; 3) смешанном, обусловленном смешением разных терминов, идей и понятий. В статье рассматриваются основные вопросы, связанные с определением сущности языковой экономии, её места и роли в языковой эволюции. Многие постулаты, относящиеся к указанным вопросам, противоречат известным фактам языковых изменений на разных уровнях системы. Однако если строго отделить речевую экономию от языковой, то многие противоречия исчезают.

Abstract

After a long and very heated discussions in 60s–70s of the last century, the term «linguistic economy» is firmly established in Russian linguistics. However, the analysis of modern publications of Russian linguists indicates «embarrassing» polysemy of the term, which is used in different meanings: 1) ordinary, determined by the meaning of the word «economy» in the Russian language as frugality, thrift; 2) special, determined by A. Martinet theory, where economy is considered as the principle of organization and evolution of the language system; 3) mixed due to the mixture of different terms, ideas and concepts. The article discusses the main issues related to defining the essence of linguistic economy, its place and role in language evolution. Many postulates concerning these issues contradict well-known facts of language change on different levels of language system. However, if we strictly separate economy in speech from economy in language many contradictions disappear.

Ключевые слова: термин, терминосистема, речевая и языковая экономия, изменение языка, языковая эволюция

Keywords: term, term system, economy in speech and language, language change, language evolution

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_50_75

Полисемия термина, досадная вообще и тем более досадная в лингвистике, приводит иногда к недоразумению.

Л. М. Скредина [1973, с. 116].

Введение

Лингвистика, точно так же, как и любая другая отрасль науки, обладает своим терминологическим аппаратом, однако сложность и многогранность изучаемого объекта исследования – языка, обусловили появление многочисленных и разнообразных теоретических подходов и направлений, многие из которых сопровождались как введением новых понятий и терминов, так и формированием отдельных терминосистем, специфичных для той или иной научной школы или направления.

На освоение лингвистической терминологии направлены все программы профессионального образования, однако небрежное, а зачастую и ошибочное употребление терминов стало, к сожалению, характерным отличием многих отечественных публикаций последнего времени.

Одни терминологические ошибки вызваны обычным невежеством, когда, например, психосистематика (Г. Гийом, Р. Вален, Л. М. Скредина и др.) смешивается с психолингвистикой (Л. С. Выготский, Л. В. Щерба, А. А. Леонтьев и др.), а лингвистика (наука о языке) отождествляется с семиотикой (наука о знаках и знаковых системах).

Другие обусловлены «досадной», по словам Л. М. Скрединой, полисемией одних и тех же терминов, используемых для обозначения разных понятий в разных теоретических школах или в исследованиях явлений разных языковых уровней. Причём, если одни термины принято уточнять, то другие используются в различных значениях без необходимого уточнения.

Например, для термина «синтагма» во всех отечественных лингвистических словарях и справочниках обычно указывается три значения: 1) «синтагма» в фонетике (фонетическая единица, отрезок или сегмент речевой цепи, речевого потока); 2) «синтагма» в грамматике (семантико-синтаксическая единица); 3) «синтагма» в теории Ф. де Соссюра (сложный языковой знак, обычно двучленный, состоящий из определяемого и определяющего).

При этом не указывается, например, определение «синтагмы», используемое в функциональной теории А. Мартине, где синтагма понимается как сочетание монем, в котором различают: 1) ядро, центральную монему; 2) монему (группу монем), которая определяет эту центральную монему и является зависимой от неё; 3) знак, если он есть, маркирующий зависимость всей синтагмы от высказывания в целом.

Добавим, что в теории А. Мартине монема является единицей 1-го, семантического, членения высказывания, а фонема – единицей 2-го, фонетического, членения. Монема – это минимальная двусторонняя единица членения, имеющая содержание (смысл, значение) и форму. Монема не яв-

ляется эквивалентом слова (подробнее см.: [Скрелина, Становая, 2012 ; Martinet, 1967 ; Martinet, 1979]).

В зарубежных словарях и справочниках, например, франкоязычных, синтагма определяется как синтаксическая и семантическая единица, состоящая из группы морфем или слов, ядро которой определяет характер и функцию синтагмы: именная, глагольная, предложная и другие. Синтагма является компонентом предложения и занимает промежуточное положение между словом и предложением (см. напр.: Trésor de la Langue Française).

Учитывая подобную «досадную» полисемию, чтобы избежать двусмысленности или даже ошибочности своих рассуждений, серьезные и вдумчивые авторы сразу уточняют, в каком значении они используют термин «синтагма» (см. напр.: [Пиотровская, 2015, с. 53 сл.]).

Напротив, столь важные для любого лингвистического исследования термины «язык» и «речь», «языковой» и «речевой», «устный» и «письменный», «разговорный» и «литературный» и так далее, определяемые и употребляемые по-разному не только в разных научных школах и разных отраслях лингвистики, но и разными авторами, к сожалению, чрезвычайно редко получают своё необходимое уточнение. Поэтому ничего, кроме совершенно естественного недоумения, не вызывают исследования «устной речи», выполненные на материале письменных текстов, или «разговорной речи», выполненные на материале литературных текстов, причем это исследования не XIX, а XXI века!

Особенно «не повезло» в этом отношении термину «языковая экономия». После многолетних и весьма бурных дискуссий 60–70-ых годов прошлого столетия, термин прочно обосновался в отечественной лингвистике. Казалось бы, что все вопросы, связанные с определением сущности языковой экономии, её места и роли в языковой эволюции, должны были получить свое окончательное и исчерпывающее разъяснение. Однако знакомство с современными публикациями отечественных лингвистов свидетельствует уже не просто о «досадной», но поистине катастрофической полисемии термина.

Так, термин «(закон, принцип) языковой экономии» употребляется в следующих значениях:

1) обыденном, обусловленном значением слова «экономия» в русском языке как экономность, бережливость;

2) специальном, определенном теорией А. Мартине, где экономия рассматривается как принцип организации и эволюции языковой системы;

3) смешанном, обусловленном смешением разных терминов, идей и понятий.

Рассмотрим указанные три значения подробнее.

I. Обыденное значение термина «(закон, принцип) языковой экономии»

Одной из самых модных преамбул лингвистических и металингвистических работ последних лет стала расхожая идея об ускорении ритма

(или темпа) современной жизни, который обуславливает, вследствие «всем известного», «универсального», «объективного» и так далее «закона (или принципа) языковой экономии», многочисленные и самые разнообразные лингвистические изменения.

По мнению этих авторов (Л. А. Бускунбаева, Е. С. Городова, Е. А. Гутина, А. Н. Занина, М. В. Зеликов, О. Л. Зимина, М. Л. Касаткин, В. П. Кобков, А. А. Ларькина, Г. В. Маракушина, С. И. Литвин, Е. А. Смирнова, М. В. Умерова и др.), «языковая экономия» вызывает не только «упрощение», «сокращение» и «обеднение» языка в целом, но и является причиной таких сугубо речевых явлений, как выпадение звуков и слогов в звучащей речи, опущение слов, словосочетаний и предложений в диалогической речи, использование аббревиатур в текстах различных жанров и стилей и так далее.

При этом под «языковой экономией» понимается, например, следующее:

1) сокращение средств выражения, позволяющих сократить время, необходимое на производство, передачу и восприятие сообщения (С. И. Литвин: «закон экономии <...> подразумевает употребление кратких средств выражения, что способствует сокращению материального объема сообщения и времени на его разработку и обработку»¹);

2) передача большего количества информации в единицу времени (М. Л. Касаткин: «суть языковой экономии состоит в стремлении к передаче большего количества информации в единицу времени»);

3) бережливость, краткость, лаконичность в общении (Л. А. Бускунбаева: «коммуниканты во все времена стремились к бережливости, краткости, лаконичности в общении, вырабатывались экономные средства выражения мысли и наиболее оптимальные способы передачи информации»);

4) производство и восприятие языковых элементов с наименьшей затратой усилий (А. Н. Занина: «принцип экономии языковых усилий, выражающийся в производстве и восприятии языковых элементов с наименьшей затратой усилий»; М. В. Умерова: «Человеческому мышлению и, соответственно, языку, свойственно стремление к экономии усилий и ресурсов, суммированию и обобщению отражаемых событий»);

5) речевая экономия, противопоставленная «языковому излишеству» (Л. А. Бускунбаева: «Язык противится любой громоздкости, излишеству, чрезмерным затратам физиологических усилий, всякого рода неудобствам, осложняющим работу памяти, неудобствам в произношении и письме, что вызывает у носителей данного языка стремление к экономии речевых ресурсов»);

6) минимизация плана выражения при сохранении плана содержания (Е. С. Городова: «Одним из факторов, определяющих упрощение языка, является действие закона лингвистической экономии, проявляющегося в минимизации плана выражения при сохранении плана содержания») и так далее.

---

¹ Здесь и далее сноски на используемые в качестве иллюстрации работы не даются, однако любой желающий при необходимости может легко найти все необходимые библиографические сведения в интернете.

Эти и другие подобные определения термина «экономия» основаны на обыденном значении русского слова «экономия», понимаемого как экономность, бережливость. Именно экономность, бережливость, в одном случае, времени («большее количество информации в единицу времени»), в другом – речевых усилий («закон наименьшего усилия»), «речевых ресурсов», «средств выражения» и т. д., обуславливают сокращение «материального объёма» речевого высказывания. Это то, что в своё время Е. Д. Поливанов назвал «ленью человеческой» или стремлением «к экономии трудовой энергии» [Поливанов, 1968, с. 81].

Жёсткую критику такого упрощённого подхода к «языковой экономии» более 40 лет назад дал Р. А. Будагов, который указывал, что только при «поверхностном рассмотрении языка его огромное богатство может показаться излишним, ненужным, избыточным» [Будагов, 1972, с. 18].

В своей известной статье Р. А. Будагов [Будагов, 1972] очень подробно разбирает историю употребления этого термина и его различное толкование на разных этапах развития науки. Нельзя не согласиться с его блестящей критикой так называемой «экономности» отдельных слов и словосочетаний, конструкций и предложений, определённых жанров и стилей. Совершенно справедливы его аргументы о несостоятельности «большей экономности» новых, современных языков по сравнению со старыми, или о «простоте, удобстве и экономности» аналитических конструкций в отличие от «трудных, неудобных и неэкономных флексий».

Рассматривая различные теории «экономии усилий», Р. А. Будагов ёдко, но точно определяет суть проблемы: «Здесь удивительным образом *смешаны* (выделение наше – Л. С.) самые различные понятия. Уменьше излагать идеи простым и ясным языком («с возможно меньшим усилием») само по себе действительно свидетельствует об отличном искусстве говорящего или пишущего. Больше того. Подобное искусство обнаруживает не только высокую культуру человека, но и высокий уровень развития того языка, которым пользуются говорящие. Все это бесспорно. Но все это не имеет никакого отношения к процессу превращения длинных слов и длинных предложений в короткие слова и короткие предложения, процессу, который *будто бы* (выделение наше – Л. С.) наблюдается в истории языков мира» [Будагов, 1972, с. 19].

Словно предвосхищая расхожие объяснения современных лингвистов разнообразных языковых явлений и процессов с точки зрения «языковой экономии», Р. А. Будагов замечает, что «принцип «экономии» широко раскрывает дверь для *произвольных* (выделение наше – Л. С.) истолкований» [Будагов, 1972, с. 29].

К сожалению, именно такое «произвольное истолкование» стало широко распространённым в современных отечественных публикациях (Е. С. Городова, Е. А. Гутина, М. В. Зеликов, В. П. Кобков, А. А. Ларькина, Г. В. Маракушина, М. В. Умерова, Е. А. Шагланова и др.), где практически любое явление рассматривается как компрессия («как проявление общеязыковой тенденции к экономии»), или как эллипсис («языковая экономия на синтаксическом уровне»).

Так, «компрессией» объявляются разные виды стяжения гласных, согласных, слогов и другие процессы, ведущие к так называемому «фонетическому свёртыванию» слова.

Действительно, такое объяснение оказывается очень удобным: не нужно подробно разбираться с монофтонгизацией, ассимиляцией, редукцией, упрощением групп согласных, вокализацией, спирантизацией и многими другими фонетическими процессами, наблюдаемыми в разных языках как в диахронии, так и в синхронии. Достаточно назвать все компрессией, и не нужно знать, что рядом с монофтонгизацией (например, лат. AURUM > франц. *or*) есть дифтонгизация (лат. FIDEM > ст. франц. *feit* > франц. *foi*), а рядом с упрощением групп согласных (лат. COMPUTARE > ст. франц. *comter* > франц. *computer* [kõ·te]) есть усложнение (лат. TENERUM > франц. *tendre* [tã·drə]), что кроме ассимиляции (лат. FRATREM > ст. франц. *fredre* > франц. *frère*; лат. FECI > *fici > ст. франц. *fi*) есть диссимиляция (ст. франц. *lossignol* > франц. *rossignol*; лат. SOROREM > ст. франц. *serour*) и так далее.

Очень удобно разные виды словообразования (словосложение, аббревиация, телескопия, контаминация, конверсия, субстантивация и др.) назвать «компрессивными» и, не обременяя себя ни «лишними» знаниями, ни «лишними» исследованиями, ни «лишними» размышлениями, решить тем самым раз и навсегда все дискуссионные вопросы относительно, например, телескопии, которая различными исследователями рассматривается и как вид аббревиации, или словосложения, или образования сложносокращенных слов, и как самостоятельный способ словообразования и прочее.

А как легко, без тщательных исследований, ставится точка в многовековом споре учёных об артикле во французском языке! Достаточно назвать «эллипсисом» все случаи неупотребления артикля, и не нужно читать необъятное количество работ, представляющих результаты изучения артикля в разных ракурсах и с разных позиций, не нужно вникать в суть и аргументацию многочисленных теорий артикля, существующих во французской грамматике, не нужно ни изучать теорию нулевого артикля, ни тем более исследовать статус безартиклевых существительных во французском языке. Какая экономия времени, труда и мысли!

Только намеренно упрощённым подходом к лингвистическим исследованиям, в том числе и диссертационным, можно объяснить широкую популярность термина «(языковая) экономия», понимаемого как экономность, бережливость и позволяющего чрезвычайно «произвольно истолковывать» все, в том числе сложнейшие языковые процессы и явления.

II. Специальное значение термина «(принцип) языковой экономии»

Термин и понятие «экономия» прочно связаны с теорией функциональной лингвистики А. Мартине (André Martinet, 1908–1999) и его книгой «Economie des changements phonétiques: Traité de phonologie diachronique» (дословно: Экономия фонетических изменений: Очерк диахронической фонологии. – Л. С.), опубликованной в 1955 г. [Martinet, 1955].

Первый русский перевод вышел в 1960 г. с названием: «Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии)» [Мартине, 1960], поэтому в отечественном языкознании с теорией и именем А. Мартине в большей степени связан термин «принцип экономии».

Второй перевод вышел уже с другим названием: «Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии» [Мартине, 2006].

В Предисловии ко 2-му изданию А. А. Зализняк объясняет причины, побудившие его изменить название, указывая в частности, «что русское слово *экономия* не покрывает того специфического значения французского слова '*economie*', которое следует предполагать в данном (т. е. «Принцип экономии в фонетических изменениях» – Л. С.) заглавии». При этом далее он добавляет, что нельзя «во всех случаях, где Мартине употребляет в своей книге слово '*economie*', воспользоваться переводом «механизмы»; в главе IV (Глава IV. Экономия. – Л. С.) в определённых контекстах более уместными остаются прежние переводы «экономия» и «принцип экономии» [Мартине, 2006].

Действительно, отмеченная неточность перевода обусловлена существенной разницей в значениях французского слова '*economie*' и русского слова «экономия»: если обратиться к французским и русским словарям, общее и различное в значениях французского слова '*economie*' и русского слова «экономия» становится очевидным.

Так, основное значение слова «экономия» в русском языке – это «бережливость при расходовании чего-н.»; «бережливость, расчетливость при расходовании чего-л.», «бережливое расходование денег, материалов и др. ресурсов»; «выгода, получающаяся при бережном расходовании чего-н.», «выгода, получающаяся в результате такой бережливости, расчетливости; сбереженная, сэкономленная сумма»; а устаревшее – «помещичье хозяйство, усадьба»; «крупное помещичье хозяйство»; «хозяйство капиталистического типа»; «контора, усадьба, хозяйство» [Ожегов, 1990, с. 904; Словарь иностранных слов, 1949, с. 747; Словарь иностранных слов, 2001, с. 759; Исторический словарь галлицизмов].

Таким образом, русское слово «экономия» обозначает экономность, бережливость, расчетливость и выгоду, получающуюся в результате этого. Это – то обычное, или обыденное значение, с каким оно употребляется во многих работах, о которых речь шла выше.

Для французского слова '*economie*' главным, определяющим значением указывается «порядок, правило, способ управления» хозяйством, домом, финансами и так далее. Дополнительными, переносными значениями указываются «гармония между частями целого» и «расположение, согласованность частей целого». Кроме этого, указываются и схожие с русским значения уменьшения или ограничения расходов, снижение потребления чего-то во время использования, в том числе труда, усилий, времени и так далее. Сравним следующее (перевод и выделение наше – Л. С.).

1. *L'ordre, la règle* qu'on apporte dans la conduite d'un ménage, dans la dépense d'une maison. <...> Il se dit aussi figurément De *l'harmonie* qui est

entre les différentes parties, les différentes qualités du corps physique. <...> Il se dit encore figurément De *la disposition* d'un dessein², de la distribution d'un discours, d'une pièce d'Éloquence. *Dictionnaire de l'Académie Française*, 4-ème édition, 1762. P. 584. – **Порядок, правило**, которые вносятся в ведение домашнего хозяйства, в расходы дома. В переносном значении обозначает также **гармонию** между различными частями, различными достоинствами физического (человеческого) тела. В переносном значении обозначает также расположение рисунка, распределение (последовательность) речи, (литературного) произведения Красноречия. *Словарь Французской Академии*, 4 издание,³ 1762 г. С. 584. [Dictionnaire de l'Académie Française].

2. **L'ordre, la règle** qu'on apporte dans la conduite et la dépense d'une maison. <...> On dit aussi, *économie*, pour, *harmonie*, entre les différentes parties d'un tout. <...>. Jean-François Féraud, *Dictionnaire critique de la langue française*, 1787–1788. P. B021a. – **Порядок, правило**, которые вносятся в ведение и расходы дома. Говорят также экономия для (обозначения) **гармонии** между различными частями целого. Жан-Франсуа Феро, *Критический словарь французского языка*, 1787–1788 гг. С. B021a. [Dictionnaire critique de la langue française].

3. **L'ordre, la règle** qu'on apporte dans la conduite d'un ménage, dans la dépense d'une maison. <...> Il se dit aussi figurément De *l'harmonie* qui est entre les différentes parties, les différentes qualités du corps physique. <...> Il se dit encore figurément De *la disposition* d'un dessin, de la distribution d'un discours, d'une pièce d'Éloquence. *Dictionnaire de l'Académie Française*, 5-ème édition, 1798. P. 460. – **Порядок, правило**, которые вносятся в ведение домашнего хозяйства, в расходы дома. В переносном значении обозначает также **гармонию** между различными частями, различными достоинствами физического (человеческого) тела. В переносном значении обозначает также расположение рисунка, распределение (последовательность) речи, (литературного) произведения Красноречия. *Словарь Французской Академии*, 5 издание, 1798 г. С. 460. [Dictionnaire de l'Académie Française].

4. Ce mot ne signifie dans l'acception ordinaire que *la manière d'administrer* son bien; elle est commune à un père de famille et à un surintendant des finances d'un royaume. <...> *Dictionnaire philosophique de Voltaire*. – В обычном смысле это слово означает только **способ управления** своим имуществом; является общим и для главы семейства, и для суперинтенданта королевства. *Философский словарь Вольтера* [Encyclopedie universelle].

5. **Ordre, règle** qu'on apporte dans la conduite d'un ménage, dans la dépense d'une maison, dans l'administration d'un bien. <...> Il signifie plus

² Здесь и далее сохраняется орфография источников.

³ Это первая фиксация слова 'économie' во французских словарях, начиная со словаря Р. Этьена 1552 г. (Robert Estienne. Dictionarium latinogallicum. Lutetiae, apud Carolum Stephanum, Typographum Regium, M. D. LII. Cum priuilegio Regis). В 1 издании Словаря Французской Академии 1694 г. слово 'économie' отсутствует.

ordinairement, Épargne dans la dépense. <...> se dit figurément de *L'harmonie* qui existe entre les différentes parties, les différentes qualités d'un corps organisé. <...> Il signifie encore figurément, La **disposition** des parties d'un dessin, d'un tableau, la distribution ou le plan d'un ouvrage d'esprit, et en général Toute **coordination** de parties, quel que soit l'ensemble qu'elles contribuent à former. <...> *Dictionnaire de l'Académie Française, 6-ème édition, 1832–1835. P. 603 (T. 1).* – **Порядок, правило**, которые вносятся в ведение домашнего хозяйства, в расходы дома, в управление имуществом. Обычно обозначает бережливость в расходах. В переносном значении обозначает **гармонию**, которая существует между различными частями, различными достоинствами организованного корпуса (единства). В переносном значении обозначает также **расположение** частей рисунка, картины, последовательность или план работы мысли (произведения), и в целом – любую **согласованность** частей того единства, которое они создают. *Словарь Французской Академии, 6 издание, 1832–1835 гг. Т. 1. С. 603. [Dictionnaire de l'Académie Française].*

6. **Toujours précédé de «ordre».** Mène à la fortune. <...> *Dictionnaire des idées reçues. Gustave Flaubert. 1880.* – **Всегда сопровождается словом «порядок».** Ведет к богатству. *Словарь полученных идей. Гюстав Флобер. 1880 [Encyclopedie universelle].*

7. Épargne dans la dépense. <...> Il se dit aussi, dans un sens plus large, de *l'Ordre, de la règle* que l'on apporte dans la conduite d'un ménage, dans la dépense d'une maison, dans l'administration d'un bien. <...> Il se dit figurément de *l'Harmonie* qui existe entre les différentes parties, les différentes qualités d'un corps organisé. <...> Il désigne encore figurément la **Disposition** des parties d'un dessin, d'un tableau, la distribution ou le plan d'un ouvrage d'esprit, et en général Toute **coordination** de parties, quel que soit l'ensemble qu'elles contribuent à former. <...> *Dictionnaire de l'Académie Française, 8-ème édition, 1932–1935. P. 434 (T. 1).* – Бережливость в расходах. В более широком значении обозначает **порядок, правило**, которые вносятся в ведение домашнего хозяйства, в расходы дома, в управление имуществом. В переносном значении обозначает **гармонию**, которая существует между различными частями, различными достоинствами организованного корпуса (единства). В переносном значении обозначает также **расположение** частей рисунка, картины, последовательность или план работы мысли (произведения), и в целом – любую **согласованность** частей того единства, которое они создают. *Словарь Французской Академии, 8 издание, 1932–1935 гг. Т. 1. С. 434. [Dictionnaire de l'Académie Française].*

8. Sage **administration, art de bien gérer** une entreprise. <...> **Disposition harmonieuse des parties d'un tout; bon fonctionnement d'un organisme.** <...> Particulièrement, Répartition de la matière dans les diverses parties d'une oeuvre littéraire. <...> *Dictionnaire de la langue française classique.* – Умелое **управление, способ, искусство хорошо управлять** предприятием. **Гармоничное расположение частей целого; хорошая работа (хорошее функционирование) организма (устройства).** Частное

значение: распределение содержания по отдельным частям литературного произведения. *Словарь французского классического языка* [Dubois, Lagane, 1960, с. 172].

9. *Art de gérer*. <...> P. ext. *Art d'administrer* un bien, une entreprise par une gestion prudente et sage afin d'obtenir le meilleur rendement en utilisant les moindres ressources. <...> 2. *Art de réduire la dépense*. Art de réduire la dépense dans la gestion de ses biens, de ses revenus. <...> P. ext. Art de limiter la dépense, de diminuer la consommation de quelque chose lors de son utilisation. <...> P. ext. *Distribution des éléments d'un ensemble complexe*. <...> *Trésor de la Langue Française*. – 1. *Способ, искусство управлять*. В более широком смысле: способ, искусство *управлять* (руководить) имуществом, предприятием при помощи осторожного и умного руководства с целью получения большей прибыли при использовании минимальных средств. 2. *Способ, искусство* сократить расходы. Способ, искусство сократить расходы в управлении своим имуществом, доходами. В более широком смысле: способ, искусство ограничить расходы, уменьшить потребление чего-либо при его использовании. *Тезаурус французского языка* [Trésor de la Langue Française].

10. *Art de bien administrer* une maison, de gérer les biens d'un particulier. <...> *Administration, gestion*. <...> *Organisation des divers éléments d'un ensemble*; manière dont sont distribuées les parties. <...> *Ordre, organisation, structure*. <...> *Relations*, articulation des *parties d'un système*. <...> Le Petit Robert. – *Способ, искусство хорошо управлять* домом, имуществом. *Управление, руководство. Организация элементов целого* способ распределения частей (целого). *Порядок, организация, структура. Соотношение*, соединение *частей системы*. *Малый толковый словарь Робер* [Le Petit Robert, 1979, с. 600].

Итак, во французском языке слово «экономия» в широком смысле обозначает порядок, способ, искусство управления, руководства, а также гармоничное и согласованное расположение, соотношение и соединение частей любого организованного целого, единства.

Соответственно, введенный и использованный А. Мартине термин «(языковая) экономия» (*économie, économie linguistique*) обозначает, с одной стороны, 'порядок, способ, искусство управления, руководства языком', а с другой – 'гармоничное и согласованное расположение, соотношение и соединение частей языка как организованного единства'.

С этой точки зрения, становится понятной та огромная роль языковой экономии как теоретического понятия, о которой в той или иной форме писал А. Мартине во всех своих работах, начиная с 1955 г., например: «Термин *экономия* включает всё: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия – это синтез действующих сил» [Мартине, 1960, с. 129–130].

Критикуя теорию А. Мартине, Р. А. Будагов заметил: «Нет никаких оснований придавать подобное всеобъемлющее значение «экономии».

Если «экономия» – это термин, то он не может «включать всё» уже в силу самого своего терминологического характера» [Будагов, 1972, с. 20].

С этим замечанием Р. А. Будагова нельзя не согласиться. Действительно, термин должен чётко и однозначно определять соответствующее понятие или явление.

Однако, «всеобъемлющее значение» термина «экономия» обусловлено, во-первых, указанным значением слова '*économie*' во французском языке, помогающим понять управляющую, руководящую роль экономии в организации и эволюции языковой системы как единого целого, все части которого находятся в гармоничном и согласованном расположении, соотношении; а также, во-вторых, всей сущностью теоретической концепции А. Мартине, в контекст которой он был введён и в рамках которой он употреблялся и употребляется.

Обратимся к тем основным постулатам функциональной лингвистики, в контексте которых становится очевидной суть рассматриваемого термина [Березин, 1984, с. 251–263; Скрелина, 1968; Скрелина, 1973, с. 114–136; Мартине, 1960; Feuillard, 2001; Martinet, 1955; Martinet, 1967; Martinet, 1975; Martinet J., 1975; Skrélina, 1968].

1. Дихотомия «язык-речь»; понимание языка как системы (парадигматический план) и речи как речевого потока (синтагматический план); возможность изучения каждой точки речевого отрезка как в аспекте речевого потока, так и в аспекте системы.

Соответственно, А. Мартине [1967] выделяет речевую, синтагматическую экономию (*économie syntagmatique*) и языковую, парадигматическую экономию (*économie paradygmaticque*).

Разъяснение приводится следующее: для обозначения, например, стиральной машины (*machine à laver*) можно употребить большое (*machine à laver* = 3 монемы, 5 слогов, 10 фонем) или маленькое (*Bendix* (марка стиральной машины – Л.С.) = 1 монема, 2 слога, 6 фонем) количество монем, слогов, фонем.

Синтагматическая экономия – это выбор меньшего количества: 1 монема – вместо 3 монем, 2 слога – вместо 5 слогов, 6 фонем – вместо 10 фонем.

Заметим, что именно в этом значении (выбор меньшего количества монем, слогов и фонем) термин «экономия» употребляется в большинстве работ, о которых шла речь выше.

Соответственно, чтобы избежать «досадной полисемии термина» достаточно уточнить, что изучаются и описываются особенности речевой, синтагматической экономии.

Или, что термин «экономия» употребляется в русле американской лингвистической традиции, которая, по мнению Э. Хэмп, «настолько отошла от европейской, что требует уже особого словаря для понимания созданных в пределах этой традиции трудов» [Хэмп, 1964, с. 5]: здесь используется схожий по звучанию термин '*эконому*', который понимается как «установление наименьшего числа фонем» [Хэмп, 1964, с. 259]. Вероятно, именно для того, чтобы избежать «досадной полисемии термина»,

В. В. Иванов и В. А. Звегинцев перевели на русский язык слово ‘economy’ как «экономность», а не как «экономия».

Парадигматическая экономия – это выбор устойчивого, частотного обозначения (*machine à laver*), понятного любому говорящему, а потому позволяющего избежать увеличения количества существительных, которые говорящий должен знать, и, следовательно, позволяющего избежать дополнительной нагрузки на память.

Кажется, что короткая форма предпочтительнее, однако выбор короткой или длинной формы, её употребление и сохранение в языке регулируется языковой (парадигматической) экономией, которая позволяет найти оптимальное равновесие между потребностями коммуникации, инерцией памяти и инерцией артикуляции [Martinet, 1967, p. 177–178].

Важно: языковые изменения обусловлены языковой, парадигматической, экономией. Языковая экономия связана исключительно с языком как системой. Языковая экономия является принципом организации и эволюции языковой системы.

2. Язык – это инструмент, или орудие общения; коммуникативная функция – это первичная и центральная функция языка; язык должен изучаться в его функционировании, то есть в процессе общения, так как изменения языка в процессе коммуникации вызваны потребностями носителей языка.

Любое высказывание требует от говорящего определённых затрат умственной и физической энергии. Эти затраты кажутся незначительными, однако даже опытный оратор испытывает «чувство глубокой усталости» (*un état de grande lassitude* [Martinet, 1967, p. 178]) после поиска нужного слова или чёткого проговаривания последовательных звуков.

А. Мартине считает, что «<...> языковая эволюция вообще определяется постоянным противоречием между присущими человеку потребностями общения и выражения и его стремлением свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность» [Мартине, 1960, с. 126].

Заметим, что именно на этой части разъяснения понятия «экономии» («свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность») строятся работы, о которых шла речь выше и пойдет ниже.

Однако сам А. Мартине развивает эту мысль дальше: «В плане слов и знаков каждый языковой коллектив в каждый момент находит определённое равновесие между потребностями выражения, для удовлетворения которых необходимо всё большее число специальных и соответственно более редких единиц, и естественной инерцией, направленной на сохранение ограниченного числа более общих и чаще употребляющихся единиц» [Мартине, 1960, с. 126].

Инерция является постоянным элементом, тогда как потребности общения постоянно растут. Соответственно, с ростом потребностей должно расти и число необходимых для языкового коллектива значащих единиц.

Если рассуждать теоретически, то можно допустить возможность существования такой языковой системы, в которой у каждого означаемого есть своё фонетически однородное и неделимое означающее, поскольку

ку число различных однородных звуков, которые могут артикулироваться органами речи и служить дифференциальными признаками между знаками, безгранично.

Однако, когда количество этих единиц становится неэкономным, оно пресекается так же, как пресекается проявление чрезмерной инерции. Языковое поведение регулируется целесообразным соответствием этих противоположных тенденций, то есть равновесием между необходимым для языкового коллектива количеством значащих единиц и практическими возможностями человеческих органов речи и восприятия.

Таким регулятором, по мнению А. Мартине, является экономия: «Принцип экономии в языке проявляется в постоянном стремлении достичь равновесия между противоречивыми потребностями, подлежащими удовлетворению, – потребностями общения, с одной стороны, и инерцией памяти и инерцией органов речи – с другой» [Мартине, 1963, с. 534].

Экономия заключается в том, чтобы ограничить число специфических единиц выражения, то есть фонем, разные последовательные сочетания которых образуют различные означающие, а также в том, чтобы ограничить число одновременно реализующихся звуковых признаков, сохранив при этом те основные «существенные» характеристики (*traits pertinents*), которые необходимы в процессе коммуникации для различения смысла.

Только в этом случае затраты умственной и физической энергии будут пропорциональны задачам и потребностям коммуникации, а энергия, потраченная в лингвистических целях, станет пропорциональной переданной информации (*l'énergie dépensée à des fins linguistiques tendra à être proportionnelle à la masse d'information transmise* [Martinet, 1967, p. 179]).

Важно: языковая экономия обеспечивает равновесие языковой системы. Каждый язык подходит экономно к установлению различительных (дифференциальных) признаков между знаками (элементами системы). Экономия заключается в поиске равновесия между минимальным количеством дифференциальных, релевантных признаков и максимальным количеством значащих единиц, необходимых в процессе коммуникации для различения смысла.

3. Понятие о языке как о функциональном механизме, как о динамически изменяющейся системе, которая обладает свойством саморазвития. Нарушение и восстановление языковой системы является фактором, определяющим развитие языка.

Изменение языка в соответствии с потребностями общения обуславливает появление новых значащих единиц, которые должны встроиться в существующую систему: ассимилироваться с подобными элементами этой системы и дифференцироваться от противоположных.

С появлением новой формы и нового противопоставления структурные отношения между элементами системы неизбежно меняются. Здесь действует принцип динамической солидарности, согласно которому все элементы системы взаимосвязаны, так что изменение в одном звене вызывает реакцию всей системы; кроме того, элементы системы разных уровней (фонологический, морфологический, лексический) тоже связаны, так

что системное противопоставление элементов одной системы способствует противопоставлению элементов другой системы.

Все изменения приводят к потере равновесия системы и вызывают её перестройку. Перестройка языковой системы в целом и её частных подсистем (микросистем) проходит в соответствии с принципом экономии, согласно которому симметричное построение требует заполнения «пустых клеток» или ликвидации «лишнего звена» в системе.

Стремление системы к гармонии, симметрии и равновесию усматривается в том соотношении, которое существует или устанавливается между необходимостью выразить то или иное значение и наличием формы, призванной его передать. Экономия различительных признаков выражается в поиске соответствия между формой (означающее) и значением (означаемое) в структуре единицы (знака).

В целом, функциональная модель языка обладает свойством саморазвития, она динамична. Её механизм описывается в связи с понятиями «давления» системы, стремления системы к симметрии и равновесию.

Важно: изменения в системе, её перестройка проходят таким образом, чтобы с помощью минимума различительных (дифференциальных, релевантных) признаков обозначить максимум функциональных противопоставлений. Принцип экономии, вкупе с другими принципами (динамической солидарности, давления системы, заполнения пустой клетки, ликвидации лишнего звена и др.), рассматривается как принцип организации языковой системы и как внутренний закон языковых системных изменений.

Таким образом, в терминосистеме функциональной лингвистики термин «языковая экономия», или в русском варианте «принцип экономии», определяется как внутренний закон развития языка, который соответствует физиологическим и психическим свойствам человеческого организма.

Язык как динамическая система обладает свойством саморазвития. Нарушение и восстановление языковой системы является фактором, определяющим развитие языка. Языковая экономия рассматривается как регулятор языкового поведения, как принцип организации и эволюции языковой системы, обеспечивающий её равновесие и симметрию.

Языковая экономия заключается в экономном установлении различительных (дифференциальных, релевантных) признаков между знаками, элементами системы, поскольку минимальное количество дифференциальных признаков должно использоваться для обозначения максимума функциональных противопоставлений, для выражения максимального числа означаемых.

III. Смешанное значение термина «(закон) языковой экономии»

Ярким примером смешения разных терминов, идей и понятий является определение экономии в *Словаре-справочнике лингвистических терминов* [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 534]: «экономия лингвистическая

(закон экономии сил). Стремление говорящего экономить усилия при пользовании речью как одна из причин изменения языка».⁴

Экономия здесь понимается в обыденном значении как экономность, бережливость – об этом значении термина «экономия» шла речь выше, в I части. Однако при этом указывается, что подобная экономность речевых усилий является одной из причин эволюции языка – о взгляде А. Мартине на важную роль экономии в языковой эволюции, но в другом понимании термина «экономия», шла речь во II части.

Из рассматриваемого определения следует, что лингвистическая экономия имеет, во-первых, статус «закона», то есть «экономия сил» представляет собой объективное, необходимое, существенное, устойчивое, постоянное явление «при пользовании речью»; а во-вторых, является «одной из причин изменения языка».

Относительно первого, следует отметить такую всем известную особенность речи как избыточность.

Известно, что избыточность речи, или речевая избыточность, может быть различной: смысловой, содержательной, формальной, семантической и так далее (о разных видах избыточности см. напр. в сборнике: «Избыточность в грамматическом строе языка»). Всем известна стилистическая избыточность, проявляющаяся, например, в таких явлениях, как многословие, тавтология, плеоназм, редупликация и прочее. Часто говорят о грамматической избыточности, когда одно и то же грамматическое значение выражается несколько раз, например, в форме самого существительного и всех согласующихся с ним прилагательных, местоимений, артиклей, глаголов. Если же «экономия сил при пользовании речью» – это закон, то никакой избыточности речи не может быть в принципе, раз любая речь должна быть *a priori* «экономной».

Второе заключение касается роли «экономии сил» в процессе языковой эволюции. Приводимые далее примеры должны, по мнению авторов *Справочника*, показать, как «стремление говорящего экономить усилия при пользовании речью» ведёт к «изменениям языка».

Так, «В фонетике «закон наименьшего усилия» проявляется, например, в ассимиляции по звонкости-глухости (произношение [зб]росить, [зг]ореть, [зд]ать с начальным звуком [з] требует меньше усилий, чем с [с], так как работа голосовых связок начинается уже с первого согласного), в оглушении конечного звонкого согласного (произношение ло[п] вместо ло[б], плу[к] вместо плу[г], но[ш] вместо но[ж], ра[с] вместо ра[з] и т. п. проще, так как в русском языке всякий глухой согласный проще звонкого)» [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 534].

Действительно, оглушение конечных звонких согласных в звучащей речи хорошо известно. Однако, к какому изменению русского языка оно приводит или привело?

---

⁴ Ср. также: «закон экономии сил» англ. (law of least effort) Экономия сил, рассматриваемая как причина фонетических изменений» [Ахманова, 1966, с. 152].

К изменению звучания отдельных слов в процессе эволюции русского языка, раз «в русском языке всякий глухой согласный проще звонкого»? В других словах, возможно, да, но в приведённых примерах – нет: здесь наблюдается позиционное чередование вариаций и вариантов фонем [Широков, 2003, с. 107–111], поскольку изменение конечных звонких согласных происходит в определённых позициях в речевом, звучащем потоке, но не приводит к изменениям фонетической и морфологической структуры указанных слов, где звонкие согласные сохраняются: *лба*, *плуга*, *ножа*, *раза*.

К изменению фонологической системы русского языка? Если «всякий глухой согласный проще звонкого», значит, должно было произойти ранее или наблюдаться сейчас исчезновение звонких согласных из фонологической системы русского языка, или, по крайней мере, их существенное сокращение. Но этого нет: оппозиция «глухой : звонкий» составляет одну из стержневых, базовых характеристик системы согласных в русском языке.

С другой стороны, авторы приводят примеры озвончения глухих согласных в начальной позиции, объясняя появление звонкого согласного ассимиляцией по звонкости-глухости с начальным звуком, которая «требует меньше усилий». Следует ли сделать вывод, раз речь идёт об изменении языка, что все слова в русском языке начинаются со звонкого согласного, «так как работа голосовых связок начинается уже с первого согласного»? И как это согласуется с утверждением, что «всякий глухой согласный проще звонкого»? Что же на самом деле, по мнению авторов, является «экономным»: оглушение звонких согласных или озвончение глухих?

Утверждение, что «экономия сил при пользовании речью» является законом и «одной из причин изменения языка», противоречиво по сути и не подтверждается даже примерами, приводимыми авторами *Справочника*.

Представляется, что подобное противоречие обусловлено смешением разных понятий и явлений. Указанные примеры иллюстрируют речевую, или в терминологии А. Мартине, синтагматическую экономию, но для изменения языка важно иное.

Действительно, регрессивная ассимиляция согласных, оглушение конечных согласных и многие другие фонетические процессы, обусловленные комбинаторным взаимовлиянием звуков в речевом потоке, характерны для разных языков на разных этапах их эволюции. В ряде случаев они могут приводить к языковым изменениям и иметь статус фонетических законов, то есть таких регулярных фонетических изменений, которые совершались в определённый временной период на определённой территории.

Так происходит, например, в истории формирования и эволюции французского языка, когда оглушение конечных согласных сначала в латинском, а затем в старофранцузском языке сопровождалось изменением фонетической и морфологической структуры слов, например: лат. *GRANDEM* > ст. франц. *grand* > *grant* > франц. *grand* [grɑ̃]; лат. *CALIDUM* > ст. франц. *chaut* > франц. *chaud* [fo]; лат. *CLAVEM* > ст. франц. *clef* > франц. *clé* [kle] и так далее.

Важно подчеркнуть, что действие фонетических законов строго ограничено во времени: оглушение конечных согласных в современном французском языке считается лишь признаком ненормативной, небрежной, неграмотной речи.

Таким образом, одно и то же фонетическое явление, рассматриваемое как проявление речевой экономии, может повлечь за собой то или иное изменение языка, а может остаться на том же речевом уровне без каких-либо языковых изменений.

Размышляя над данным феноменом, Б. А. Серебренников приводит многочисленные примеры самых разнообразных фонетических изменений в разных языках мира, свидетельствующих, по его мнению, об «облегчении произношения», вызванном «экономией физиологических затрат» [Серебренников, 1988, с. 96–112].

Соглашаясь с мнением А. Шлейхера, Г. Курциуса, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Е. Д. Поливанова, А. Мартине, придававших особое значение «фактору экономии усилий», и возражая против мнения В. Дельбрюка, Й. Схрэйнена, А. Доза, Р. А. Будагова, Б. А. Серебренников называет принцип экономии в языке одним из частных проявлений инстинкта самосохранения, своеобразной реакцией «против чрезмерной затраты физиологических усилий, против всякого рода неудобств, осложняющих работу памяти, осуществление некоторых функций головного мозга, связанных с производством и восприятием речи», и в целом – защитной функцией организма [Серебренников, 1988, с. 95].

Выделяя «трудные для произношения звуки и сочетания звуков», Б. А. Серебренников предполагает, что языки стремились различными путями от них избавиться, и на богатом фактологическом материале исторической фонетики разных языков мира представляет примеры «экономии физиологических затрат», ведущей к «облегчению произношения».

Однако далее честно замечает: «Стремление создать в языке систему фонем, обладающую хорошими дифференцирующими свойствами, находится в резком противоречии с тенденцией к экономии физиологических затрат. Как известно, тенденция к экономии физиологических затрат направлена на то, чтобы создать звуки лёгкие для произношения. Для создания системы фонем, обладающей хорошими различительными признаками, лёгкость произношения не играет никакой роли. <...> Этим, между прочим, объясняется тот примечательный факт, что устраняемые в языке труднопроизносимые звуки с течением времени появляются вновь» [Серебренников, 1988, с. 116–117].

Обратим внимание на удивительное внутреннее противоречие: с одной стороны, Б. А. Серебренников размышляет о звуках и о том, как «экономия физиологических затрат» направлена на облегчение произношения, а с другой – о создании систем фонем с «хорошими дифференцирующими свойствами».

Фактически об этом же писал А. Мартине, выделяя речевую, синтагматическую и языковую, парадигматическую экономии и подчеркивая роль

последней в языковой эволюции. Достаточно, вслед за А. Мартине, строго отделить язык (у Б. А. Серебренникова – системы фонем) от речи как звучащего потока (у Б. А. Серебренникова – звуки трудные или лёгкие для произношения), и многое проясняется.

Действительно, в истории эволюции разных языков процессы облегчения и усложнения произношения всегда сопровождают друг друга. Например, в истории формирования и эволюции французского языка многие фонетические процессы не упростили, а существенно усложнили произношение.

Так, дифтонгизация в период вульгарной латыни привела к формированию старофранцузских дифтонгов [ou, io, ei, ie], произнесение которых безусловно требует больших усилий, нежели простых гласных [o, e]. Результатом палатализации стало формирование старофранцузских аффрикат [ts, dz, tʃ, dʒ], а по мнению Б. А. Серебренникова, от аффрикат как труднопроизносимых звуков стремились освободиться многие языки, точно так же, как и от носовых гласных. Между тем, в старо- и среднефранцузском языках прошла назализация, результатом которой стало формирование «усложняющих произношение» назализованных гласных [ã, õ, ï, ê, ÿ] и дифтонгов [aĩ, iẽn, uõ, uẽn, etc]. Вокализация l > u усложнила старофранцузское произношение трифтонгами [eau, ieu, ueu], и так далее (см. напр.: [Скрелина, Становая, 2005]).

В этой связи трудно утверждать, что именно «экономия физиологических затрат», ведущая к «облегчению произношения», определяла изменения французского языка.

Если же отойти от гипноза младограмматической истории языка, долго царившей в языкознании, и посмотреть на произошедшие фонетические изменения, например, в русле функциональной лингвистики, то ход языковой эволюции становится логичным и понятным.

Так, фонологическая система современного французского языка представляет почти совершенную гармонию и симметрию по сравнению с исходным латинским языком-основой и другими романскими языками, наглядно иллюстрируя действие принципа экономии в понимании А. Мартине. Например, в результате сначала дифтонгизации, а затем монофтонгизации, система французского вокализма получила отсутствовавший в латинском языке огубленный [œ < eu, ie, ueu], заполнивший «пустую клетку» в оппозиции «огубленный : неогубленный» [œ : ε], а в результате сначала палатализации, а затем упрощения аффрикат, система французского консонантизма получила отсутствовавший в латинском языке звонкий [z < dz], заполнивший «пустую клетку» в оппозиции «звонкий : глухой» [z : s], и завершившие ряд согласные [ʃ < tʃ : ʒ < dʒ].

Можно было бы «произвольно истолковать» произошедшие языковые изменения как примеры «экономии речевых усилий», поскольку речь идет об «упрощении произношения» – ликвидации дифтонгов и аффрикат. Однако в этом случае причины появления дифтонгов и аффрикат останутся непонятными.

Если же сравнить фонологические системы латинского, старофранцузского и современного французского языков, то идея А. Мартине о «постоянно растущих потребностях общения» получает свою аргументацию в виде появления новых языковых элементов, в том числе и новых дифференциальных признаков, ассимиляция и дифференциация которых обусловила перестройку всей языковой системы.

Так, например, система латинского вокализма строилась вокруг 4 оппозиций (долгий : короткий, огубленный : неогубленный, открытый : закрытый, дифтонг : простой), при этом в системе отсутствовали симметрия и равновесие, то есть было много «пустых клеток». Система старофранцузского вокализма использует имеющиеся дифференциальные признаки и формирует новые, выстраивая систему уже вокруг 7 оппозиций (огубленный : неогубленный, открытый : закрытый, назализованный : чистый, передний : задний, долгий : короткий, дифтонг : простой, трифтонг : простой). В системе современного французского вокализма количество дифференциальных признаков сокращено до 4 (огубленный : неогубленный, открытый : закрытый, носовой : чистый, передний : задний), причем система, как уже отмечалось, поражает своей почти идеальной гармонией и симметрией. Одновременно с этим ясно видны «слабые звенья» системы, требующие своей корректировки.

Таким образом, в течение долгих столетий шло последовательное формирование новой экономной, гармоничной и симметричной фонологической системы французского языка, и в этом длительном процессе были и «упрощение», и «усложнение» произношения, однако ведущую роль играла не «экономия речевых усилий», не «экономия физиологических затрат», не «экономия трудовой энергии» и тому подобное, а языковая экономия как внутренний закон языковых системных изменений.

К схожему заключению приходит и сам Б. А. Серебренников, который самостоятельно, но фактически в полном соответствии с концепцией А. Мартине и его пониманием экономии, формулирует и описывает на материале разных языков «тенденцию к созданию симметричной системы фонем» как отражения общей «тенденции к улучшению языкового механизма».

Опираясь на идеи П. Пасси, Ж. Вандриеса, Г. Габеленца, В. Хорна, Г. Фрея о наличии в языке двух противоположных тенденций, а именно: тенденции к простоте, удобству, единообразию, целесообразности, с одной стороны, и тенденции к выразительности, понятности, экспрессии, с другой, Б. А. Серебренников рассматривает происходящие в разных языках изменения, с точки зрения «повышения дифференцирующей способности языка», «создания более выразительных формативов», «устранения форм, утративших свою исконную функцию», «создания большей ясности и определённости», «компенсации коммуникативно необходимых языковых элементов» [Серебренников, 1988, с. 114–129].

Примечательно, что в этой части своих рассуждений он связывает, например, процесс оглушения конечных согласных уже не с «экономией физиологических затрат» и «облегчением произношения», а с тем, что

«конец слова становится малозначительным, начинает утрачиваться необходимость делать его более слышимым, более восприимчивым для собеседника» [Серебренников, 1988, с. 130].

Однако полностью отойти от «экономии физиологических усилий» как главной движущей силы языковой эволюции Б. А. Серебренников не хочет и, опираясь на мнение И. М. Сеченова о биологических особенностях человека, связывает появление в языках «технически более совершенного», «прогрессивного» аналитического строя с «известными физиологическими особенностями устройства человеческого мозга»: «Древние индоевропейские падежи и глагольные формы, обремененные большим количеством значений, находились в известном противоречии с некоторыми законами человеческой психики, с некоторыми особенностями физиологической организации человека. Значение, выраженное особой формой, легче воспринимается, чем конгломерат значений, выраженный одной формой. Совершенно естественно, что рано или поздно должен был произойти взрыв этой технически недостаточно совершенной системы, и он произошел» [Серебренников, 1988, с. 113–114; 225].

С этой идеей «упрощения языка» идеально согласуются примеры «экономии сил» в словообразовании и грамматике (морфологии и синтаксисе), приводимые в *Справочнике*: «В словообразовании тенденция к экономии находит своё выражение в обильном создании разного типа сложносокращенных слов, особенно аббревиатур, в широком распространении сложных слов (сложное слово – более экономное средство общения по сравнению со словосочетанием) и т.д. В морфологии побеждают более короткие из сосуществующих форм (ср.: *страной – страною, скорей – скорее, написав – написавши, свойствен – свойственен, мок – мокнул, лошадыми – лошадьми, восьмью – восемью, среди башир, туркмен – среди башикиров, туркменов* и т.д.). В синтаксисе экономию языковых средств можно обнаружить в эллиптических конструкциях, в неполных предложениях, в опущении служебного слова (ср.: *глубиной в десять метров – глубиной десять метров, ценою в два рубля – ценою два рубля*) и т.д.» [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 534].

Хотя Р. А. Будагов [1972] уже дал общую критику подобных взглядов, о чем шла речь выше, не могу удержаться от своих многочисленных вопросов и комментариев.

Почему «сложное слово – более экономное средство общения по сравнению со словосочетанием»? Как с этим утверждением соотносится существование многочисленных фразеологизмов, а также их постоянное формирование и пополнение? Широко распространенная в разных языках замена одного слова на словосочетание, например, в русском языке: *агитировать ~ вести агитацию; заключить ~ делать заключение; производить ~ осуществлять производство* и так далее? Можно ли вообще полагать, что лишь «экономия сил» способствует пополнению словаря за счёт «разного типа сложносокращенных слов»?

На каких доказательствах основано утверждение, что «в морфологии побеждают более короткие из сосуществующих форм»? В исторической

грамматике такого постулата нет. Выбор той или иной грамматической формы не определяется её длиной: причины гораздо более разнообразные и обычно не поддаются столь примитивному объяснению.

Эллиптические конструкции, неполные предложения, опущение служебного слова могут быть следствием речевой (синтагматической) экономии, но и этому явлению должны быть доказательства, учитывая дискуссии специалистов, например, о статусе неполных предложений и эллиптических конструкций (предложений).

Что же касается «изменений языка», вызываемых этими видами «экономии сил», то чрезвычайно удивительным и непоследовательным представляется заключительное положение: «В подобных случаях «экономия» противостоит «избыточности» и имеет свое материальное выражение. Однако и в тех случаях, когда используемые языковые средства в количественном отношении остаются без изменения, но появляются удобные готовые модели, устойчивые сочетания, более совершенные унифицированные формы и т. п., можно говорить о лингвистической экономии» [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 534].

Получается опять загадка! С одной стороны, экономия – это более простые звуки, более короткие формы слов и предложений, а с другой, экономия – это более удобные модели, более совершенные формы. Но, «короче и проще» не значит «лучше и удобнее»!

Если же, вслед за А. Мартине, строго отделить речевую экономию от языковой, то многие указанные противоречия исчезают.

Остается понимание сложности изучаемого объекта – языка, и необходимости глубокого, многомерного подхода к его изучению и осмыслению. По-прежнему самым сложным и дискуссионным в языкознании остается вопрос о том, почему и в каком направлении изменяется язык и что именно вызывает языковые изменения.⁵

Заключение

Проведённое исследование выявило факт смешения различных понятий при обращении к термину А. Мартине «(принцип) экономии», а также его явно упрощённое понимание, объясняющееся разными значениями слова «экономия» во французском и русском языках. В результате возникли «удобные», но не соответствующие фактам и логике объяснения для целого ряда модификаций гласных, согласных, слогов, для словообразовательных изменений и ряда других сложнейших явлений и процессов.

В функциональной лингвистике А. Мартине выделяются речевая, синтагматическая и языковая, парадигматическая экономия. Речевая, синтагматическая экономия связана с пониманием речи как речевого потока, а языковая, парадигматическая экономия – с пониманием языка как системы.

---

⁵ О некоторых существующих теориях причин языковых изменений см. напр.: [Скрелина, 1973, с. 73–141].

Речевая экономия определяется как выбор меньшего количества мов, слогов и фонем. Такое понимание понятия речевой экономии основано на обыденном значении слова «экономия» как экономность, бережливость. Этому пониманию речевой экономии соответствуют многочисленные и разнообразные определения «языковой экономии» как экономии речевых усилий, физиологических затрат, трудовой энергии, времени, речевых ресурсов, средств выражения, материального объёма и тому подобного.

Языковая, парадигматическая экономия, или принцип экономии, определяется как внутренний закон развития языка, как регулятор языкового поведения, как принцип организации и эволюции языковой системы, обеспечивающий её равновесие и симметрию. Языковая экономия заключается в экономном установлении различительных (дифференциальных, релевантных) признаков между знаками, элементами системы, поскольку минимальное количество дифференциальных признаков должно использоваться для обозначения максимума функциональных противопоставлений, для выражения максимального числа означаемых. Такое понимание понятия языковой экономии основано на широком значении слова '*economie*' во французском языке как порядка, способа управления, руководства, а также гармоничного и согласованного соотношения и соединения частей любого организованного целого, единства.

Чтобы избежать противоречий и недоразумений, вызываемых «досадной» полисемией рассматриваемого термина, необходимо, во-первых, строго разграничивать языковую (парадигматическую) и речевую (синтагматическую) экономию, и во-вторых, чётко осознавать, что ни та, ни другая не может быть сведена только к упрощению, или сокращению чего-либо.

Наконец, следует ещё раз подчеркнуть, что правильное употребление терминов не только свидетельствует о профессиональной грамотности, но позволяет ясно и непротиворечиво изложить цели, задачи и результаты исследования. Любой используемый термин, особенно такой популярный и многозначный как «экономия», должен употребляться в строгом соответствии со своим значением и сферой употребления.

Список литературы

1. Березин, Ф. М. История лингвистических учений [Текст] / Ф. М. Березин – М. : Высшая школа, 1984. – 319 с.
2. Будагов, Р. А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? [Текст] / Р. А. Будагов // Вопросы языкознания. – 1972. – № 1. – С. 17–36.
3. Избыточность в грамматическом строе языка [Текст] / Избыточность в грамматическом строе языка. – Отв. ред. М. Д. Воейкова. – СПб. : Наука, 2010. – 462 с. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VI. Ч. 2).

4. Мартине, А. Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии) [Текст] / А. Мартине – Перевод с французского: А. А. Зализняк. Ред. и автор вст. статьи: В. А. Звегинцев. – М. : Издательство иностранной литературы, 1960. – 263 с.
5. Мартине, А. Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии [Текст] / А. Мартине. – Перевод с французского: А. А. Зализняк. Изд. 2. – М. : УРСС, 2006. – 264 с.
6. Мартине, А. Основы общей лингвистики [Текст] / А. Мартине. // В кн. : Новое в лингвистике. – Вып. 3. – М. : Издательство иностранной литературы, 1963. – 568 с.
7. Пиотровская, Л. А. Интонация текста и речевая деятельность: психолингвистический анализ [Текст] / Л. А. Пиотровская // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – № 4. – Вып. 1. – С. 52–63.
8. Поливанов, Е. Д. Статьи по общему языкознанию [Текст] / Е. Д. Поливанов. – М. : Наука, 1968. – 376 с.
9. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление [Текст] / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 242 с.
10. Скрелина, Л. М. Из истории французской глагольной системы. Принцип экономии в морфологических изменениях [Текст] / Л. М. Скрелина // Филологические науки. 1968. № 1. – С. 77–84.
11. Скрелина, Л. М. Некоторые вопросы развития языка (проблемы и методы диахронического исследования) [Текст] / Л. М. Скрелина. – Минск : Изд-во БГУ, 1973. – 144 с.
12. Скрелина, Л. М., Становая, Л. А. История французского языка [Текст] / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – М. : Высшая школа, 2001 (1 изд.), 2005 (2 изд.); Юрайт, 2013 (3 изд.). – 463 с.
13. Скрелина, Л. М., Становая, Л. А. Теоретическая грамматика французского языка [Текст] / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. – 386 с.
14. Широков, О. С. Языковедение: введение в науку о языках [Текст] / О. С. Широков. – Под ред. А. А. Волкова. – М. : Добросвет, 2003. – 736 с. : ил.
15. Feuillard, C. Le fonctionnalisme d'André Martinet [Текст] / C. Feuillard. // La linguistique. – 2001. – № 1. – Vol. 37. – P. 5–20.
16. Martinet, A. Economie des changements phonétiques: Traité de phonologie diachronique [Текст] / A. Martinet. – Berne : Editions A. Francke, 1955. – 396 p.
17. Martinet, A. Éléments de linguistique générale [Text] / A. Martinet. – 3ème éd. – Paris : Armand Colin, 1967. – 217 p.
18. Martinet, A. Évolution des langues et reconstruction [Text] / A. Martinet. – Paris : PUF, 1975. – 264 p.
19. Martinet, A. Grammaire fonctionnelle du français [Text] / A. Martinet. – Paris : Didier et St.-Cloud, Crédif, 1979. – XII + 276 p.
20. Martinet, J. La sémiologie [Text] / J. Martinet. – Paris : Seghers, 1975. – 243 p.
21. Skrélina, L. M. De l'économie de certains changements grammaticaux en ancien français [Text] / L. M. Skrélina. // La linguistique. – 1968. – № 1. – P. 61–78.

Список словарей

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966.
2. Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://gallicismes.academic.ru/> (дата обращения 01.10.2016).
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов [Текст] / С. И. Ожегов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М. : Русский мир, 1990.
4. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителей [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Просвещение, 1976.
5. Словарь иностранных слов. Под редакцией И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова. Изд. 3 пер. и доп. – М. : Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1949.
6. Словарь иностранных слов. Составители: М. Ю. Жекило, Е. С. Юрченко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2001.
7. Хэмп, Э. Словарь американской лингвистической терминологии. – Пер. и доп. В. В. Иванова. – Под ред. и с предисловием В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1964.
8. Dictionnaire de l'Académie Française [Electronic resource]. – 1–9 éd. – Paris, 1694–1992. – Retrieved October 1, 2016 from <<http://portail.atilf.fr/dictionnaires/ACADEMIE/index.htm>>.
9. Dubois, J. Dictionnaire de la langue française classique [Text] / J. Dubois, R. Lagane. – Paris : Librairie classique E. Belin, 1960.
10. Encyclopédie Universelle [Electronic resource]. – Retrieved October 1, 2016 from <http://encyclopedia_universelle.fracademic.com/>.
11. Dictionnaire critique de la langue française. Par Jean-François Féraud [Electronic resource]. – Marseille: Jean Mossy Père et Fils, 1787–1788. Tomes 1–3. – Retrieved October 1, 2016 from <<http://portail.atilf.fr/dictionnaires/FERAUD/index.html>>.
12. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par P. Robert [Text]. – Paris: SNL, 1979.
13. Trésor de la Langue Française [Electronic resource]. – Retrieved October 1, 2016 from <<http://atilf.atilf.fr/>>.

References

1. Berezin, Th. M. (1984). *Istoria lingvisticheskikh utcheniy* [History of linguistics]. Moscow : Higher School.
2. Budagov, R. A. (1972). Opredeľiaet li prinzip ekonomii razvitie i funkcionirovanie jazika? [Does the principle of economy determine language development and functioning?]. *Topics in the Study of Language*, 1, 17–36.
3. Izbitochnost v grammaticheskom stroe jazika (2010). [Redundancy in the grammatical system of the language]. Ed. by M. D. Voeikova. St-Petersburg : Nauka. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proc. of Institute for linguistic studies, Russian Academy of Sciences).
4. Martinet, A. (1960). *Prinzip ekonomii v foneticheskikh izmenenijah* (Problemi diachronicheskoy fonologii) [The principle of economy of phonetic changes

- (problems of diachronic phonology)]. Translated from French by A. A. Zaliznyak. Moscow : Foreign Languages Publishing House.
5. Martinet, A. (2006). *Mehanizmi foneticheskikh izmeneniy: Problemi diachronicheskoy fonologii* [The mechanisms of phonetic change: Problems of diachronic phonology]. Translated from French by A. A. Zaliznyak. 2nd ed. Moscow : URSS.
  6. Martinet, A. (1963). *Osnovi obtchey linguistiki* [Foundations of General linguistics]. In *New in linguistics*. (Vol. 3). Moscow : Foreign Languages Publishing House.
  7. Piotrovskaya, L. A. (2015). *Intonazia texta I rechevaja dejatel'nost: psyholingvistichesky analiz* [Text intonation and language behaviour: The psycholinguistic analysis]. *Theoretical and applied linguistics*, 1 (4), 52–63.
  8. Polivanov, E. D. (1968). *Statji po obchemu jazikoznaniu* [Articles on General linguistics]. Moscow : Nauka.
  9. Serebrennikov, B. A. *Rol chelovecheskogo faktora v jazike: Jazik I myshlenie* [The role of human factor in language: Language and thinking]. Moscow : Nauka.
  10. Skrelin, L. M. (1968). *Iz istorii frantsuzskoy glagol'noy sistemi. Printsip ekonomii v morfologicheskikh izmeneniyakh* [From the history of the French verbal system. The principle of economy in morphological changes]. *Philological Sciences*, 1, 77–84.
  11. Skrelin, L. M. (1973). *Nekotorye voprosy razvitiya jazika (problemy i metody diahronicheskogo issledovaniya)* [Some issues of language development (Problems and methods in the diachronic study)]. Minsk : Belorussian State University Press.
  12. Skrelin, L. M., Stanovaya, L. A. (2001; 2005; 2013). *Istoria frantsuzskogo jazika* [History of the French language]. Moscow : Higher school, 2001 (1st ed.), 2005 (2nd ed.); Yurayt, 2013 (3d ed.).
  13. Skrelin, L. M., Stanovaya, L. A. (2012). *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo jazika* [Theoretical grammar of the French language]. St-Petersburg : Herzen State Pedagogical University Press.
  14. Shirokov, O. S. (2003). *Jazikovedenie: vvedenie v nauku o jazikah* [Linguistics: An introduction to the studies of languages]. Ed. by A. A. Volkov. Moscow : Dobrosvet.
  15. Feuillard, C. (2001). Le fonctionnalisme d'André Martinet. *La linguistique*, 1 (37), 5–20.
  16. Martinet, A. (1955). *Economie des changements phonétiques: Traité de phonologie diachronique*. Berne: Editions A. Francke.
  17. Martinet, A. (1967). *Éléments de linguistique générale*. 3ème éd. Paris : Armand Colin.
  18. Martinet, A. (1975). *Évolution des langues et reconstruction*. Paris : PUF.
  19. Martinet, A. (1979). *Grammaire fonctionnelle du français*. Paris : Didier et St.-Cloud, Crédif.
  20. Martinet, J. (1975). *La sémiologie*. Paris : Seghers.
  21. Skrelin, L. M. (1968). De l'économie de certains changements grammaticaux en ancien français. *La linguistique*, 1, 61–78.

Dictionaries

1. Ahmanova O. S. (1966). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : Soviet encyclopedia.
2. Istorichesky slovar gallizismov russkogo jazika [Historical dictionary of Russian gallicisms]. Retrieved October 1, 2016 from <<http://gallicismes.academic.ru/>>.
3. Ozhegov, S. I. (1990). *Slovar russkogo jazika: 70 000 slov* [Dictionary of the Russian language: 70 000 words]. 22nd ed. Ed. by N. Ju. Shvedova. Moscow : Russian Mir.
4. Rozental, D. E., Telenkova, M. A. (1976). *Slovar-spravocnik lingvisticheskikh terminov. Posobie dlja uchiteley* [Dictionary of linguistic terms. A Handbook for teachers]. 2nd ed. Moscow : Education.
5. Slovar inostrannih slov. (1949). [Dictionary of foreign words]. Ed. by I. V. Lehin and Prof. F. N. Petrov. 3d ed. Moscow : State Publishing House of Foreign and National Dictionaries.
6. Slovar inostrannih slov. (2001). [Dictionary of foreign words]. Compilers: M. Yu. Jekalo , E. S. Yurchenko. Rostov-on-Don : Fenix.
7. Hamp, E. (1964). *Slovar amerikanskoy lingvisticheskoy terminologii* [Dictionary of American linguistic terminology]. Translated by Vladimir Ivanov. Under the editorship and with a Preface by V. A. Zvegintsev. Moscow : Progress.
8. Dictionnaire de l'Académie Française. (1694-1992). 1–9 éd. Paris. Retrieved October 1, 2016 from <<http://portail.atilf.fr/dictionnaires/ACADEMIE/index.htm>>.
9. Dubois J., Lagane R. (1960). *Dictionnaire de la langue française classique*. Paris : Librairie classique E. Belin.
10. Encyclopédie Universelle. Retrieved October 1, 2016 from <http://encyclopedia_universelle.fracademic.com/>.
11. Dictionnaire critique de la langue française. Par Jean-François Féraud (1787–1788). Tomes 1–3. Marseille : Jean Mossy Père et Fils. Retrieved October 1, 2016 from <<http://portail.atilf.fr/dictionnaires/FERAUD/index.html>>.
12. Le Petit Robert. (1979). *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par P. Robert*. Paris : SNL.
13. Trésor de la Langue Française. Retrieved October 1, 2016 from <<http://atilf.atilf.fr/>>.

УДК 81'37, 81'373.4

UDC 81'37, 81'373.4

Сухина Юлия Сергеевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Julia S. Sukhina
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: suhina-25@mail.ru

Лескова Екатерина Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Ekaterina V. Leskova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: ekaterina.leskova94@mail.ru

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА
ПРЕФИКСОВ *RUǎN*- И *LÍNG*-
LEXICAL AND GRAMMATICAL ASPECTS OF TRANSLATING
RUǎN- AND *LÍNG*- PREFIXES

Аннотация

На современном этапе развития в каждой сфере общественной жизни и профессиональных отраслях появляется необходимость в новых словах, включая новые термины. В связи с этим, особую актуальность приобретает дальнейшее изучение процесса словообразования. В публицистических текстах, в интернет-лексике всё чаще встречаются слова, образованные с помощью полуаффиксов. В лексике появляются неологизмы, описывающие новые процессы и тенденции в общественной, политической и экономической сферах жизни. В связи этим, в последние годы увеличивается интерес к изучению явления полуаффиксации. Статья описывает лексические единицы китайского языка, образованные с помощью префиксов *ruǎn*- и *líng*-, их функционально-семантическое поле и особенности перевода. Специфика выявленных в ходе анализа групп слов, образованных с помощью этих двух префиксов, указывает на то, что процесс их делексистализации ещё не завершён. Однако при этом, оба префикса обладают высокой словообразовательной продуктивностью.

Abstract

At the present stage of development in every sphere of public life and professional sectors there is a necessity in new words including new terms. Consequently, further study of word-formation process becomes particularly urgent. In mass media discourse, Internet-vocabulary words formed by affixation appear more frequently. Neologisms emerge in vocabularies that describe new processes and trends in social, political and economic spheres of life. Recent

years are marked by increased interest in the study of affixation. The current paper describes lexical units that are formed by adding prefixes *ruan-* and *ling-*. Certain groups of derivatives with the two prefixes were discovered. The results indicate on-going process of *ruan-* and *ling-* delexicalizing. Despite unfinished delexicalizing both prefixes are characterized by high productivity of word-formation.

Ключевые слова: китайский язык, словообразование, аффиксация, префикс, перевод, грамматикализация.

Keywords: the Chinese language, word formation, affixation, prefix, translation, grammaticalization.

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_76_84

1. Введение

«Язык – это общественное явление, посредник при обмене людьми информацией или идеями. А самым интенсивно развивающимся аспектом в языке является лексика, поскольку она отражает изменения в общественной жизни и идеологии общества» [Ма Чжэньдо, 1989, с. 153]. Начиная с периода открытости в Китае, в политике, экономике, военной сфере, культуре, идеологии и в других сферах произошли небывалые изменения. Эти изменения отразились и на уровне лексики китайского языка, ознаменовав появление новых слов и понятий, чем многократно расширили лексику китайского языка.

Сравнительно большая часть этой лексики была образованна полуаффиксальными словообразовательными морфемами. Несмотря на то, что полуаффиксация во многом сходна с лексико-синтаксическим способом словообразования (словосложением), полуаффиксы, как и аффиксы, обладают высокой словообразовательной продуктивностью, которая обеспечивает появление всё новых и новых терминов. Можно утверждать, что полуаффиксация облегчает процесс словообразования, позволяя лексике расширяться вслед за развитием общественной мысли [Лю Линминь, 2010, с. 153].

2. Полупрефикс 软 *ruǎn-*

Полупрефикс 软 *ruǎn* активно используется для образования новой лексики китайского языка. Число слов, образованных полупрефиксом 软 *ruǎn* с каждым годом увеличивается. В период с 1995 по 2005 гг. был зафиксирован прирост в 18 новых слов, образованных данным полупрефиксом в текстах газеты «Жэньминьжибао» [Цзоу Сяолин, 2006, с. 25]. Производные полупрефикса 软 *ruǎn* встречаются в публицистических текстах и отражают термины, используемые в общественной и научной мысли, политической и экономической сферах.

Первоначально, качественное прилагательное 软 *ruǎn*, имевшее значение «мягкий, легко поддающийся давлению, эластичный», в современ-

ном китайском языке всё чаще проявляет себя как полупрефикс. На это указываю следующие критерии.

Во-первых, положение 软 *ruǎn* в производном слове неизменно, 软 *ruǎn* образует двусложные, трехсложные, реже многосложные слова, но в них всегда стоит вначале. Изменив положения в слове, 软 *ruǎn* теряет свойства полупрефикса. Приведём примеры.

秉承“企业发展与文化建设同步，文化进步与员工成长同步”的主旨，以“**软文化**”助推“**硬发展**”。*Вслед за основной идеей «одновременного развития предприятий и возрождения культуры, одновременного культурного прогресса и роста профессиональных кадров», нематериальная культура является двигателем «материального развития».*

“**软影响力**”是指一个国家对世界的影响力来自于该国的经济、文化和社会影响力；“**绝对影响力**”则直接来自于一个国家的军事实力和政治影响力。《**Мягкая сила**》— указывает на мировое влияние одного государства, которое исходит из экономического культурного и общественного потенциала этого государства; 《**жесткая сила**》，напротив, напрямую исходит из военной мощи государства и его политического воздействия.

他们把经济、生产类工作称之为刚性较强的“**硬工作**”，而把科教类归之为弹性较大的“**软工作**”。*Работа в производственной сфере, и в сфере экономики считается более сложной «тяжелой (твёрдой) работой», а работу в научно-образовательной сфере считают более простым «свободным (мягким) трудом».*

Во-первых, из приведённых примеров можно увидеть, что и самостоятельная морфема 软 *ruǎn*, и полупрефикс 软 *ruǎn* имеют противоположное значение морфеме 硬 *yìng*.

Во-вторых, анализ примеров показал, что полупрефикс 软 *ruǎn* образует ряды существительных с абстрактным видоизменённым лексическим значением. Его часто используют для того, чтобы сделать акцент на каком-то предмете, но с его абстрактной стороны [Цзи Фан, 2010, с. 77–79]. В данной ситуации производное существительное уже не будет указывать на какие-то конкретные предметы или показатели. Продемонстрирует сказанное на следующем примере.

换言之，对企业履行社会责任应当是“**硬约束**”，而不是“**软指标**”。*Иными словами, социальная ответственность в отношении предпринимательской деятельности должна иметь «жесткие ограничения», а не «свободные ориентиры».*

В-третьих, полупрефикс 软 *ruǎn* обладает такими свойствами аффиксов, как словообразовательная продуктивность и грамматикализация. В роли качественного прилагательного 软 *ruǎn* ограничено используется с существительными и глаголами, но выступая в качестве полупрефикса, он может непосредственно присоединяться к существительному или глаголу, выполняя словообразовательную функцию, свободно образуя новые слова без прежних ограничений [Цзи Фан, 2010, с. 77–79]. Все слова, производные с помощью полупрефикса 软 *ruǎn*, относятся к группе существительных. Приведём следующие примеры.

软着陆 *ruǎnzhuólù* – «мягкая посадка», в общественно-политическом тексте «урегулирование», указывает на применение определённых мер, для мягкого и стабильного решения крупных экономических проблем.

Франция *«Фигаро»* в одной из статей, в которой говорится, что в Китае новая группа лидеров, Китайская экономика успешно реализует **мягкую посадку**. В статье французской газеты «Фигаро» сообщается, что под управлением нового руководства, успешно осуществляется **урегулирование** экономики Китая.

软目标 *ruǎntùbiāo* – «незащищённая цель», указывает на невооружённые объекты противника, такие как мирное городское население, промышленные объекты, средства связи, энергетические станции и другие.

“Базы” организации с местными террористическими организациями, во многих странах掀起袭击美国以及西方**软目标**的浪潮。Организация «Аль-Каида» заключила союз с террористической организацией данной местности, для осуществления волны внезапных ударов по **незащищённым объектам** США и Западных стран.

Ниже приведём некоторые примеры словообразовательной способности полупрефикса 软 *ruǎn* при сочетании его с различными морфемами и проследим изменение лексического значения его производных.

软组织 *ruǎnzǔzhī* – мягкие ткани; 软本板 *ruǎnběnbǎn* – книга в мягкой обложке; 软盘 *ruǎnjiànpán* – «гибкий» диск (дискета), 软包装 *ruǎnbāozhuāng* – мягкая упаковка, 软键盘 *ruǎnjiànpiàn* – гибкая клавиатура и другие называют вполне материальные вещи, которые можно увидеть или потрогать. В этих словосочетаниях 软 *ruǎn* передаёт мягкость предметов, то есть в этом ряду слов 软 *ruǎn* не утратил своего изначального лексического значения и служит определением к слову, указывая на его свойство [Чжоу Цзин, 2012, с. 90].

软刀子 *ruǎndāozi* – «мягкий нож», закулисные махинации для причинения вреда кому-либо; 软钉子 *ruǎndīngzi* – «гибкий гвоздь», тактичный «мягкий» отказ или критика и другие. В этом ряду слов изначальное лексическое значение 软 *ruǎn* частично делексикализовано и производное слово может иметь не только материальное, но и абстрактное значение, то есть являться образным выражением, указывающим на смягчённый, завуалированный, скрытый характер [Чжоу Цзин, 2012, с. 91]. Сказанное подтверждает следующий пример.

下期欢迎各界人士继续参与讨论, 更好把脉 “**软钉子**” 问题, 找到切实有效的整改方案。Приветствуем всех, кто продолжает участвовать в обсуждении, далее затронем вопрос «**тактичного отказа**», для того чтобы найти эффективный план урегулирования.

На страницах газет можно встретить такие лексические единицы, как 软广告 *ruǎnguǎnggào* – «мягкая» реклама; 软工作 *ruǎngōngzuò* – щадящий труд; 软资源 *ruǎnzīyuán* – нематериальные ресурсы, 软任务 *ruǎnrènwu* – лёгкая, простая задача, 软外交 *ruǎnwàijiāo* – гибкая дипломатия, 软科学 *ruǎnkēxué* «мягкие» гуманитарные (социальные) науки и прочее. абстрактные явления, термины. Данные примеры объединяет общее свойство – их можно также использовать с полупрефиксом 硬 *yìng* и лексическое значе-

ние его производных будет полностью противоположно значению производных полупрефикса 软 *ruǎn*, например:

软环境 *ruǎnhuánjìng* – условия или требования помимо материальных (напр. законы, управление, сервис, политика);

硬环境 *yìnghuánjìng* – материальная среда (естественная природа, здания и др.).

保护好自然生态硬环境才能优化发展软环境，才能开创经济发展与环境保护“双赢”新局面。*Лишь сохранив природную среду материального мира, можно улучшить развитие нематериального мира, и только так можно перейти к новому положению, где «двусторонне выигрышны» экономическое развитие и экологическая безопасность.*

Изучив три группы образованных с помощью 软 *ruǎn* слов и выражений, мы можем проследить, что процесс делексикализации полупрефикса 软 *ruǎn* всё ещё продолжается, но высокая словообразовательная производительность этого полупрефикса уже заметна.

3. Полупрефикс 零 *líng*-

В последние годы благодаря своей высокой степени словообразовательной продуктивности в лексике китайского языка активно используются слова образованные полупрефиксом 零 *líng*. Лексические единицы, образованные данным полупрефиксом, можно увидеть и на страницах газет и в лексике офисных работников [Ло Чэнь, 2009, с. 23].

Благодаря особенно высокой словообразовательной продуктивности, 零 *líng* постепенно переходит от корневой морфемы с лексическим значением «пустота, свободное место, ноль», к частично делексикализованной полупрефиксальной морфеме 零 *líng*. Полупрефикс 零 *líng* образует пласт терминологической лексики, чаще связанной с экономической сферой и сферой точных наук, подразумевающих определение процентного соотношения, точных чисел, статистических данных и так далее [Цзоу Сяолин, 2006, с. 25].

收入和财产的分配在过去三四十年中迅速拉开差距，多数普通人生活在低收入、零储蓄、无前景的状态中，曾经令人羡慕的“美国梦”似已成明日黄花。*Распределение доходов и имущества за прошедшие 30–40 лет быстрыми темпами развили неравенство в обществе, жизнь большинства граждан в условиях низких зарплат, отсутствия сбережений, бесперспективности, превратили когда-то вызывавшую чувство зависти «американскую мечту» в пережиток прошлого.*

Приведём ещё несколько примеров производных полупрефикса 零 *líng*, которые можно наблюдать в социально-экономическом тексте:

零价格 *língjiàgé* – нулевая цена;

零效益 *língxìàoyì* – нулевой эффект;

零首付 *língshǒufù* – нулевой первый взнос;

零收入 *língshōurù* – нулевой доход.

Начальное лексическое значение морфемы 零 *líng* «отсутствие численности, ноль», например: «一百零一 *yībǎilíngyī* – сто один» – это числи-

тельное, его словообразовательная продуктивность совсем невысока, в «Большом словаре китайского языка» («汉语大词典») зафиксировано всего несколько примеров, образованных 零 *líng*, как корневой морфемой: «零度 *língdù* – ноль, нулевая точка; 零位 *língwèi* – ноль, нулевой; 零声母 *língshēngmǔ* – нулевой начальный согласный» и несколько других. Но в связи с языковым обменом и сближением с другими языками, обменом специализированных терминов, в лексику китайского языка постепенно проникли слова, образованные префиксом существительных английского языка *zero-*, при переводе префикс трансформировался из конструкции «zero-х» в «零 х». Так, например, английское *zero-level* было переведено, как 零层面 *língcéngmiàn* – нулевой уровень. В дальнейшем 零 *líng* начал использоваться и с другими существительными китайского языка и стал выражать отрицание в каком-то аспекте или процессе изменения корневой морфемы [Цзоу Сяолин, 2006, с. 27]. Следует добавить, что полупрефикс с 零 *líng* в какой-то степени синонимичен префиксам отрицания 无 *wú*, 非 *fēi*, 不 *bù* или частице 没 *méi*, например:

零风险 *língfēngxiǎn* – нулевой риск;

没风险 *méifēngxiǎn* – нет риска;

零投诉 *língtóusù* – отсутствие жалоб;

无投诉 *wútóusù* – без жалоб, безропотно.

Данные пары примеров синонимичны и означают отсутствие риска и жалоб соответственно.

Однако с точки зрения выражения полупрефикс 零 *líng* в сравнении с обычными префиксами отрицания «无 *wú*, 非 *fēi*, 不 *bù*» имеет одно очевидное отличие: полупрефикс 零 *líng* не просто говорит об отсутствии того, что описано корневой морфемой, но и имеет свой прагматический смысл. Абсолютное большинство слов, образованных полупрефиксом 零 *líng* («零 х»), содержат в себе прагматическую пресуппозицию: согласно общепринятым нормам «х» изначально должен существовать, иметь своё возможно численное значение, но сейчас по какой-либо причине отсутствует [Цзоу Сяолин, 2006, с. 27].

球各央行已越来越适应并推崇零利率政策和负利率政策的概念。

Центральные банки всего мира все чаще применяют и распространяют такие концепции как политика нулевой процентной ставки и политика отрицательной ставки процента.

В данном примере 零利率 *línglǜ* не только указывает на отсутствие процентной прибыли с капитала, но также подразумевает, что в обычной ситуации капитал должен приносить определённый процент прибыли. Другие отрицательные префиксы «无 *wú*, 非 *fēi*, 不 *bù*» не обладают данным прагматическим значением.

К настоящему моменту значение полупрефикса 零 *líng* делексикализовалось до значения «начиная с нуля, процесс развития с нуля».

此次项目合作以进一步促进区域内电子商务发展为主旨，尤其是为创业起步阶段的电商企业提供租金上的支持，为诸多创业者们实现电商创业“零起步”提供了可能。Основным направлением данного пункта сотрудничества является дальнейшее стимулирование развития региональ-

ной электронной коммерции, особенно обеспечение поддержки для начального этапа открытия предприятий электронной коммерции, и предоставление возможности для большего числа предпринимателей занимающихся электронной коммерцией **«начать свой бизнес с нуля»**.

樟木头实现市重大项目建设 **“零突破”**。Глава Чжанму **«положил начало»** грандиозному проекту строительства города.

Являясь полупрефиксом, 零 *líng* свободно присоединяется к существительным и глаголам, образуя новые лексические единицы, например:

零距离 *língjùlí* – вплотную, лицом к лицу, нулевое смещение;

零基础 *língjīchǔ* – с нуля, с основ;

零标记 *língbǐāoji* – флаг нуля FZ; флаг состояния регистра процессора, отражающий текущее состояние процессора, устанавливается, если результат машинной операции по модулю 2 в степени k (где k – разрядность ячейки) равен нулю;

零增长 *língzēngzhǎng* – нулевой рост;

零拒绝 *língjùjué* – (от англ. zero-reject) нулевой процент отказов;

零排放 *língpáifàng* – без выбросов (сбросов) загрязняющих веществ, нулевой уровень выбросов.

Особенно активно полупрефикс 零 *líng* используется для образования терминологии точных наук: математики, физики, химии и других:

零空间 *língkōngjiān* – мат. нулевое пространство;

零档 *língdàng* – физ. нулевая полоса обзора;

零调 *língdiào* – мат. ацикличность;

零价 *língjià* – хим. нулевая валентность;

零铅 *língqiān* – хим. нулевое содержание свинца, отсутствие свинца.

Полупрефикс 零 *líng* образует не только трёхсложные, но и двухсложные и другие многосложные слова, присоединяясь не просто к глаголам и существительным, но и выражениям. Проиллюстрируем сказанное на следующих двух примерах.

对此, 塔里木油田公司提出了 **“零职业病”** 的指标。В отношении этого, компании Таримского нефтяного месторождения показали **нулевой индекс профессиональных заболеваний**.

英机场遇大雾飞行员零能见度下盲降。Из-за сильного тумана на территории английского аэропорта, пилот был вынужден садить самолёт в условиях **нулевой видимости**.

О распространённости и словообразовательной продуктивности полупрефикса 零 *líng* также говорит возможность образовывать новые лексические единицы языка, присоединяясь к буквенным словам, например, 零 *IOC* – (Volatile Organic Compounds) нулевое содержание летучих органических веществ.

Проанализированные примеры позволяют сделать вывод о том, что полупрефикс 零 *líng* также обладает и грамматическими признаками, поскольку все его производные относятся к группе существительных, но, в связи с трудностями перевода, это не всегда можно точно выразить. Так, для того чтобы передать значение тех производных с полупрефиксом 零

ling, которые лексически указывают на «начальный этап процесса развития», мы использовали словосочетания с отглагольными существительными. Например: 零无证 *língwúzhèng* – начало процесса оформления, устранения неофициального статуса заведения, организации.

Эквивалентов производным с полупрефиксом 零 *líng* в русском языке практически нет, а при переводе полупрефикса 零 *líng* чаще используются словосочетания со словами «отсутствие, нулевой, нулевое содержание и подобные». Не рекомендуется переводить термины, образованные полупрефиксом 零 *líng*, с приставками отрицания *без-*, *бес-*, *анти-*, *не-* и прочими, так как вследствие этого теряется функция прагматической пресуппозиции. Сравним:

零效益 *língxìàoyì* – нулевой эффект, нулевая эффективность;

无效益 *wúxiào* – неэффективность.

Нулевая эффективность и неэффективность имеют одно серьёзное отличие: «нулевая эффективность» – это состояние отсутствия эффективных результатов какого-либо труда в определённой ситуации, при каких-либо неординарных обстоятельствах, но в нормальных условиях результаты этого труда не могли равняться нулю, в то время как «неэффективность» – это изначальная невозможность достижения наилучших результатов использования ресурсов.

Как все полуаффиксы, 零 *líng* не полностью делексистизирован, то есть обладает остаточным лексическим значением. Несмотря на это, значение полупрефикса 零 *líng* и изначальной его морфемы различно.

Список литературы

1. Ло Чэнь. Исследование неологизмов современного китайского языка образованных методом «полуаффиксации» [Текст] / Ло Чэнь // Учебный еженедельник. Сер. Научные исследования. – 2009. – № 26. – С. 20–25. 罗晨。现代汉语新词语“类词缀”研究 // 学周刊。 – 2009。 – № 26 : 学术探讨。 – 20 – 25页。
2. Лю Линминь. Общий анализ полуаффиксации [Текст] / Лю Линминь // Институт литературы педагогического университета пр. Аньхой. – 2010. – № 2. – С. 153–155. 刘灵敏。浅析类词缀 // 安徽师范大学 文学院。 – 2010。 – № 2。 – 153 – 155页。
3. Ма Чжэньдо. Известные современные китайские обществоведы [Текст] / Ма Чжэньдо. – Пекин : Шуму взньсянь чубаньшэ, 1989. – 153 с. 玛振铎。中国当代社会科学名家。 – 北京 : 书目文献出版社, 1989。 – 153 页。
4. Цзи Фан. Использование полуаффикса «guan-» и его производных [Текст] / Цзи Фан // Филология. – 2010. – № 3. – С. 77–79. 冀芳。“软+x”式中“软”的类词缀现象 // 语文学利。 – 2010。 – № 3。 – 77 – 79 页。
5. Цзоу Сяолин. Исследование новых полуаффиксов в современном китайском языке [Электронный ресурс] : дис. ... канд. фил. наук ; Хуачжунский университет науки и технологии. – Ухань, 2006. – Режим доступа : <http://wenku.baidu.com/view/82769962caaedd3383c4d3f5.html>. – 06.03.2010. 邹晓玲。现代汉语新兴词缀探析 : 硕士学位论文 ; 华中科技大学。 – 武汉, 2006。

6. Чжоу Цзин. Исследование словообразовательной морфемы «guan-» в современном китайском языке [Текст] / Чжоу Цзин // Изучение языка. – 2012. – № 26. – С. 90–92. 周静。论现代汉语的“软 XY”结构 // 语言研究。 – 2012。 – № 26。 – 90–92 页。

References

1. 罗晨。现代汉语新词语“类词缀”研究 // 学周刊。 – 2009。 – № 26 : 学术探讨。 – 20 – 25页。 [Luó Chén. Neologisms of modern Chinese formed by semi-prefixes. *Weekly Journal of Studies. Series «Scientific Studies»*, 26, 20–25].
2. 刘灵敏。浅析类词缀 // 安徽师范大学 文学院。 – 2010。 – № 2。 – 153–155页。 [Liú Líng Mǐn. (2010). General analysis of semi-affixation. *Journal of the Institute of Literature at Pedagogical University*, 2, 153–155].
3. 玛振铎。中国当代社会科学名家。 – 北京 : 书目文献出版社, 1989 – 153 页。 [Mǎ Zhèn duó. (1989). *Chinese outstanding teachers of social sciences*. Beijing].
4. 冀芳。“软 +x” 式中“软” 的类词缀现象 // 语文学刊。 – 2010。 – № 3。 – 77 – 79 页。 [Jì Fāng. (2010). Semi-affix ruan- in word-formation. *Philology*, 3, 77–79].
5. 邹晓玲。现代汉语新兴词缀探析 : 硕士学位论文 ; 华中科技大学。 – 武汉, 2006. [Zōu Xiǎo Líng. (2006). *New semi-affixes in modern Chinese* [Electronic resource]. PhD in Philological sci. dis. ... University of Science and Technology].
6. 周静。论现代汉语的“软 XY” 结构 // 语言研究。 – 2012。 – № 26。 – 90–92 页。 [Zhōu Jìng. (2012). Productive morpheme ruan- in modern Chinese. *Language Studies*, 26, 90–92].

УДК 81'23', 81'36
UDC 81'23, 81'36

Шатравка Анна Владиславовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Anna V. Shatravka
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: ashatravka@mail.ru

Борнякова Ксения Константиновна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Kseniya K. Bornyakova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation

**ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ВКЛЮЧАЮЩИХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ**
**THE MAIN WAYS OF TRANSLATING EMBEDDED SENTENCES
FROM CHINESE TO RUSSIAN**

Аннотация

Перевод – это интерпретация смысла исходного текста и последующее создание эквивалентного текста. Каждый язык обладает своими грамматическими, лексическими и стилистическими особенностями. Включающее предложение представляет собой уникальное явление китайского языка, поэтому при переводе такого типа предложений на русский язык переводчики часто сталкиваются с трудностями. В статье рассматриваются определение и основные способы перевода включающих предложений с китайского языка на русский.

Abstract

Translation is interpretation of the meaning of the original text and creation of the equivalent text. Each language has its own grammar, lexical and stylistic features. Embedded sentence are the unique phenomenon of the Chinese language, therefore the translation of this type of sentences from Chinese to Russian causes certain difficulties. The article presents an attempt to define the notion of “embedded sentences” and consider the main ways to translate embedded sentences from Chinese to Russian.

Ключевые слова: включающее предложение, перевод, союзы, частицы, местоимения.

Keywords: embedded sentence, translation, conjunctions, particles, pronouns.

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_85_92

1. Введение

Включающее предложение представляет собой уникальное явление китайского языка. Предложение с включённой частью обладает сложной грамматической структурой, поэтому при переводе на русский язык таких предложений часто возникают трудности в понимании их грамматической структуры, а также определении функции какого члена предложения выполняет включённая часть в структуре включающего предложения. Согласно определению Т. Н. Холмовской, включающее предложение (包孕句) – это предложение, в котором в качестве какого-либо члена предложения выступает конструкция, имеющая структуру предложения [Холмовская, 1961, с. 30]. В отечественном китаеведении первую часть такого предложения принято называть включённой частью или членным предложением, а остальной состав – включающей частью или объемлющим предложением. Китайские учёные-лингвисты называют синтаксические конструкции такого типа 句子形式 «предложением по форме» [Люй Шусян, 1954], 主谓结构 «конструкцией из подлежащего и сказуемого» [Чжунго юйвэнь, 1953] или 子母句 «дочерним предложением» [Ли Цзиньси, 1954]. В современном китайском языке в настоящее время выделяют шесть типов предложений с включённой частью, а именно: предложения с включённым подлежащим, сказуемым, дополнением, определением, обстоятельством и включённой косвенной речью [Холмовская, 1961]. Рассмотрим основные способы перевода включающих предложений на русский язык.

2. Анализ способов перевода включающих предложений

При переводе на русский язык каждого из шести, обозначенных нами типов предложений, следует учитывать их особенности и грамматическую структуру. Прежде всего, при переводе необходимо определить позицию включённой части относительно всего включающего предложения.

В предложениях с включённым подлежащим включённая часть, выполняющая функцию подлежащего, как правило, находится перед сказуемым. При переводе на русский язык данного типа предложений можно использовать два метода. Первый – переводить включённую часть как отглагольное существительное в качестве опорного слова. Приведём следующий пример.

我被分配到这个小单位是命中注定的。Моё распределение было предначертано судьбой. В данном примере включённую часть мы переводим как отглагольное существительное, целое предложение – я был распределен в эту организацию, мы заменяем одним словом – *распределение*.

Второй – переводить включённую часть как придаточное подлежащее предложение. Придаточные подлежащие предложения отвечают на вопросы кто? что? и присоединяются к включающей части при помощи союзов что, чтобы, кто, как и так далее. Кроме того, стоит отметить, что придаточные подлежащие предложения относятся к подлежащему, которое может быть выражено местоимениями тот, то, все и так далее.

她生在中国长在中国是地地道道的中国公民。 *То, что она родилась и выросла в Китае, делает ее полноправной гражданкой КНР.*

中国人民获得解放，是世界历史上一件大事情。 *То, что китайский народ обрел освобождение, важное событие в мировой истории.*

В данных примерах включённые части – *она родилась и выросла в Китае* и *китайский народ обрел освобождение* – мы переводим как придаточное подлежащее предложение, которое относится к подлежащему, которое выражено местоимением *то*, и присоединяется к включающей части при помощи союза *что*.

Включённая часть в предложениях с включённым сказуемым находится, как правило, после подлежащего. При переводе на русский язык предложений с включённым сказуемым, целесообразно обращать внимание на то, чем выражено сказуемое – существительное, обозначающее предмет неотчуждаемой принадлежности, или именная часть сказуемого.

В первом случае включённая часть является бессвязочным сказуемым. Таким образом, мы сталкиваемся с притяжательными подлежащими, которые при переводе на русский язык лучше переводить, как притяжательные определения, например:

这个药劲头不小。 *Это сильнодействующее лекарство.* В данном примере включённую часть – *это лекарство, сила которого не мала* (дословно) – заменяем на притяжательное определение – *сильнодействующее лекарство*.

这个木匠手巧。 *Он искусный плотник.* В данном предложении включённую часть – *этот плотник, руки у которого умелые* (дословно) – заменяем на притяжательное определение – *искусный плотник*.

Кроме того, при переводе предложений с бессвязочным сказуемым, необходимо учитывать, что они употребляются в переносном значении. Приведём пример.

他胆子大。 *Он храбр.* (Дословно «Его печень велика».) В данном предложении включённую часть – *печень велика* – при переводе мы заменяем на слово *храбрый*.

Что касается перевода предложений с именной частью сказуемого, то показателем именной части сказуемого в них, как правило, служат слова *是, 就是*. При переводе на русский язык такое предложение лучше вводить при помощи изъяснительных союзов таких, как *то, что, заключается в том, что* и подобными. Всё предложение в целом следует переводить как сложноподчинённое.

最可怕的感觉是我此生第一次体验到食肉无味。 *Самым страшным ощущением было то, что впервые за всю свою жизнь я ел и не чувствовал вкуса еды.*

最大失误是我没有搞计划生育。 *Самой большой ошибкой было то, что я не принимал участия в планировании семьи.* В данных предложениях включённые части – *впервые за всю свою жизнь я ел и не чувствовал вкуса еды; я не принимал участия в планировании семьи* – мы вводим при помощи изъяснительного союза *то, что*. Всё предложение в целом переводим как сложноподчинённое.

Кроме того, предложения с включённым сказуемым, представленным именной частью, при переводе можно вводить с помощью тире и указательного местоимения *это* (иногда его можно опустить).

Моя задача была **для этих двух разлученных на долгие годы сестер**. Мой долг (это) **помочь воссоединиться двум разлученным на долгие годы сестрам**. В данном примере включённую часть – *для того, чтобы две разлученные на долгие годы сестры воссоединились* – мы вводим при помощи указательного местоимения *это*, а союз *для того, чтобы* опускаем.

В предложениях с включённым дополнением включённая часть, выступающая в функции дополнения, примыкает непосредственно к глаголу-сказуемому. Предложения с включённым дополнением следует переводить как придаточное дополнительное предложение. Данный тип придаточных предложений отвечает на вопросы косвенных падежей. При переводе такого типа предложений включённую часть лучше всего вводить посредством изъяснительных союзов, таких как *чтобы*, *как*, *будто* и так далее, а во включающей части целесообразно выделять глаголы мышления, чувствования и подобные, например:

Многие соседи завидовали **тому, что я попал в хорошее место**. В данном примере включённую часть – *я попал в хорошее место* – мы вводим посредством глагола *завидовать* и союза *тому что*.

Я мечтал, **что этот жребий падёт на меня**. В данном примере включённую часть – *этот жребий падёт на меня* – мы вводим посредством глагола *мечтать* и союза *что*.

Современная медицина считает, **что сон – это процесс, при котором кора головного мозга переходит из стадии возбуждения к состоянию минимальной мозговой активности**. В данном примере включённую часть – *сон – это процесс, при котором кора головного мозга переходит из стадии возбуждения к состоянию минимальной мозговой активности* – мы вводим посредством глагола *считать* и союза *что*.

В предложениях с включённым определением включённая часть выражена определением, которое занимает позицию перед определяемым словом, выраженным существительным, и оформляется морфемой *的*. Предложения с включённым определением имеют следующие особенности: во-первых, членное предложение-определение допустимо переводить придаточным определительным предложением или описательным оборотом; во-вторых, придаточные определительные предложения отвечают на вопрос *какой?* и связываются с главным предложением при помощи союзных слов *который*, *чей* и так далее, например:

Единственным, что вызывало тёплые чувства, был грузовик, точь-в-точь как грузовик отца Лу Вэньли.

Моя жена из **белорусской аристократии, которые в начале прошлого века в страхе перед большевиками обратились в бегство**.

当兵，也许是**我跳出农村**，改变命运的唯一出路。*Пойти служить – единственный способ **сбежать из деревни и изменить судьбу**.*

В первом и третьем случае членное предложение-определение мы переводим как описательный оборот – *единственным, что вызывало тёплые чувства, был...; единственный способ сбежать из деревни и изменить судьбу.*

Во втором примере перевод осуществляется посредством придаточного определительного предложения. Членное предложение-определение отвечает на вопрос *какой?* Потомки – (какие?) – *которые в начале прошлого века в страхе перед большевиками обратились в бегство.*

В предложениях с включённым обстоятельством содержится указание на причину, цель или следствие. Такие членные предложения оформляются грамматической конструкцией (因...而, 为...而 и др.) и занимают место непосредственно перед сказуемым. Следует отметить, что в таких предложениях ориентиром для переводчика может служить союз 而, который является показателем главного сказуемого. При переводе на русский язык предложений с включённым обстоятельством, такой тип предложений можно переводить как придаточное предложение причины или цели. В этом случае целесообразно вводить включённую часть при помощи союзов, указывающих на причину или следствие.

为了沿途有个照应，章技师选我做他的助手押车前往。*Чтобы было кому помочь ему в дороге, техник Чжан выбрал меня в качестве сопровождающего помощника.* В данном примере включённая часть – *чтобы было кому помочь ему в дороге* – оформляется союзом 为了.

我因为感受到了他给家庭带来的荣耀，而从小就有上大学的梦想。*Поскольку я ощущал славу, которую он принес нашей семье, я с самого детства мечтал поступить в университет.* В данном примере включённая часть – *поскольку я ощущал славу, которую он принес нашей семье* – оформляется грамматической конструкцией 因为...而, 而 служит показателем главного сказуемого – *мечтал*.

他因为老婆有买时装的爱好而很怕逛商店。*Так как хобби его жены – покупать модные вещи, он очень боится ходить с ней по магазинам.* В данном примере включённая часть – *так как хобби его жены – покупать модные вещи* – оформляется грамматической конструкцией 因为...而, 而 служит показателем главного сказуемого – *бояться*.

Кроме того, предложения с включённым обстоятельством также могут указывать на результат действия или степень качества. В таком случае, включённая часть стоит после сказуемого и оформляется частицей 得. На русский язык предложения такого типа следует переводить как обстоятельство образа действия, которое относится к члену предложения, выраженному глаголом и отвечает на вопросы *как? в какой степени?* Рассмотрим ряд примеров.

海岛上常有的台风，吹得人站不起身来。*Частые на морских островах тайфуны дули так, что люди не могли стоять на ногах.* В данном предложении включённую часть – *люди не могли стоять на но-*

гах – мы переводим как обстоятельство образа действия, которое относится к глаголу *дуть*, и отвечает на вопрос *дули – (как?) – так, что люди не могли стоять на ногах*.

风玩弄着伞，有一两次甚至吹得它离开了行人的手。*Ветер играл с зонтом, иногда его порывы были такими сильными, что зонтик даже вылетал у пешехода из рук.* В данном предложении включённую часть – *зонтик вылетал у пешехода из рук* – мы переводим как разновидность обстоятельства образа действия (обстоятельство степени), которое относится к глаголу *дуть*, и отвечает на вопрос *порывы были сильными – (в какой степени?) – что зонтик даже вылетал у пешехода из рук*.

В случае, когда членное предложение-определение оформляется какими-либо временными показателями, например 时, 以后, 以前, 之间 и подобными, при переводе на русский язык членное предложение-обстоятельство следует переводить временным оборотом. Продемонстрируем это на следующих примерах.

当年日本侵略中国时修这条沿海公路。*Во время вторжения в Китай японцы построили эту дорогу вдоль моря.* В данном примере включённая часть – *во время вторжения в Китай*, оформляется временным показателем 时, который на русский язык мы переводим – *во время*.

自从买了车，祥子跑得更快。*Со времени покупки коляски рикши Сянцзы стал бегать ещё быстрее.* В данном примере включённая часть – *со времени покупки коляски рикши* – оформляется временным показателем 自从, который на русский язык мы переводим как *со времени*.

祥子，在与【骆驼】这个外号发生关系以前，是个比较有自由的洋车夫。*Сянцзы до того, как ему дали прозвище «Верблюд», был сравнительно свободным рикшей.* В данном примере включённая часть – *до того, как ему дали прозвище «Верблюд»* – оформляется временным показателем 以前, который на русский язык мы переводим как *до того, как*.

新兵训练结束以后，我与二个新兵被分配到一个所谓的“国防部保密单位”。*После того как закончился курс молодого бойца, нас с тремя новобранцами распределили в так называемый «секретный отдел министерства обороны».* В данном примере включённая часть – *после того как закончился курс молодого бойца* – оформляется временным показателем 以后, который на русский язык мы снова переводим как *после того, как*.

В. И. Горелов также относит к предложениям с включённым обстоятельством синтаксические образования типа 汗流满面 (*пот лился по всему телу*), которые по своей грамматической структуре сходны с словосочетаниями фразеологического типа, на русский язык данные синтаксические образования целесообразно переводить деепричастным оборотом [Горелов, 1989].

她背靠着桌子站着。*Она стояла, прислонившись спиной к столу.* В данном примере включённую часть – *прислониться спиной к столу* – мы переводим как деепричастный оборот – *прислонившись спиной к столу*.

母亲总在灶上汗流满面地烧菜。*Мать всегда у очага, обливаясь потом, готовила пищу.* В данном примере включённую часть – *пот лился по всему телу* – мы переводим как деепричастный оборот – *обливаясь потом*.

Что касается включённых предложений с косвенной речью, то в них косвенная речь будет находиться непосредственно после сказуемого 说 «говорить». Для передачи чужой речи можно оформлять включённую часть с косвенной речью, как придаточное предложение при глаголе, находящемся в главной части предложения, например:

男人对女人不是常说**说你理智些**。 *Мужчина редко скажет женщине, что её мысли рациональны*. В данном примере включённую часть – *её мысли рациональны* – мы вводим при помощи глагола *скажет*.

人们指责你时就会**说你简直凭感觉**。 *Когда кто-то указывает на твои недостатки, они говорят, что ты не должен полагаться только лишь на чувства*. В данном примере включённую часть – *ты не должен полагаться только лишь на чувства* – мы вводим при помощи глагола и союза *говорят, что*.

我们同来的几个新兵都说**章技师要培养我接他的班**。 Приехавшие вместе со мной новобранцы в один голос *говорили, что техник Чжан готовит из меня смену*. В данном примере включённую часть – *техник Чжан готовит из меня смену* – мы вводим при помощи глагола и союза *говорили, что*.

3. Заключение

Описав основные способы перевода включающих предложений на русский язык можно сделать следующие выводы:

1) включающие предложения обладают сложной грамматической структурой, поэтому переводчики часто сталкиваются с трудностями при переводе такого типа предложений на русский язык;

2) каждый тип включающих предложений обладает рядом своих ключевых особенностей, на которые целесообразно обращать внимание при переводе;

3) в зависимости от особенностей каждого типа предложений, включённая часть при переводе на русский язык вводится различными средствами связи (напр., синтаксические отношения выражаются при помощи союзов, союзных слов и частиц);

4) следует учитывать позицию включённой части, то есть чётко определять, место какого члена предложения она занимает. В этом случае переводчик сможет правильно определить грамматическую структуру предложения.

Подводя итог всему вышесказанному отметим, что при переводе включающих предложений на русский язык необходимо учитывать особенности каждого из шести типов предложений, а также позицию включённой части относительно других членов предложения. Это позволит добиться выполнения точного адекватного перевода, полностью соответствующего оригиналу в грамматическом, лексическом и синтаксическом отношении.

Список литературы

1. Горелов, В. И. Теоретическая грамматика китайского языка: учеб. пособие [Текст] / В. И. Горелов. – М.: Просвещение, 1989. – 318 с.
2. Ли Цзиньси. Синьчжу гоуй взньфа (Новая грамматика китайского национального языка) [Текст] / Ли Цзиньси. – Шанхай, 1954. – 250 с. 李進喜。新著國語文法。–上海，1954。–250頁。
3. Люй Шусян. Юйфа сюэси (Изучение грамматики) [Текст] / Люй Шусян. – Пекин, 1954. – 219 с. 呂叔湘。語法學習。–北京，1954。–219頁。
4. Холмовская, Т. Н. «Включающее» предложение в современном китайском языке [Текст] / Т. Н. Холмовская // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. – М.: Издательство Восточной литературы, 1961. – С. 30–42.
5. Чжунго юйвэнь. (Грамматика китайского языка) [Текст]. – 1953. – № 12. – 264 с. 中國語文。–1953。–№12。–264頁。

References

1. Gorelov, V. I. (1989). *Teoreticheskaja grammatika kitajskogo jazyka: ucheb. posobie* [The theory of Chinese Grammar: A handbook]. Moscow: Prosveshhenie.
2. Lǐ Jìnxǐ. (1954). *Xīn zhù guó yǔ wén fǎ* [New grammar of the National Chinese language]. Shanghai.
3. Lǚ Shūxiāng. (1954). *Yǔ fǎ xué xí* (Studying grammar). Beijing.
4. Holmovskaja, T. N. (1961). «Vključajushhee» predloženie v sovremennom kitajskom jazyke [Embodied sentence in modern Chinese]. *Voprosy filologii i istorii stran sovetskogo i zarubeznogo Vostoka* [Issues of Philology and History of USSR countries and Foreign East] (pp. 30–42). Moscow: Asian Literature Press.
5. Zhōng guó yǔ wén [Chinese grammar] (1953), 12.

УДК 81'23, 81'36
UDK 81'23, 81'36

Шатравка Анна Владиславовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Anna V. Shatravka,
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: ashatravka@mail.ru

Чередниченко Олеся Александровна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olesya A. Cherednichenko
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: olesya7965@bk.ru

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОГОВ И СОЮЗОВ,
ПЕРЕДАЮЩИЕ ПРИЧИННЫЕ И ЦЕЛЕВЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ**
**GRAMMATICAL FEATURES OF FUNCTION WORDS EXPRESSING
THE RELATIONS OF REASON AND PURPOSE
IN MODERN CHINESE**

Аннотация

В данной работе рассматриваются грамматические особенности служебных слов, которые выражают причинные и целевые отношения в современном китайском языке. В сфере морфологии и синтаксиса выделяются некоторые особенности служебных слов, передающие отношения причины и цели в современном китайском языке. В качестве источников взяты произведения современных китайских писателей, таких как Су Тун, Чэнь Чжо, Ван Хай и других.

Abstract

The article describes the features of grammatical function of words that express the relations of reason and purpose in modern Chinese. In the field of morphology and syntax we can single out certain features of functional words that convey these relations. This research is based on literary works by contemporary Chinese writers such as Su Tong, Chen Zhuo, Wang Hai and others.

Ключевые слова: языкознание, служебные слова, морфология, предлоги, союзы.

Keywords: linguistics, function words, morphology, prepositions, conjunctions.

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_93_100

1. Введение

Развитие в области языкознания зависит не только от появления новых объектов исследования, но и возврата к старым, давно описанным категориям языка, которые в виду современных представлений могут дать и раскрыть более новые и значимые знания об уже забытых явлениях. Так, изучение служебных слов китайского языка ждёт серьёзных исследований с точки зрения современных представлений.

Китайский язык относится к языкам изолирующего типа, поэтому можно сказать что морфология, в традиционном её понимании, в китайском языке отсутствует. Таким образом, основными средствами выражения грамматических отношений являются порядок слов и употребление служебных слов. Именно служебные части речи осуществляют синтаксическую связь, а отсутствие падежных окончаний в китайском языке усиливает их грамматическую роль, так как при помощи этих средств осуществляется управление словом, словосочетанием или предложением.

В. М. Солнцев отмечает важность служебных слов в предложении. Во-первых, служебные слова дают возможность установить синтаксическую связь между словами, которые в силу своего категориального значения при прямом соположении не вступают в требуемую связь. Во-вторых, служебные слова позволяют сохранять двустороннюю зависимость между словами в тех случаях, когда нарушается контактность расположения слова [Солнцев, 1995, с. 296–297].

С. Е. Яхонтов в своей статье «Грамматические признаки служебных слов» [Яхонтов, 1974, с. 37–38] описывает основные свойства служебных слов, учитывающие их значение и функции.

1. Служебные слова практически никогда не имеют полного вещественного значения; они лишь обозначают связи и выражают отношения между предметами, а также служат средством эмоционально-логического выделения знаменательных слов и передают добавочный смысл и экспрессивные оттенки.

2. Служебные слова могут употребляться только в одной функции или только в одном типе синтаксических сочетаний. Это один из важнейших признаков служебных слов.

3. Количество служебных слов в языке очень ограничено, некоторые подгруппы мы можем перечислить.

4. Служебные слова современного китайского языка труднозаменяемы в структуре словосочетания или предложения, иначе говоря, служебным словом мы можем считать такое, которое в контексте трудно чем-либо заменить без нарушения грамматической правильности предложения. При этом, однако, возможна подстановка вместо него одного-двух (не более) других элементов.

5. Ещё один немаловажный признак служебных слов – отсутствие факультативных определений.

6. Кроме того, служебные слова не отвечают на вопрос и не могут быть заменены местоимениями.

Таким образом, служебные слова (предлоги, союзы, частицы, послелоги, классификаторы, междометия) не называют предметов и признаков: их лексическое значение – это значения, абстрагированные от тех отношений, которые они выражают в предложении. Служебные слова, выполняют только служебные функции в синтаксической конструкции. Они служат для связи слов, предложений или частей предложений, а также для выражения разных оттенков субъективного отношения говорящего к содержанию сообщения.

Вопрос о том, что союзы и предлоги относятся к служебным словам, не подвергается сомнению. При этом данные группы слов имеют свои грамматические особенности.

Итак, рассмотрим грамматические свойства служебных слов, которые передают причинные и целевые отношения в современном китайском языке. К таким служебным словам относятся 因为 *yīnwèi* «из-за», «потому что», 由于 *yóuyú* «из-за», «в следствии», «благодаря», 为 *wèi* «для», «ради», 为了 *wèile* «для», «для того, чтобы». Одной из важных особенностей таких служебных слов является то, что в предложениях они могут выполнять функции как предлогов, так и союзов. Таким образом, в современном китайском языке существует проблема разграничения этих классов слов. В. И. Горелов отмечает, что предлоги и союзы образуют один из важнейших классов в системе служебных слов многих языков. Исследование и описание совокупности общих проблем и частных особенностей грамматической категории предлога и союза связано со значительными трудностями» [Горелов, 1989, с. 70].

В отечественном китаеведении существуют различные теории по поводу принадлежности рассматриваемых слов к классам предлогов или классам союзов (см. критический анализ в работе А. В. Шатравка [Шатравка, 2009]). С. Б. Янкивер [Янкивер, 1964] допускает наличие так называемых бифункциональных слов, так как они могут выступать в предложении и в функции союза, и в функции предлога. Однако В. И. Горелов [Горелов, 1989] отрицает наличие бифункциональных слов. По его мнению, если внутри простого предложения целевые и причинные отношения выражают предлоги, то в составе сложного – омонимичные им союзы.

В. И. Горелов и А. А. Хаматова [Горелов, 1989 ; Хаматова, 2006], выделяют в китайском языке лексико-грамматические омонимы. Так, А. А. Хаматова [Хаматова, 2006, с. 107], рассматривая союзы типа 因为, 为了 с одной стороны, и материально совпадающие с ними предлоги – с другой, приходит к выводу, что данные слова, хотя и являются родственными, генетически связанными, но, тем не менее, они представляют собой слова – лексико-грамматические омонимы.

Согласно теории С. Б. Янкивер [Янкивер, 1964], у данных слов существует возможность выступать в предложениях в двух функциях. Если служебные слова 因为, 由于, 为, 为了 в предложении употребляются в функции предлога, то выражают отношения между неоднородными члена-

ми предложения, тогда как союзы выражают отношения между однородными членами предложения или между частями сложных предложений.

На наш взгляд, при решении проблемы принадлежности того или иного служебного слова к предлогам или союзам, прежде всего, необходимо учитывать его основные функции. В случае нахождения у данного слова иных грамматических функций, их стоит относить к дополнительным и рассматривать как вторичные.

2. Анализ предлогов и союзов, передающих причинные и целевые отношения

В современном китайском языке существует два способа выражения причины. Первый заключается в одновременном использовании двух глаголов:

1. 他病了没来。 – *Он не пришёл из-за болезни.* Глагол 没来 «не пришёл» выражает действие, первый глагол 病了 «заболеть» причину.

Второй способ выражения причины действия заключается в использовании служебных слов 因为, 由于.

2. 由于这种倒置关系, 一切都乱套了。 – *Из-за того что такие отношения поставили всё вверх ногами, все стали в полном смятении.*

3. 现在我是从感恩的心情想起那辆自行车, 因为它曾经维系着我的生命。 – *Теперь я с чувством благодарности вспоминаю тот детский велосипед, из-за того, что однажды он стал моим спасителем.*

Служебные слова 因为 и 由于 указывают на предмет, лицо или факт как на причину, вследствие которой осуществляется процесс. Эти служебные слова могут вводить косвенное дополнение причины. Анализ предложений показал, что различие этих двух служебных слов в том, что 由于 может сочетаться со словами 因此, 因而, а 因为 – не может. Кроме того, союз 因为 может использоваться после первой части сложного предложения, а 由于 – не может.

Служебные слова 因为 и 由于 могут занимать различные позиции в предложениях. Во-первых, в начале предложения перед подлежащим, иногда отделяется запятой от остальной части предложения.

4. 因为我一上路就没有时间再检查了。 – *Из-за того, что я был в пути, не было времени повторно провести исследование.*

5. 由于老师和同学的帮助, 我的汉语水平提高得很快。 – *Благодаря помощи учителей и однокурсников, мой уровень китайского языка смог вырасти очень быстро.*

Во-вторых, предложение причины может стоять после главной части предложения.

6. 飞机不能按时起飞, 因为下浓雾。 – *Самолёт не мог вовремя взлететь из-за густого тумана.*

В-третьих, придаточное предложение причины может стоять между подлежащим и сказуемым главного предложения:

7. 他因为身体不能出庭。 – *Он не смог явиться в суд из-за плохого здоровья.*

В-четвёртых, в ходе исследования мы пришли к выводу о том, что наречия стоят перед служебными словами 因为 и 由于 :

8. 正**因为**我们生活充满了爱。 – *Именно из-за того, что наша жизнь наполнена любовью.*

В современном китайском языке выделяются конструкции, в которых употребляются служебные слова причинной направленности. К таким конструкциям относятся «因为 …所以 …», «因为 …而 » и «由于 …因此 ».

Рассмотрим примеры.

9. **因为**反映各自的地域风土、民族特色及文化背景, **所以**表情、姿势也各不相同。 – *Из-за того, что каждый район имеет собственные природные условия, национальные особенности и культуру, поэтому жесты и манеры жителей этих районов отличаются друг от друга.* В данном предложении конструкция с употреблением служебного слова 因为 выражает отношения причины-следствия. Предложение после 因为 обозначает причину совершения действия, в то время как предложение после служебного слова 所以 является следствием.

10. **由于**他经常无故旷课, **因此**被学校除名了。 – *Из-за того, что он часто прогуливал уроки, поэтому был исключён из списка учащихся университета.*

11. 这几天, 我**因为**母亲生病**而**没来市场。 – *В эти дни из-за болезни матери я не ходил на рынок.* В предложении такого типа конструкция «因为 …而 » занимает место между подлежащим и сказуемым, при этом не отделяется запятой от сказуемого. В таких предложениях служебное слово 而 является показателем главного сказуемого.

12. **由于**老师教得认真, **因此**大家的成绩提高得很快。 – *Благодаря тому, что учитель преподавал добросовестно, результаты всех учащихся стремительно росли.*

Кроме того, в современном китайском языке выделяется конструкция, в которой служебное слово 因为 употребляется вместе с парными союзами типа 不是 …而是, 是 …还是. В таких предложениях причина совершения одного и того же действия повторяется дважды:

13. 不知**是因为**我对于真实的理解爱到了致命一击, **还是**因为我终于发现对摄影一窍不通。 – *Не знаю, либо это из-за того, что я по отношению к истинному понимаю любви перенес потрясение, либо из-за того, что я в итоге понял, что абсолютно не смыслю в киносъёмках.*

Для выражения целевых отношений в современном китайском языке существуют два способа. Первый способ заключается в одновременном использовании двух глаголов.

14. 他出去买东西了。 – Он вышел, чтобы купить вещи. Словосочетание 买东西 «купить вещи» выражает цель. Первый глагол 出去 «выйти» выражает действие, тогда как второй глагол обозначает цель этого действия. Этот способ выражения цели достаточно прост в употреблении.

Вторым способом выражения цели в современном китайском языке является использование предлогов 为 или 为了, которые также имеют свои грамматические особенности употребления.

Служебное слово 为 имеет значение «для», стоящее после него до-

полнение, обозначает лицо, ради которого совершается действие в пользу (реже во вред) кому-то. Выражая целевое отношение, 为 и 为了, могут переводиться на русский язык «для того, чтобы», «с целью».

Юй Гэньюань отмечает, что подавляющее большинство предложений с предлогом 为了 вводит дополнение цели, однако данное служебное слово также может обозначать причину совершения действия. В таких предложениях служебное слово 为了 можно заменить на 因为. Однако такие предложения встречаются очень редко [Юй Гэньюань, 2003, с. 100].

Рассмотрим основные грамматические особенности данных служебных слов.

Служебное слово 为 в предложениях может заменяться на предлог 给. Служебные слова 为 и 给 могут вводить объект действия, однако объектом действия для 给 является человек, а для 为 – человек или предмет.

15. 大自然**为 (给)**人类提供了很多有价值的东西。 – *Природа обеспечивает человека большим количеством ценных вещей.*

Дополнение цели 为了 можно поставить вначале предложения, как показано в следующем примере.

16. **为了**职工能安心工作, 机关办起了托儿所。 – *Для того, чтобы работники смогли работать эффективно, власти открывают детские сады.*

Кроме того, данное служебное слово можно употребить и во второй части предложения.

17. 据我们所知, 西洋派的丈夫**为了**这场爱情遭人白眼。 – *Насколько мне известно, западные мужчины к такой любви относятся с пренебрежением.*

Помимо этого, выделяются предложения, где 为了 употребляется со служебным словом 而. В таких предложениях конструкция «为了 …而 …» может выражать причину и цель. В случае, когда конструкция вводит причину или цель совершаемого действия, после 为 стоит существительное, глагол и глагольное словосочетание, а после 而 главное сказуемое, выраженное глаголом или прилагательным.

18. **为**美好的前途**而**努力学习。 – *Ради прекрасного будущего надо усердно учиться.*

В текстах выделяется конструкция «为 (了) …起见 …», которая выражает цель совершения действия и имеет значение «в целях…», «для чего», «для того, чтобы». В рамках этой конструкции стоят существительное, глагол или прилагательное. В предложениях предлоги 为 или 为了 взаимозаменяемы, так как смысл предложения от этого не меняется.

19. **为了**保险起见, **我们**最好先打个电话问问, 省得白跑一趟。 – *Для страховки лучше всего нам сначала позвонить и спросить, чтобы зря не бегать.*

Стоит отметить, что в китайском языке встречаются предложения, в которых служебное слово 为了 употребляется с глагольной связкой 是. В таких предложениях 为了 управляет существительным и вместе со связкой 是 выполняет функцию именной части сказуемого. Как правило, служебное слово 为了 стоит во второй части предложения.

20. 儿子大声哭**是为了**让爸爸给他买新玩具。 – Сын так сильно плакал для того, чтобы папа купил ему новую игрушку.

3. Краткие выводы

Таким образом, служебные слова 因为, 由于, 为, 为了 играют важную роль в грамматике китайского языка. При помощи этих слов мы можем передать причину или цель совершения того или иного действия. Рассмотренные служебные слова являются предлогами, поскольку имеют грамматические свойства этого класса слов. Однако отличительной особенностью таких слов является то, что они могут выполнять дополнительную союзную функцию, а именно – соединять части сложного предложения. Данные служебные слова могут занимать различные позиции в предложении, а также использоваться в различных конструкциях.

Список литературы

1. Горелов, В. И. Теоретическая грамматика китайского языка: учеб. пособие [Текст] / В. И. Горелов. – М.: Просвещение, 1989. – 318 с.
2. Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков [Текст] / В. М. Солнцев. – М.: Изд. Фирма» Вост. лит.» РАН, 1995. – 352 с.
3. Шатравка, А. В. Спорные вопросы классификации служебных слов в современном китайском языке: моногр. / А. В. Шатравка. – Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2009. – 207 с.
4. Хаматова, А. А. Омонимия в современном китайском языке: учеб. пособие [Текст] / А. А. Хаматова. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 120 с.
5. Янкивер, С. Б. К вопросу о разграничении предлогов и союзов в китайском языке [Текст] / С. Б. Янкивер // Кр. сообщения института народов Азии. – № 68. Языкознание. – М., 1964.
6. 于根元. 实用语法修辞. – 北京: 北京广播学院出版社, 2003. – 329页.
Юй Гэньюань. Шиюн юйфа сюцы (=Практическая стилистическая грамматика) [Текст] / Юй Гэньюань. – Пекин: Бэйцзин гуанбо сюэюань чубаньшэ, 2003. – 329 с.
7. Яхонтов, С. Е. Древнекитайский язык: учеб. пособие [Текст] / С. Е. Яхонтов. – М.: Изд-во Наука, 1965. – 115 с.

References

1. Gorelov, V. I. (1989). *Teoreticheskaya grammatika kitayskogo yazyka: ucheb. oosobiye* [The theory of Chinese Grammar: A handbook]. Moscow: Prosveshcheniye.
2. Solntsev, V. M. (1995). *Vvedeniye v teoriyu izoliruyushchikh yazykov* [Introduction to the theory of isolating languages]. Moscow: Asian Literature Press RAN.
3. Shatravka, A. V. (2009). *Spornyye voprosy klassifikatsii sluzhebnykh slov v sovremennom kitayskom yazyke* [Challenging issues of functional words classification in modern Chinese]. Blagoveshchensk: Amur State University Press.

4. Khamatova, A. A. (2006). *Omonimiya v sovremennom kitayskom yazyke : ucheb. posobiye* [Homonymy in modern Chinese: A handbook] Moscow : AST: East-West.
5. Jankiver, S. B. К вопросу о разграничении предлогов и союзов в китайском языке [On differences between prepositions and conjunctions in Chinese]. *Kr. soobshhenija instituta narodov Azii. Jazykoznanie* [Brief Reports of the Institute of the People of Asia] (Vol. 68).
6. Yu Genyuan. (2003). *Practical stylistic grammar*. Beijing.
7. Yakhontov, S. E. (1965). *Drevnekitayskiye Language Studies. Preimushchestvo* [Studies of ancient Chinese]. Moscow : Nauka Press Nauka.

УДК 81-112.2**UDC 81-112.2****Шелухова Елена Валерьевна****Российский государственный педагогический университет им. И. А. Герцена****г. Санкт-Петербург, Российская Федерация****Elena V. Shelukhova****Herzen State Pedagogical University of Russia****St. Petersburg, Russian Federation**

e-mail: elena.shelukhova@yandex.ru

ТЕОРИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ ШАРЛЯ БАЛЛИ CHARLES BALLY'S THEORY OF ACTUALIZATION

Аннотация

Настоящая статья посвящена теории Шарля Балли об актуализации членов предложения. В своей работе лингвист подробно рассматривает актуализацию понятия (вещи или процесса) и даёт определение актуализированному понятию, уделяя внимание различным способам актуализации имени существительного и глагола. Он указывает, что понятие может быть актуализовано при помощи контекста или специальных средств или актуализаторов, которые помогают превратить виртуальное понятие в актуализированное. Балли считает, что актуализированное понятие является двусторонним знаком, где формальным показателем актуализации является актуализатор, в качестве которого может выступать как внутренняя форма слова (падежные окончания), так и внешние показатели (артикли, наречия, местоимения и т. д.). Учёный выделяет три типа актуализации: имплицитную, частично эксплицитную и эксплицитную. Лингвист также говорит и о характеристике, которая часто схожа с актуализацией понятия, но не является ею. Также, Ш. Балли рассматривает случаи, когда понятия могут быть актуализированы сами по себе без участия контекста или актуализаторов.

Abstract

The present article is focused on Charles Bally's theory of actualization. In his work the linguist describes in detail actualization of the concept (thing or process) and gives the definition to the actualized concept paying attention to the difference in actualization between nouns and verbs. He points out that the concept can be actualized via context or special means or actualizers that assist in actualization of the potential concept. Bally supposes that the actualized concept is a two-sided linguistic symbol where the role of the formal identifier is played by the actualizer which can be expressed by an internal form of the word (case endings) as well as external one (articles, adverbs, pronouns, etc.). The scientist distinguishes three types of actualization: implicit, partly explicit and fully explicit. The linguist explains as well the difference between actualization and characterization of the concept. Also, Ch. Bally observes cases when concepts can be actualized without context or actualizers.

Ключевые слова: актуализация, актуализатор, язык, речь, виртуальное значение.

Keywords: actualization, actualizer, language, speech, virtual concept.

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_101_108

1. Актуализация

1.1. Язык и речь

Термин «актуализация» неразрывно связывают с именем Шарля Балли. Сам Шарль Балли понимает актуализацию как отождествление понятия (*concept*) с реальным представлением говорящего субъекта, процесс перехода элементов языка в элемент речи [Балли, 1955, с. 87]. В связи с этим, необходимо уточнить, что в его концепции будет пониматься под языком и речью. Общеизвестно, что язык и речь неразрывно связаны друг с другом, они не тождественны друг другу. Шарль Балли был учеником и последователем Фердинанда де Соссюра, поэтому будет логичным считать, что, вслед за Соссюром [Соссюр, 2013, с. 38], Ш. Балли понимал язык как «нечто социальное по существу и не зависимое от индивида», а речь – как «индивидуальный акт воли и понимания». Соссюр указывает, что они в своём существовании взаимосвязаны, но одно не сводится к другому, и они не могут рассматриваться в одной плоскости. Лингвист пишет, что язык и речь – это две вещи абсолютно различные, и противопоставляет их как социальное явление явлению индивидуальному, но при этом оба явления представляют собой две стороны речевой деятельности человека. Отсюда можно сделать вывод, что язык – это средство общения, а речь – воплощение и реализация языка. Под элементом языка Балли понимает предложения и члены предложения. Понятие *concept* Ш. Балли определяет следующим образом: «il [concept] exprime l'idée d'une chose ou d'un procès» [Bally, 1932, с. 56]. Таким образом, понятие он ассоциирует с вещью или процессом. Основные идеи о теории актуализации отражены в работе Шарля Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка».

1.2. Виртуальные и актуальные понятия. Актуализаторы

Шарль Балли разделяет понятия на виртуальные, то есть содержащиеся в языке, и актуальные, содержащиеся в речи. Значит, *maison* является элементом языка, в то время как *ma maison*, *la maison* уже представляет собой элемент речи, актуализованное понятие.

Сравнивая виртуальное и актуализированное понятия, Шарль Балли рассуждает об объёме и характеристике черт таких понятий. Считается, что большинство лексических знаков языка не вызывает в сознании каких-либо определённых представлений, поскольку слова вне языкового контекста или высказывания не имеют конкретной соотнесённости. Для того чтобы соотнести виртуальное понятие с предметом или явлением требуется актуализация, которая и превращает язык в речь и осуществляется в процессе человеческой речи. Таким образом, сравнивая виртуальное понятие и актуализированное, Шарль Балли говорит о том, что виртуальное понятие неопределенно по объёму, однако содержит ограниченное число черт.

А содержание актуализированного понятия находится в обратном отношении к содержанию виртуального понятия, то есть оно определено по объёму, но содержит неограниченное количество черт, то есть неопределенно по содержанию [Балли, 1955, с. 88].

Говоря об актуализации, Ш. Балли вводит понятие актуализаторов – «различных приёмов, которые употребляются для превращения языка в речь, чтобы связать виртуальные понятия с соответствующими действительными предметами и процессами для превращения виртуального понятия в актуальное» [Балли, 1955, с. 93]. Согласно учению Балли, актуализаторы – это бывшие члены предложения, которые изменили свою функцию в результате сжатия предложения в член предложения. Таким образом, актуализаторы логически связаны со своим определяемым. В течение времени, такие единицы стали безударными и находятся в тесном контакте с последующим членом [Балли, 1955, с. 246]. Актуализаторы Балли называет грамматическими связями. Для актуализации вещи и процесса согласно теории Ш. Балли используются разные типы актуализаторов, которые можно разделить на внутренние и внешние. Так, для перевода из языка в речь процесса, актуализаторами служат флексии и вид глагола. Для актуализации вещи, роль актуализаторов выполняют артикли, местоимения, наречия места, сочинительные союзы, форма единственного и множественного числа. При этом не стоит забывать, что, по мнению Балли, постоянное использование актуализаторов перед существительным приводит к тому, что актуализаторы утрачивают своё значение и используются в синтагмах, где существительное обозначает виртуальное понятие [Балли, 1955, с. 101].

Рассматривая актуализаторы, стоит понимать, что здесь речь идёт о форме и формальных показателях. В этом случае необходимо вспомнить, что говорил Шарль Балли о понятии как языковом знаке. Согласно теории учёного, «всякий знак представляет собой объединение значения, или означаемого, с материальной формой, или означающим» [Балли, 1955, с. 158]. Таким образом, если рассматривать актуальное понятие как языковой знак, то идея актуализации будет означаемым, а актуализатор – её материальной формой, которая и выражает в речи заложенный в неё смысл, и которая указывает нам на актуализацию того или иного понятия.

1.3. Типы актуализации

Описывая процесс актуализации, Шарль Балли выделяет следующие типы актуализации.

1. Имплицитная актуализация. Имплицитность актуализации понятия вытекает из содержания и контекста, как, например, в предложении *canis latrat* «собака лает». Мы не знаем, идёт ли речь об определённой собаке, или просто о какой-то собаке. Здесь содержание и контекст выполняют функцию актуализаторов. Имплицитная актуализация наблюдается в таких примерах, где актуализатор содержится в знаке, указывающем на количество: *trois maisons* (три дома) и *des maisons* (дома). Таким образом, в

первом примере *trois maisons* означает «какие-то дома в количестве трёх», а во втором примере артикль *des* совмещает в себе функции актуализатора и количественного определителя, что означает «дома в неопределённом количестве».

2. Актуализация может быть частично эксплицитной. В этом случае актуальное понятие возникает в контексте или ситуации и обозначается знаком, который его локализует, указывает на него, показывает его в действительной ситуации, напоминает о нём. Так, например, реплику *Tenez!* «Держите!» можно подкрепить кивком головы или жестом в сторону подразумеваемого предмета. Таким образом, жест будет дополнять предложение и являться актуализатором, то есть соединительным элементом, указывающим на связь виртуального понятия с предметом. Такая актуализация характеризуется тем, что здесь роль актуализаторов могут выполнять жесты, мимика и интонация. Однако стоит отметить, что в данном случае актуализация расширяет сферу грамматики языка, поскольку лингвисты считают, что жесты, мимика и интонация выходят за рамки грамматики [Будагов, 1955, с. 15].

3. Актуализация может быть и эксплицитной, если член, локализуемый виртуальное понятие, фигурирует в той же самой синтагме в качестве определяющего виртуального понятия [Балли, 1955, с. 100]. Рассмотрим фразу: *la voiture de mes parents*. Здесь актуализация *la voiture* будет относительна, а актуализация актуальных определяющих *de mes parents* будет абсолютна.

Отметим, таким образом, что актуализированные понятия не являются изолированными: чтобы единица перешла из языка в речь, она сочетается с другими единицами, и тогда понятие становится актуализированным, или используется в контексте или относительно ситуации речи, что также помогает актуализировать то или иное понятие. Не стоит забывать, что не все типы актуализации могут присутствовать в одном языке. Так, имплицитную актуализацию мы находим в латинских примерах, поскольку перевод существительного из языка в речь производится посредством его включения в контекст высказывания. А в романских языках контекстная актуализация, как правило, всегда подкрепляется грамматически, чем и объясняется широкое использование актуализаторов [Репина, 1996, с. 80].

2. Характеризация и индивидуализация

Рассматривая эксплицитную актуализацию, учёный вводит понятие характеризации – процесса, служащего для уточнения виртуальных понятий, но не для их актуализации. В этом отношении Балли выделил три критерия, отличающие эксплицитную актуализацию от характеризации.

1. Виртуальное понятие характеризуется другим виртуальным понятием (его характеризатором) и актуализируется по отношению к другому виртуальному понятию (его актуализатору) [Балли, 1955, с. 100]. Таким образом, актуализировать виртуальное понятие можно только при помощи другого

актуализированного понятия (актуализатора). В примерах, который приводит лингвист: *fil de fonctionnaire u fils de ce fonctionnaire, oiseau chanteur u l'oiseau que j'entends chanter, mourir subitement* и *(Napoléon) est mort le 5 mai 1821* – понятно, что первые примеры в парах показывают именно характеризацию, поскольку выражение не привязаны к действительности и, следовательно, являются элементами языка, а не речи. А вторые примеры пар ясно показывают, что это уже элементы речи, поскольку они имеют определённую соотносительность с событиями [Балли, 1955, с. 100].

2. Виртуальное понятие, характеризующее другое виртуальное понятие, не может само получить актуальное определение. В этом случае виртуальное понятие может быть характеризовано именем собственным, которое теряет своё актуальное значение и переходит в разряд прилагательных: *vins de France*. Здесь название страны France выполняет функцию прилагательного и осуществляет характеризацию понятия. Применительно к этому критерию любой актуализатор перед существительным постепенно утрачивает свою функцию актуализатора и используется при существительном, представляющем виртуальное понятие [Балли, 1955, с. 101].

3. Характеризованное слово всегда обратимо (грамматически) в простое слово, актуализированное – никогда. В данном случае характеризованное слово представляет собой разновидность рода: *cheval blanc, souffrir du froid* и так далее. В этом случае стоит отметить, что одну разновидность можно сопоставить с другой: *cheval blanc* (белая лошадь) – *alezan* (рыжая лошадь), *souffrir du froid* (страдать от холода) – *geler* (мерзнуть) или же вообще заменить понятие синонимичным выражением: *colibri=oiseau-mouche*. Однако такую замену невозможно осуществить при эксплицитной актуализации понятия: *la voiture de mon frère* (машина моего брата) [Балли, 1955, с. 102].

Среди способов актуализации, согласно теории Шарля Балли, выделяется индивидуализация, то есть наделение понятия определёнными характеристиками, его локализация и количественное определение [Балли, 1955, с. 89].

3. Локализация вещи и процесса

Как мы уже отмечали, Балли различает актуализацию вещи и процесса. Так, например, понятие *se livre* является локализованным, поскольку указательное местоимение определяет положение *livre* к говорящему субъекту. В данном случае указательное местоимение *se* выступает в роли внешнего актуализатора при имени существительном.

С точки зрения количественного определения актуального понятия, здесь речь идёт об исчисляемых понятиях, число которых может быть единственным или множественным, предметы могут быть определены или неопределёнными. Так, в синтагме *des arbres* неопределённый артикль *des* актуализирует понятие *arbres*, поскольку совмещает в себе функции актуализатора и количественного определителя (деревья в неопределённом количестве).

Локализация процесса отличается от локализации вещи и выражается при помощи времени глагола: *il pleut, il pleuvait, il pleuvra*, и так далее. Реальным временем является тот момент, который совпадает с моментом высказывания. В отличие от вещи актуализация процесса осуществляется при помощи внутреннего актуализатора, то есть внутренней временной формы.

Количественное определение процессов, по мнению Ш. Балли, выражается при помощи вида глагола. Так, например, *jouait*, глагол прошедшего времени несовершенного вида, связывает виртуальное понятие «играть» с конкретным действием в прошлом.

Вместе с этим, неверно будет сказать, что инфинитив глагола может выступать только как виртуальное понятие, поскольку не имеет соотнесённости со временем. Инфинитив будет виртуальным, если он выступает в качестве второго члена словосочетания, например, *l'art aimer* (искусство любить). Актуализированным инфинитив может быть в предложениях типа *Mentir est odieux* (ложь гнусна). Стоит отметить, что актуализированный инфинитив стремится к тому, чтобы ему предшествовала частица *de*, которая выступает в роли артикля. Несмотря на то, что такие обороты, как *De mentir est odieux* во французском языке не желательны, частица *de* может использоваться в обратных конструкциях: *Il est odieux de mentir* (Гнусно лгать) [Балли, 1955, с. 96].

Однако согласно учению Балли, существуют понятия, которые не подлежат актуализации, а именно имена собственные, поскольку они уже индивидуализированы, наделены особыми чертами, измерены количественно и локализованы. К именам собственным Балли относит вещественные и отвлеченные понятия, например *l'or* «золото», *l'eau* «вода», которые можно представить как единое целое, их нельзя исчислить, но можно разделить. С другой стороны, отвлечённые имена (*la vie* «жизнь») понимаются как независимые сущности, которые могут персонифицироваться. Именно поэтому они иногда пишутся с заглавной буквы. Такие персонификации могут быть только воображаемыми, виртуальными, так как в процессе актуализации они становятся безграничными [Балли, 1955, с. 93]. Напомним, что, как уже указывалось выше, в данном случае употребление актуализаторов не приводит к преобразованию виртуальных понятий в актуальные, такие понятия остаются виртуальными, а вводящие их актуализаторы утрачивают свою функцию.

Говоря об артиклях как актуализаторах, Шарль Балли делает некоторые оговорки. С одной стороны он отмечает, что артикль или артикль+предлог пришли на смену латинским падежным окончаниям, которые редуцировались в ходе эволюции языка [Балли, 1955, с. 318]. Таким образом, такие элементы (актуализаторы) помогают существенно выполнять свою функцию в предложении в речи, что и указывает на актуализацию понятия. Отсутствие артикля говорит об имплицитной актуализации или о том, что существительное переходит в другую грамматическую категорию и перестаёт быть существительным. Наряду с этим, учёный отмечает, что во многих случаях артикль утрачивает функцию актуализатора. Так он пишет, что очень часто артикль вместе с глаголом или

другой частью речи составляет словосочетание, которое само по себе является виртуальным понятием. Так, артикль в словосочетании может сопровождать существительное, но при этом артикль больше не актуализирует его, поэтому во французском языке больше нет разницы между словосочетаниями *pot à lait* и *pot au lait* [Балли, 1955, с. 107]. Также, лингвист сопоставляет такие примеры как *fil de fonctionnaire* и *fil de ce fonctionnaire*, где в первом случае, даже при отсутствии артикля, понятие является актуализированным (благодаря существительному-определению), а пример с артиклем уже относится к категории характеристики и детерминации (т.е. сын какого-то определённого чиновника). Несмотря на смысловую близость каждой пары таких примеров, грамматически они не тождественны, и грамматическое различие между детерминацией и актуализацией (в плане артиклей) у Балли остается невыясненным и неописанным [Будагов, 1955, с. 17].

4. Заключение

В целом, теория Шарля Балли может показаться законченной и лаконичной. Однако стоит отметить, что в работе нет чёткого разграничения актуализации и детерминации понятия, что затрудняет грамматический анализ языковых элементов. Другой проблемой теории, а также и спорным моментом для многих лингвистов, стало то, что в своём учении об актуализации и актуализаторах Балли приходит к отрицанию самостоятельности отдельного слова и расширению сфер грамматики языка. Под этим подразумевается тот факт, что к актуализаторам Балли относит жесты, мимику и интонацию, которые, по мнению большинства лингвистов, вообще не оказывают влияния на грамматику. С учётом всего вышесказанного можно сделать вывод, что теория актуализации не теряет своей актуальности, поскольку учение о механизме преобразования языка в речь используется при изучении языка в коммуникации, хотя не все положения данной теории были восприняты однозначно.

Список литературы

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М. : Изд-во Иностранной литературы, 1955. – 416 с.
2. Будагов, Р. А. Предисловие к книге Ш. Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка» [Текст] / Р. А. Будагов. – М. : Изд-во Иностранной литературы, 1955. – С. 3–19.
3. Репина, Т. А. Сравнительная типология романских языков: французский, итальянский, испанский, португальский, румынский: учебник [Текст] / Т. А. Репина. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 280 с.
4. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр; пер. с фр. / под ред. и с примеч. Р. О. Шор. Изд. стереотип. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 256 с. (Лингвистическое наследие XX века.).
5. Bally, Ch. Linguistique générale et linguistique française [Text] / par Charles Bally. – Paris : E. Leroux, 1932. – 410 p.

References

1. Balli, Ch. (1955). *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and issues of the French language]. Moscow : Foreign Literature.
2. Budagov, R. A. (1955). Predislovie. In Sh. Balli, *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [Foreword to the book by Ch. Bally “General linguistic and issues of the French language”] (pp. 3–19). Moscow : Foreign Literature.
3. Repina, T. A. (1996). *Sravnitel'naya tipologia romanskikh yazykov: frantsuzskij, italianskij, ispanskij, portugalskij, rumynskij : uchebnik* [Comparative typology of the Romance languages: French, Italian, Spanish, Portuguese, Romanian: A Handbook]. SPb : St.-Petersburg University Press.
4. Saussure, F. (2013). *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in General Linguistics] ; per. s fr. / pod red. i s primech. R. O. Shor [translated and commented by R. O. Shor]. Moscow : Book house “LIBROKOM”.
5. Bally, Ch. (1932). *Linguistique générale et linguistique française*. Paris : E. Leroux.

УДК 81'373
UDC 81'373

Шипановская Людмила Михайловна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Ludmila M. Shipanovskaja
Amur State University Blagoveshchensk, Russian Federation
e-mail: lshipanovskaya@mail.ru

**О РУССКО-МАНЧЖУРСКОМ ВАРИАНТЕ КОНТАКТНОГО
ЯЗЫКА В СТАРОМ БЛАГОВЕЩЕНСКЕ (К ВОПРОСУ
О ВАРИАНТАХ КОНТАКТНЫХ ЯЗЫКОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ)
RUSSIAN-MANCHU VERSION OF THE CONTACT LANGUAGE
IN OLD BLAGOVESHCHENSK (ON THE VARIANTS OF CONTACT
LANGUAGES IN THE FAR EAST)**

Аннотация

В статье представлены данные исследования, подтверждающие гипотезу о функционировании в г. Благовещенске (Амурская область) в начальный период его истории русско-манчжурского контактного языка, возникшего в результате коммуникации пришлого (русского) и аборигенного (манчжурского) населения. В ней приводятся факты объединения в языковой структуре регионального контактного языка русских и манчжурских лексических единиц.

Abstract

The current article discusses the data that prove the hypothesis of Russian-Manchu contact language functioning in the city of Blagoveshchensk (the Amur region) at the beginning of its history as a result of communication between new-coming Russians and native Manchu population. Evidences of regional Russian and Manchu lexical units mergers in the language structure are demonstrated.

Ключевые слова: контактный язык, региональный вариант контактного языка, русско-манчжурское «наречие».

Keywords: contact language, regional variation of a contact language, Russian-Manchu «dialect».

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_109_119

1. Введение

Свидетельства о *русско-манчжурском варианте контактного языка в старом Благовещенске (вторая половина XIX в.)* дошли до нас в виде упоминаний в путевых заметках и мемуарах, иногда в художественной литературе в качестве цитат при изображении речи инородцев. Сведе-

ния о нём весьма кратки. Но тем не менее, они позволяют идентифицировать его как особую разновидность контактного языка, которая предшествовала русско-китайскому пиджину.

Один из путешественников того времени, первый писатель-эвенк, этнограф, Г. Т. Муров (По русскому Дальнему Востоку. Их жизнь и нравы. Дневник странника. Т. 1. М., 1910 г.) так описывает старый Благовещенск, улицы города, уличные сценки:

«28 марта, 6 часов утра. Сажу у окна и наблюдаю пробуждение городской жизни. Вон бабы и мужики, с заспанными физиономиями кое-где отворяют окна домиков. Раздается свирель пастуха, и почти из каждого двора выгоняют коров. В полчаса их набирается громадное стадо. Пастух угнал свое стадо и улицы пока опустели.

7 часов. Идут дамы-хозяйки на рынок. Туда же спешат бабы с корзинками, по-видимому, прислуга. Через полчаса или час они проходят обратно.

8 часов утра. Проходят мужчины в фуражках, с кокардами и в шляпах, дети-ученики и ученицы, с сумками и книжками. Первые на службу, в канцелярии или в магазины, последние в школы...

Являются маньчжуры с корзинами на коромыслах. «Лукка»... «Лукка»... горланят они. Кое-где их останавливают и покупают... «Ардис»... «Ардис»... «Лыба»... «Лыба»... горланят они, проходя мимо» [История ..., 2009 б, с. 266–267].

Д. И. Стахеев (За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. СПб., 1879 г.) [История ..., 2009 б, с. 266–267], приехавший на Амур в 1861 году, писал об этом времени:

«В Благовещенске, каждый месяц две недели продолжается маньчжурская ярмарка... Начинаясь обыкновенно с 9 часов утра; десятки разнообразных, более или менее фигурных лодок приставали к русскому берегу. *Маньчжуры* выгружали свои товары и таскали их на ярмарку на своих собственных плечах. *Нойон* (чиновник) ударял несколько раз в бубны, и ярмарка с этого момента считалась открытой. Ехали городские барыни, большею частию жены чиновников и офицеров, закупать провизию; шли казаки и поселенцы, кто за мукой, кто за табаком или *араккой*; появлялась в толпе народа, присущая исключительно только Амурскому краю, обдерганная, оборванная, грязная и пьяная фигура казака-сынка, получившего на Амуре звание *гольтипака*. Торговля начиналась. Маньчжуры беспокойно поводили глазами, стараясь поймать значение русских слов, размахивали руками, показывая пальцы и безжалостно ломали и коверкали русские слова, перемешивая их со своей родной речью.

– *Анда!* (друг) – говорил, пошатываясь, гольтипак, протягивая руку к папушке табаку.

– *Шолоро!* (Уйди) – кричал маньчжур, махая руками, – *шолоро! Лаканча* (худо)!

– Сколько пятаки? – бормотал пьяный. бессмысленно выпучивая осоловевшие глаза.

– **Шолоро! Мангу ачи ты** (Денег нет у тебя), – снова кричал маньчжур, выпроваживая пьяного гольтипака из своей лавчонки...

Торговались покупатели таким образом: поселенец подходит к лавке и высматривает, что ему нужно, потом берет известный продукт в руки и показывает его маньчжuru. Манчжур поднимает пальцы кверху, означая ими количество пятаков, требуемое им за покупаемую вещь.

– Пять пятаков што-ли тебе? – спрашивал поселенец, поднимая всю ладонь кверху.

– **Айя! Айя!** (Хорошо!) – кричал весело маньчжур от радости, что его поняли...;

«... на берегу начала собираться толпа; появились купцы; за ними следом маньчжуры, слышался разговор.

– Что же вы, берете у меня рубли-то? – спрашивал купец.

– **Модонэ ачи** (не понимаем), – отвечали маньчжуры.

– Рубли, рубли, – объяснял купец и, соединив большой палец правой руки с указательным, изобразил кружком серебряный рубль.

– **А, анда, модонэ** (а, друг, поняли), тута десяти тысяча есь! – закричали маньчжуры...».

Приведённые образцы речи маньчжуров и русских свидетельствуют о том, что в ходе общения, когда у собеседников нет общего языка, для решения коммуникативных задач появляется особое средство общения, которое исследователи называют **к о н т а к т н ы м   я з ы к о м**.

2. Анализ исторических материалов

Анализируемые материалы по истории Благовещенска позволяют сделать наблюдения о формировании языка города. Известно, что язык города представляет собой сложное многоуровневое образование. В нём причудливо сочетаются и кодифицированный литературный язык, и различные «нестандартные» формы русского национального языка: территориальные и социальные диалекты, жаргоны, просторечие, маргинальные типы языка и так далее. Сложность и многоуровневость такого образования, как язык города, обусловлена неоднородностью состава его населения. Так было и на начальном этапе истории г. Благовещенска.

В начальный период истории г. Благовещенск население города было «пёстрым». Здесь складывался региональный облик языковой культуры нового провинциального города, который включал в себя русскую литературную речь второй половины XIX в., разговорно-обиходную речь, просторечие, диалекты, жаргоны, аргo, элементы «языка» местного населения: казаков, крестьян переселенцев, солдат, офицеров, священнослужителей, чиновников, ссыльных, купцов и прочих. Все они по-разному участвовали в коммуникации.

Так, анализируемые материалы свидетельствуют о том, что здесь был «очень распространён тип, так называемых, «приискателей золота» или «старателей», которые, за известный куртаж, отправляются в зимнее время в тайгу, на розыски золотоносных месторождений, У таких «приис-

кателей» свой жаргон или, вернее, свои особые выражения и даже они носят особый костюм: необычайно широкие шаровары и вокруг пояса и груди огромный широкий шарф, обматываемый плотно вокруг тела. Одежда эта необыкновенно пёстрая (красная с чёрным или жёлтая с зелёным и проч.) и делается часто из шёлка, а потому стоит довольно дорого» [История ..., 2009 б, с. 182].

Не менее был распространён среди обывателей города и карточный жаргон: «В городе процветала карточная игра. Преимущественно азартная, Даже в клубе резались в штос под оригинальной вывеской. На стене висел отпечатанный в типографии список разрешённых в клубе игр. В числе таковых был «фаллаш». Игры под таким названием никогда и нигде в мире не существовало. Когда в типографии печатался список, «фаллаш» появился из «ералаша», игры дозволенной. Наборщик прочёл в рукописи «ер» как «ф». Этой ошибкой воспользовались господа члены клуба и ежедневно просиживали за карточными столами за очень азартной игрой в штосс, проходившей под псевдонимом «фаллашка» [История ..., 2009 б, с. 135]. Упоминаются там же и другие картёжные термины: «накладка», «насыпные очки», «передержка», «гильотинка» и под.

Характеризуя языковую ситуацию, сложившуюся в городе в начале его становления, можно отметить сосуществование на этой территории не только разных вариантов общенационального русского языка (литературный язык, диалекты, просторечие, жаргоны), но и языков и диалектов коренного тунгусо-маньчжурского населения (маньчжуров, дауров, дючеров, манегров и др.), китайского языка и его северо-восточных диалектов, языков прищлого неславянского населения, составляющих незначительный процент (евреев, грузин, японцев, корейцев и др.).

Приведённые выше образцы речи, записанные Д. И. Стахеевым, прожившим в городе Благовещенске более двух лет, свидетельствуют о функционировании здесь литературного русского языка и диалектной речи переселенцев из разных губерний Европейской части России, Сибири, Дальнего Востока и контактного языка в виде русско-маньчжурского наречия.

Д. И. Стахеев пристально вглядывался и вслушивался в окружающую его речь, анализировал происходящие события, встречи с разными людьми, записывал сведения о жизни различных слоёв населения города и его окрестностей. Весь этот материал впоследствии вошёл в книгу под названием «За Байкалом и на Амуре», опубликованную в Санкт-Петербурге в 1869 году. В частности, в этой книге в главе «От Благовещенска до р. Сангари» есть прямое указание на существование в этом регионе русско-маньчжурского наречия (здесь и далее подчёркивание наше – Л. Ш.): «Мы подъезжали к городу. На берегу тотчас же появились манчжуры с предложением рыбы, яиц, табаку листового и проч. Манчжуры в щирокорукавых кафтанах возились около рыболовных сетей; завидя нас они оставили свои работы и с любопытством всматривались в нашу лодку, приложив руки к глазам в виде зонтика.

– Анда! Ры-ы-ба! Анда-а! Купи-и! – неслось с берега.

– Яичка-а! Таба-а-ки!...

Мы причалили к берегу, и пошёл разговор на только что начинающемся слагаться русско-маньчжурском наречии. Говорящие на этом наречии всего более употребляют в дело руки, глаза и всего менее язык. Мой рулевой задумал купить табак и подошёл к маньчжур, который давно держал в руках несколько папушек и ждал покупателя.

– Ну, – говорил рулевой, тыкая пальцем в табак.

– Айя! Айя! (хорошо) плиятер! – заискивающим тоном залепетал маньчжур и умильно взглядывал на покупателя.

– Чего айя? Эх ты! – сердился рулевой, – говори, почём?

– Плиятер...а-а! айя! – снова вытягивал маньчжур.

– Русским тебе языком-то говорю, дубина, говори, почём табак!

– А! Табаки! А-а! Изволя...Тута!

И маньчжур показал в воздухе два пальца.

– Два пятака что-ли? ну?

– А-а! тута...

И снова два пальца завертелись перед глазами рулевого.

Рулевой вынул из кармана два пятака и показал маньчжур. Маньжур запрыгал, замотал головой и смеялся довольный тем, что они друг друга поняли.

– А-а! Плиятер! Изволя-я! Табаки...ха!ха!ха!...

Торг кончился, мы пошли в лодку...» [История ..., 2009 б, с.78–79].

Образец диалога купли-продажи демонстрирует процесс включения собеседников (русского и маньчжура) в коммуникацию. Коммуникация складывалась на звуковой, грамматической, лексической основе русского и маньчжурского языков, жестикуляции и других кинетических средств. В диалоге присутствуют многие микрокомпоненты описываемой ситуации: установление контакта, называние товара, обсуждение цены, расчёт, завершение контакта. Звуковые, лексические и грамматические средства в речи маньчжура стандартны, ограничены.

Если и рассматривать такие образцы речи как непрофессиональную запись звучащей речи на слух, что вполне вероятно, всё-таки игнорировать такой материал нельзя. И вот почему. Тунгусо-маньчжурские народы были коренным населением Приамурья. Это известный факт. Маньчжурского населения в первые годы становления города было много и в районе «маньчжурского клина», и в Сахалине (старое название г. Хэйхэ), откуда они каждый месяц в течение двух недель приезжали на маньчжурские ярмарки. «Благовещенские купцы вели с манжурами дела и отдельно от ярмарочной торговли... Купцы закупали у маньчжур большими партиями быков, муку и пр., сплавляли означенные продукты вниз по Амуру до Николаевского порта... Кроме торговли с купцами, маньчжуры закупают много скота в казну и получают за это звонкой монетой» [История ..., 2009 б, с. 57].

П. А. Кропоткин, князь, географ и геолог, в 1863 году побывал в Благовещенске и писал о значении маньчжуров для города: «Маньчжуры донельзя нужны для Благовещенска; право, как просуществовал бы Благовещенск без них. Они всё доставляют, что нужно, особенно при своей

любви к торговлишке; да, наконец, у них есть всё-всё можно купить...» [История ..., 2009 б, с. 93].

В начале становления города маньчжурское население вокруг него было «довольно густым» [История ..., 2009 б, с. 96–97], «...в окрестностях Благовещенска сгруппировалось маньчжурское население» [История ..., 2009 б, с. 95]. «Окружённый таким густым маньчжурским населением из превосходных земледельцев, поставленный рядом с Айгуном, ...Благовещенск, конечно, составляет одно из лучших мест на всём Амуре» [История ..., 2009 б, с. 97]. Такие сведения сообщаются почти всеми исследователями, посетившими город Благовещенск в 60–80 гг. XIX в.

Исторические исследования отмечают: «После 1858 года количество поселений и численность жителей в Зазейском крае («маньчжурский клин») постоянно увеличивались. Это говорит об активных внутренних (переселение зазейцев на новые места) и внешних (переселение в край жителей Северного Китая и Маньчжурии) миграционных процессах. Приток китайского населения в Зазейский край из малоземельных провинций Китая значительно увеличился после 1878 года, когда были сняты ограничения на переселение китайцев в Маньчжурию» [Усова, 2005, с. 11].

В указанный период времени сформировались условия для возникновения русско-маньчжурского контактного языка между славянским населением и маньчжурами, которых было много. Следует признать, что необходимость его существования была. Как указывалось выше, он использовался в устной, разговорной форме, чаще в ситуациях купли-продажи.

Последующие исторические события в Китае (до и после 1900 года) способствовали сокращению и утрате русско-маньчжурского контактного языка. К концу XIX он начал вытесняться другим контактным языком – русско-китайским, определяемым как русско-китайский пиджин: «... в Приамурье во второй половине XIX в. активно функционировал неофициальный контактный язык для общения русского (шире – славянского) и китайского (а также маньчжурского и автохтонного) населения края в ситуациях торговли и прочих деловых отношений. Этот язык по своему типу является пиджином, условно определяемым нами как русско-китайский» [Языковая ..., 2014, с. 26].

Н. Г. Гарин-Михайловский, известный русский писатель, инженер-путеец, предпринявший в 1898 году путешествие на Дальний Восток и побывавший в Благовещенске, отмечал, что уже в этот период «...культуру маньчжур бесспорно сменила китайская стойкая, всё выносящая культура. Последние вольности маньчжуров отбираются одна за другой, и некогда всесильная родина последней династии, теперь она только ничтожная провинция в сравнении с остальным громадным Китаем... Маньчжуры напоминают наших казаков Сечи. Такие же бритые, с длинными усами, мужественные и мрачные. Но их теперь уже так мало, как и зубров Беловежской пущи. Всё проходит...» [История ..., 2009 б, с. 160–161].

Конкуренция между маньчжурами и китайцами в этом регионе была всегда и в конечном счёте разрешилась в пользу китайцев. Между теми и другими, по замечаниям путешественников, существовала неприязнь.

В частности, у того же П. А. Кропоткина есть следующее замечание: «Вообще их (маньчжуров) набивается всегда много на пароходы, они бесцеремонно забиваются в каюты, жмут руки сидящим в ней, приговаривая обычное «*мунду*», и, закупив свои *ганзы* с вонючим табаком и беспрестанно отплёвываясь во все стороны, сидят хоть бы только для того, чтобы посмотреть на то, что мы делаем. Если на столе лежат перо и бумага, то кто-нибудь из гостей садится писать, или, если умеет, то и рисовать, причём, перо, конечно, оказывается неудобным, и он достаёт свою кисть. Обычно рисунок изображает какого-нибудь важного маньчжура, с страшными глазами никана (китайца), которых они, по-видимому, недолюбливают» [История ..., 2009 б, с. 96].

Маньчжуры испытывали притеснения и со стороны русских. Так, в 60-е годы XIX в., когда епархия была перенесена в Благовещенск, «для строительства комплекса зданий епархиального управления было выбрано место на берегу Зеи, в четырёх верстах от Благовещенска, в берёзовой роще, с зарослями орешника (в настоящее время это территория судостроительного завода)» [История ..., 2009 а, с. 101]. На этой территории была маньчжурская деревушка, но место понравилось архиепископу, и маньчжуры были изгнаны с насиженного места.

Между тем, как отмечали некоторые авторы, относительно маньчжурского населения в Благовещенске и его окрестностях нужно было «поступать благоразумно: не трогать их, не делать переписи, чтобы не встревожить их и не заставить внезапно переселиться на китайскую сторону, что весьма возможно и вероятно...,они ознакомятся с русскими, и тогда сами не пожелают находиться в китайском подданстве и останутся на нашем берегу, увеличивая население трудолюбивым и очень честным, по словам казаков, народом», – писал П. А. Кропоткин [История ..., 2009 б, с. 97].

Анализируя образцы русско-маньчжурского «наречия», можно выделить в нём лексические элементы именно *маньчжурского* языка, а не китайского, отмеченные в русско-китайском пиджине [Оглезнева, 2007]. Например: *ай би* – «у меня нет ничего»; *аньда* – «друг, приятель, товарищ, компаньон, дядька – так называют царевичи и дети вельможей своих приставников, гувернёров» [Захаров, 1875, с. 15]; *арака* – «водка», арки – «водка, хлебное вино, арак» [Захаров, 1875, с. 54]; *амбань* (русифицированное диалектное *анбань*) – «правитель города, округа» [Захаров, 1875, с. 42]; *айя* – частица в значении «хорошо, ладно»; *амба*¹ – «великий, большой, огромный» [Захаров, 1875, с. 42]; *байнигэ* – «куда?»; *буда* – «просо» [Захаров, 1875, с. 197]; *гусайда* – от *гуса* «маньчжурский корпус войск», *гусайда* – «один из высших воинских чинов, полковник»; *ганзы* – «маленькие медные трубки, насаженные на тонкий чёрный чубук в поларшина и мундштуком из какого-то сероватого камня» [Захаров, 1875, с. 865]; *гячжань* – «телохранитель князя, состоящий в свите князя» [Захаров, 1875, с. 373]; *дзянь-дзюнь* (*дзянь-цзюнь*) – «военный губернатор и командующий войсками в Цинской империи»; *импань* – «укрепление»; *куру, хуру* (*кур-ган*) – «холм, бугор, возвышенность» [Захаров, 1875, с. 296]; *курумэ* (руси-

фицированное *курма*) – «верхняя одежда, надеваемая сверх долгого кафтана, длиною до колен, полукафтан; женская одежда с широкими рукавами» [Захаров, 1875, с. 296]; *майгала* (*мангала*) – «просяная водка с скверным запахом»; *ниман* – «козёл (общее название козла и козы), вонючий баран» [Захаров, 1875, с. 233]; *нойон* (из монг.) – «господин, князь, в Цинской империи титул нойон применялся как собирательное наименование чиновника (государственного служащего)»; *хэнкэ* (русифицированное *ханька*, *ханьки*) – «сахарная дыня» [Захаров, 1875, с. 229]; *хотон* – «город»; *хутун* – «глухой, непроездный переулочек» [Захаров, 1875, с. 531]; *шушу* – «кукуруза, маис» [Захаров, 1875, с. 1012] и многое другое.

Отметим, что и в других тунгусо-маньчжурских языках (по данным «Нанайско-русского словаря», «Эвенкийско-русского словаря» и др.) имеются многие из перечисленных выше слов и выражений в тождественном значении. Ср: анда – обращение к равному себе по возрасту «друг, приятель, подруга, подружка, товарищ», андар – с тем же значением; амба – «злой дух, чёрт», араки – «водка»; ая – частица в значении «ладно», «хорошо» и подобные. [Оненко, 1980, с. 42, 36, 46, 52].

Контактирование русского и маньчжурского населения и их языков в начальный период освоения русскими левого берега р. Амур напоминает нынешнюю ситуацию в приграничном г. Хэйхэ, в котором многочисленны рекламные вывески на русском языке, и в г. Благовещенске, где также в рекламе используются вывески на китайском языке.

Учёными, путешественниками, посетившими Амурскую область в XIX – начале XX вв., также отмечалась традиция использовать русский язык в различного рода названиях магазинов, ресторанов и так далее у маньчжурского и китайского населения на правом берегу Амура в г. Сахалине. Так, в воспоминаниях В. Ф. Семёнова (профессора Томского университета, автора более 30 научных работ), посетившего Амурскую область летом 1908-го года отмечаются факты такого рода. Во время своей научной экспедиции (с 22 мая по 31 июля 1908 года) он вёл рукописный дневник, который хранится в фондах Амурского областного краеведческого музея. В дневнике, в частности, есть следующая запись: «...13.07.08. ...решил побывать в китайском городе Сахалине, расположенном на правом берегу Амура против верхней (считая по течению) части Благовещенска...

Часть города, выходящая на берег Амура, состоит исключительно из новых деревянных построек, типа русских базарных балаганов и дощатых домиков, с тесовыми крышами. На каждой постройке вывеска: «Ресторан Пятигорск», «Трактир Кавказ», «Японская харчевня», «Трактир загородное свидание» и т. п. Чаше же: «Торговля вином и спиртом», «Вина Торговля». Всюду на выставке, на всех полках – жестянки (в пять бутылей) со спиртом, бутылки с русскими и иностранными винами, водками, наливками, коньяками. Торговцы в этих «Винах торговлях» почти все евреи и кавказцы..., есть и китайцы. Пьют же главным образом русские, приезжающие сюда в большом количестве по праздникам...» [История ..., 2009 б].

3. Заключение

Резюмируя наблюдения над описанными выше фактами, характеризующими языковую ситуацию в городе Благовещенске во второй половине XIX века, можно сказать, что она не была стабильной и изменялась под воздействием разных факторов, экстралингвистических и собственно лингвистических. Различные социальные обстоятельства (экономические и др.) в начальный период существования города способствовали и формированию специфической культурно-языковой среды, и формированию контактных языков пришлого славянского населения с местным. Примеры такого языкового взаимодействия многочисленны, лингвистически интересны, поскольку демонстрируют, с одной стороны, универсальные тенденции складывания и развития языковых ситуаций в пределах всего государства, а с другой – своеобразие региональной языковой ситуации в пределах определённого географического пространства, в данном случае города Благовещенска и прилегающих к нему территорий.

Можно привести и другие факты, косвенно и прямо свидетельствующие о наличии именно *маньчжурского*, а не китайского языка в середине XIX века на территории будущего города Благовещенска.

1. В свите Н. Н. Муравьёва-Амурского в составе российской делегации по дипломатической части были прежде всего переводчики с маньчжурского, а не китайского языка, в частности Я. П. Шишмарев.

«Шишмарев Яков Парфентьевич, окончил русско-монгольскую школу в Кяхте, изучал китайский и маньчжурский языки у преподавателя Кяхтинской школы переводчиков Кондрата Григорьевича Крымского, бывшего студента 10-й Русской Духовной Миссии в Пекине (1821–1830 гг.). В 1857–1858 гг. Шишмарев служил у Муравьёва-Амурского; в 1860 г. участвовал в подписании Пекинского договора; затем он – консул в Урге, где также ведал школой переводчиков и толмачей маньчжурского и монгольского языков. Там же всем воспитанникам преподавался и китайский язык» [Fictionbook.ru].

2. На приёме у маньчжурского амбана в Айгуне Н. Н. Муравьёв-Амурский «предъявил своё полномочие, написанное на русском и маньчжурском языках, которым объявлялось, что ему, генерал-губернатору Восточной Сибири, поручено от русского правительства вести переговоры...» [История ..., 2009 б, с. 37].

3. Трактат о присоединении левого берега Амура также был подписан на двух языках – русском и маньчжурском: «Затем началось подписывание тракта на русском и маньчжурском языках – генерал-губернатором, Дзянь-Дзюнем, Перовским, Амбаном, Шишмаревым, Айжиндаем. После подписи генерал-губернатор и Дзянь-Дзюнь взяли каждый в одну руку по два подписанных экземпляра на русском и маньчжурском языках...» [История ..., 2009 б, с. 40].

Таким образом, странным было бы отрицать и не замечать явных фактов существования и функционирования на территории старого г. Благовещенска контактного языка-русско-маньчжурского «наречия». Та-

кие формы контактирования, как отмечают исследователи, временны и недолговечны. «Если контингент говорящих на препиджине (русско-маньчжурском «наречии») непостоянен, а потребность в его использовании возникает лишь от случая к случаю, он не достигает стабилизации и редко может существовать длительное время» [Беликов, 2001, с.119].

Список литературы

1. Беликов, В. И. Социоллингвистика : учебник [Текст] / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2001. – 437 с.
2. Венюков, М. И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии [Текст] / М. И. Венюков. – Хабаровск : Дальгиз, 1952. – 304 с.
3. Захаров, И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. [Текст] / И. И. Захаров. – Типография Императорской Академии Наук, 1875 г. – 1232 с.
4. История Благовещенска. 1856–1917 (в 2-х томах). Серия «Благовещенск. Из века в век». Том 1 [Текст]. – Благовещенск : ОАО «Амурская ярмарка», Благовещенск-на-Амуре, 2009 а. – 464 с.
5. История Благовещенска. 1856–1917 (в 2-х томах). Серия «Благовещенск. Из века в век». Том 2 [Текст]. – Благовещенск : ОАО «Амурская ярмарка», Благовещенск-на-Амуре, 2009 б. – 496 с.
6. Оглезнева, Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социоллингвистического анализа [Текст] / Е. А. Оглезнева. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2007. – 264 с.
7. Оненко, С. Н. Нанайско-русский словарь [Текст] / С. Н. Оненко / Сиб. отделение АН СССР. Ин-т истории, филологии и философии. Под ред. В. А. Аврорина. – М. : Рус. яз. 1980. – 552 с.
8. Усова, А. В. История китайцев, маньчжуров и дауров Зазейского края во второй половине XIX века : автореф. дис... канд. ист. наук 07.00.03 / Усова Анастасия Викторовна ; Ин-т Дальнего Востока Российской Академии Наук. – М., 2005. – 24 с.
9. Языковая ситуация на Дальнем Востоке и приграничной территории (на материале российского Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) [Текст] / А.В. Блохинская, С. В. Гордеева, Е. В. Касимова, Е. А. Оглезнева, Цзян Ин. / под. ред. Е. А. Оглезневой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2014. – 156 с.
10. Fictionbook.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://fictionbook.ru/author/petr_kuzmich_kozlov/tibet_i_dalayi_lama_mertvyiyi_gorod_hara_hoto/read_online.html?page=7

References

1. Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001). *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow : Russian State University of Humanities, 2001.
2. Venjukov, M. I. (1952). *Puteshestvija po Priamur'ju, Kitaju i Japonii* [Traveling in the Amur Region, China, and Japan]. Khabarovsk : Dal'giz.
3. Bohinska, A., Gordeyev, S. V., Kasimova, E. V., Oglezneva, E. A., Jiang Ying. *Jazykovaja situacija na Dal'nem Vostoke i prigranichnoj territorii (na materiale rossijskogo Priamur'ja i provincii Hjejlunczjan, Kitaj)* [Language situation in the Far East and border areas (based on the Russian Amur region and Heilongjiang

- province, China)]. Ed. By E. A. Oglezneva. Blagoveshchensk : Amur State University Press, 2014.
4. Zakharov, I. I. (1875). *Polnyj man'chzhursko-russkij slovar'* [A Complete Manchu-Russian dictionary]. Typography of Imperial Academy of Sciences.
  5. Istorija Blagoveshhenska. 1856–1917 (v 2-h tomah). Serija «Blagoveshhensk. Iz veka v vek» [The History of Blagoveshchensk. 1856–1917. In 2 volumes. Series "Blagoveshchensk. From century to century"]. (2009). Volume 1. Blagoveshchensk : JSC "Amur fair", Blagoveshchensk-on-Amur.
  6. Istorija Blagoveshhenska. 1856–1917 (v 2-h tomah). Serija «Blagoveshhensk. Iz veka v vek» [The History of Blagoveshchensk. 1856–1917. In 2 volumes. Series "Blagoveshchensk. From century to century"]. (2009). Volume 2. Blagoveshchensk : JSC "Amur fair", Blagoveshchensk-on-Amur.
  7. Oglezneva, E. A. (2007). *Russko-kitajskij pidzhin: opyt sociolingvisticheskogo analiza* [Russian-Chinese pidgin: Sociolinguistic analysis]. Blagoveshchensk : Amur State University Press.
  8. Onenko, S. N. (1980). *Nanajsko-russkij slovar'* [Nanai-Russian dictionary] / Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute of History, Philology and Philosophy. Ed. by A. V. Avrorina. Moscow : Russian Language.
  9. Usova, A. V. (2005). *Istorija kitajcev, man'chzhurov i daurov Zazejskogo kraja vo vtoroj polovine 19 veka* [The history of Chinese, Manchurian and Daur people of Zazeysky Krai in the second half of the 19th century]. Author's abstract of PhD in History dis. Far-Eastern Institute of Russian Academy of Sciences. Moscow.
  10. Fictionbook.ru [Electronic resource]. Retrieved from <http://fictionbook.ru/author/petr_kuzmich_kozlov/tibet_i_dalayi_lama_mertvyiyi_gorod_hara_hoto/read_online.html?page=7>.

Наши авторы

Андросова, Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: androsova_s@mail.ru

Борнякова Ксения Константиновна, студент Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация

Кравец Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: t_kravetc@mail.ru

Кравченко Евгения Викторовна, аспирант Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: kravchenko0992@mail.ru

Лескова Екатерина Викторовна, магистрант Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: ekaterina.leskova94@mail.ru

Лобачёва Марина Викторовна, учитель, лицей при Амурском государственном университете, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: lomarinaa@mail.ru

Пиотровская Лариса Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: larisa11799@yandex.ru

Становая Лидия Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: lida_stan@mail.ru

Сухина Юлия Сергеевна, старший преподаватель кафедры китаеведения Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: suhina-25@mail.ru

Чередниченко Олеся Александровна, магистрант Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: olesya7965@bk.ru

Шатравка Анна Владиславовна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой китаеведения Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: ashatravka@mail.ru

Шелухова Елена Валерьевна, аспирант Российского государственного педагогического университета им. И. А. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: elena.shelukhova@yandex.ru

Шипановская Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: lshipanovskaya@mail.ru

Our authors

Svetlana V. Androsova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: androsova_s@mail.ru

Kseniya K. Bormyakova, student, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation

Tatyana V. Kravets, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: t_kravets@mail.ru

Evgeniya V. Kravchenko, PhD student, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: kravchenko0992@mail.ru

Ekaterina V. Leskova, Master's student, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: ekaterina.leskova94@mail.ru

Marina V. Lobacheva, teacher, Lyceum, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: lomarinaa@mail.ru

Larisa A. Piotrovskaya, Doctor of Philology, professor, Department of the Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: larisa11799@yandex.ru

Lydia A. Stanovaia, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: lida_stan@mail.ru

Julia S. Sukhina, senior teacher, Department of Chinese Studies, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: suhina-25@mail.ru

Olesya A. Cherednichenko, Master's student, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: olesya7965@bk.ru

Anna V. Shatravka, PhD in Philology, Head of the Department of Chinese Studies, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: ashatravka@mail.ru

Elena V. Shelukhova, PhD student, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: elena.shelukhova@yandex.ru

Ludmila M. Shipanovskaja, PhD in Philology, Professor, Department of the Russian Language and Speech Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: lshipanovskaya@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Кравец Т. В.</i>	Оценочный компонент в значении немецких паремий с лексемой <i>der Gott</i>	5
<i>Кравченко Е. М.</i>	Модальная частица 吧 <i>ba</i> : эволюция, особенности функционирования и основные значения	14
<i>Лобачёва М. В., Андросова С. В.</i>	К проблеме статуса и модификаций внутренней структуры слога в слоговых языках (на материале китайского языка)	23
<i>Пиотровская Л. А.</i>	Теоретические основы изучения эмотивной функции интонации	41
<i>Становая Л. А.</i>	Ещё раз к вопросу о принципе языковой экономии	50
<i>Сухина Ю. С., Лескова Е. В.</i>	Лексико-грамматические аспекты перевода префиксов <i>ruǎn-</i> и <i>líng-</i>	76
<i>Шатравка А. В., Борнякова К. К.</i>	Основные способы перевода включающих предложений с китайского языка на русский	85
<i>Шатравка А. В., Чередниченко О. А.</i>	Грамматические особенности предлогов и союзов, передающие причинные и целевые отношения в современном китайском языке	93
<i>Шелухова Е. В.</i>	Теория актуализации Шарля Балли	101
<i>Шипановская Л. М.</i>	О русско-маньчжурском варианте контактного языка в старом Благовещенске (к вопросу о вариантах контактных языков на Дальнем Востоке)	109
<i>Информация об авторах</i>		120

CONTENTS

Original Papers

<i>Kravets T. V.</i>	Evaluative component in the meaning of the German set expressions with the lexeme <i>der Gott</i>	5
<i>Kravchenko E. V.</i>	The modal particle 吧 <i>ba</i> : Evolution, functioning patterns and basic meaning	14
<i>Lobacheva M. V., Androsova S. V.</i>	On the status and modifications of the internal syllable structure in syllabic languages (based on Mandarin Chinese)	23
<i>Piotrovskaya L. A.</i>	Basic principles for studying intonation emotive function	41
<i>Stanovaia L. A.</i>	Addressing the principle of linguistic economy again	50
<i>Sukhina J. S., Leskova E. V.</i>	Lexical and grammatical aspects of translating <i>ruǎn-</i> and <i>líng-</i> prefixes	76
<i>Shatravka A. V., Bornyakova K. K.</i>	The main ways of translating embedded sentences from Chinese to Russian	85
<i>Shatravka A. V., Cherednichenko O. A.</i>	Grammatical features of function words transmitting the relations of reason and purpose in modern Chinese	93
<i>Shelukhova E. V.</i>	Charles Bally's theory of actualization	101
<i>Shipanovskaja L. M.</i>	Russian-Manchu version of the contact language in old Blagoveshchensk (On the variants of contact languages in the Far East)	109
<i>Our authors</i>		120

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2, No 4, 2016.
Издательство АмГУ.

Подписано к печати 25.12.16. Редактор – С. В. Андросова.
Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 14,41. Тираж 500. Заказ 778.
Отпечатано в типографии АмГУ.